E50
292

E50
292

ѲЕОФИЛАКТЪ РУСАНОВЪ,

ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКІЙ ІЕРАРХЪ

ЭПОХИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I-го.

А. Ельчукова.

Ж
О С
ПСТВ

КІЕВЪ.
Тип. И. И. Горбунова, Крещ., д. Дегтерева, № 38-й.
1905.

Печатать дозволяется. 9 сентября 1905 г.
Ректоръ Кіевской Духовной Академіи *Епископъ Платонъ.*

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 30993 19 90.

Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. Дух. Академіи».

Ѳеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра I-го.

Въ памяти русскаго общества во дни столѣтнихъ юбилейныхъ торжествъ все чаще и чаще въ наше время будутъ переживаться славные дни, событія и лица незабвенной эпохи первой половины царствованія императора Александра I-го.

Истомляемое болѣзненной тоской вслѣдствіе неудовлетворенности дѣйствительностью, нерѣдко теряющее чутье истины, подчасъ забывающее объ исконныхъ національныхъ основахъ и стремящееся неудержимо къ чуждымъ идеаламъ, наше современное общество лихорадочно хватается за все бодрящее, зовущее къ жизни, труду, будетъ ли это мощная здоровая современная мысль, или свѣтлое историческое воспоминаніе о прежнихъ радостныхъ дняхъ, когда оно вѣрило, надѣялось, понимало себя, свои задачи, идеалы. Эпоха первой половины царствованія императора Александра I-го состояла именно изъ такихъ славныхъ дней нашей общественно-политической жизни. Ее смѣло можно назвать эпохой нашего обновленія, зарожденія того идеализма, который, какъ ни подавлялся иногда печальной дѣйствительностью, все-же никогда у насъ не замиралъ,—эпохой необыкновеннаго подъема благороднаго національнаго чувства, появленія у насъ энергичныхъ и европейски просвѣщенныхъ дѣятелей, при одномъ имени которыхъ проникаешься благороднымъ гордымъ національнымъ чувствомъ и добрымъ настроеніемъ.

Но, къ сожалѣнію, теперь не всѣ изъ этихъ славныхъ дѣятелей живо и ясно у насъ вспоминаются; нѣкоторые почти забыты. Къ такимъ, напр., принадлежитъ Ѳеофилактъ Русановъ, членъ св. Синода, епископъ калужскій, потомъ архіепископъ рязанскій и, наконецъ, экзархъ Грузіи. Между тѣмъ, знакомство съ нимъ, помимо психологическаго интереса, имѣетъ важное историческое значеніе. Бывши у насъ блестящимъ церковнымъ дѣятелемъ и проповѣдникомъ въ началѣ прошлаго столѣтія, Ѳеофилактъ Русановъ вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ выразителемъ лучшихъ идей и умственныхъ теченій своего времени. По самой широтѣ своей натуры, по свойству своего даровитаго духа, онъ, по сравненію съ многими своими современниками, могъ гораздо глубже усвоить тѣ матеріалы, какіе переработывала эпоха первой половины царствованія императора Александра I-го, и лучше понять коренныя задачи послѣдней. Человѣкъ съ блестящимъ умомъ, сильной волей и стремленіемъ къ иниціативѣ, преосвященный Ѳеофилактъ способенъ былъ бы во всѣхъ родахъ службы и дѣятельности быть на видной высотѣ. Но ему выпалъ жребій посвятить свои богатыя и энергичныя силы служенію нашей церкви. И въ этомъ отношеніи, какъ церковный дѣятель, онъ представляетъ замѣтное явленіе въ нашей исторіи. Имя его, по плодамъ его дѣятельности, должно занять почетное мѣсто въ исторіи нашего просвѣщенія вообще, въ исторіи нашей духовной школы, въ особенности—церковнаго управленія и духовнаго краснорѣчія. Какъ духовный ораторъ, Ѳеофилактъ Русановъ былъ извѣстенъ въ свое время всей сѣверной нашей столицѣ: Двору, высшему интеллигентному обществу и среднему классу. Калуга и Рязань также восхищались его проповѣдями. И при всемъ этомъ значеніи его личности, до сихъ поръ исторія не произнесла хотя бы болѣе или менѣе полнаго и безпристрастнаго суда надъ ней. Мало того, имя

этого знаменитаго іерарха до послѣднихъ годовъ оставалось какъ-то въ тѣни, въ забытьи, тогда какъ нѣкоторые изъ современниковъ его и дѣятелей, шедшихъ параллельно съ нимъ, сошли въ могилу, завѣщавъ потомству громкую извѣстность и отмѣтивъ собою особую эпоху въ исторіи русской церкви новаго времени.

Въ нашей литературѣ нѣтъ обильнаго матеріала объ этомъ замѣчательномъ церковномъ дѣятелѣ и извѣстномъ въ свое время проповѣдникѣ. Насколько мы имѣли возможность узнать, первыя печатныя біографическія свѣдѣнія о немъ относятся къ 1847 и 1848 г.г. Мы разумѣемъ, во-первыхъ, біографію его, помѣщенную въ „Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1847 г. въ № 34 и съ небольшимъ сокращеніемъ воспроизведенную въ іюньской книгѣ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ 1848 г. (на 303—304 ст.), во-вторыхъ—біографію его, помѣщенную въ „Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли“ Бантышъ-Каменскаго (изданіе въ СПБ. 1847 г. 5 ч. 390—392 стр.). Указанныя біографіи очень кратки и, не давая никакого опредѣленнаго понятія о личности и дѣятельности Ѳеофилакта Русанова, представляютъ собой почти только сухой перечень хронологическихъ датъ и перемѣнъ служебной его дѣятельности. Въ „Словарѣ“ Бантышъ-Каменскаго есть, между прочимъ, перечень его ученыхъ трудовъ. Такой же краткій и сухой перечень его ученыхъ трудовъ съ краткими біографическими свѣдѣніями мы встрѣчаемъ во второй части „Обзора русской духовной литературы“ преосвящ. Филарета Черниговскаго (ст. 209). Въ 1857 г. профессоръ С.-Петербургской духовной Академіи Ил. Чистовичъ издалъ „Исторію С.-Петербургской духовной Академіи“, въ которой сообщилъ хотя цѣнныя, но краткія и оффиціальныя біографическія свѣдѣнія о Ѳеофилактѣ. Указанное сочиненіе Чистовича даетъ много оффиціальныхъ данныхъ собственно относительно его академической дѣятельности. Въ 1868 г. въ „Русскомъ Вѣстникѣ“

(3 и 4 кн.) явилась статья П. М., подъ заглавіемъ „Изъ прошлаго“. Авторъ этой статьи, обозрѣвая эпоху Александра I-го, говоритъ, между прочимъ, и о Русановѣ, но настолько, насколько дѣятельность послѣдняго соприкасается съ дѣятельностью другихъ знаменитыхъ его современниковъ. Названная статья изображаетъ только петербургскую дѣятельность Ѳеофилакта, не упоминая вовсе о дѣятельности его въ Калугѣ, Рязани и Грузіи. Кромѣ того, отдавая должную справедливость фактической сторонѣ названнаго труда П. М., исторія не можетъ безъ провѣрки принять предложенное въ немъ истолкованіе фактовъ. Истолкованіе это основано отчасти на запискахъ современниковъ, нерасположенныхъ лично къ знаменитому іерарху, отчасти на немногихъ разсказахъ старожиловъ, помнившихъ его; но эти разсказы нуждаются въ болѣе тщательной повѣркѣ. Вообще, при всемъ сочувствіи автора названной статьи къ Ѳеофилакту, на каждой страницѣ ея проглядываетъ тенденціозное стремленіе объяснить все поведеніе Ѳеофилакта честолюбивыми видами и его враждою къ С.-Петербургскому митрополиту Амвросію. Такою же тенденціозностью отличается требующая внимательнаго критическаго разсмотрѣнія и появившаяся въ 11 и 12 кн. „Вѣстника Европы“ за 1873 годъ статья Р—ва (извѣстнаго проф. Ростиславова), подъ заглавіемъ „Ѳеофилактъ Русановъ, первый экзархъ Грузіи“. Правда, въ этой статьѣ представлена болѣе или менѣе полная біографія Русанова, особенно въ сравненіи съ тѣми, о которыхъ мы уже упомянули. Но за то она вся проникнута тенденціознымъ стремленіемъ автора представить какъ Ѳеофилакта, такъ и все современное ему монашество въ невыгодномъ свѣтѣ. Кромѣ того, въ ней мало выяснена дѣятельность знаменитаго іерарха въ „Комиссіи духовныхъ училищъ“ и въ Калугѣ. Если же авторъ говоритъ полнѣе о дѣятельности Ѳеофилакта въ Рязани и Грузіи, то и тогда онъ основывается болѣе на разсказахъ тамошнихъ старо-

жиловъ, чѣмъ на оффиціальныхъ данныхъ. Тотъ же проф. С.-Петербургской духовной Академіи Д. И. Ростиславовъ въ своихъ „Запискахъ“, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ“ 1895 г. за мартъ мѣсяцъ, дополнилъ прежнія свѣдѣнія о Ѳеофилактѣ нѣкоторыми новыми. Но, къ сожалѣнію, эти дополнительныя свѣдѣнія оказались прямо несправедливыми нареканіями на знаменитаго церковнаго дѣятеля. Такъ, Ростиславовъ, напримѣръ, приписываетъ ему два компрометирующихъ факта: 1) жестокое обращеніе съ извѣстнымъ въ нашей исторіи Варлаамомъ Шишацкимъ, архіепископомъ могилевскимъ, при участіи (будто бы) въ церемоніи лишенія Варлаама епископскаго сана и 2) растрату огромной суммы, данной ему для оказанія помощи духовенству и церквамъ, пострадавшимъ отъ нашествія французовъ. Но теперь уже фактически доказана несправедливость этихъ двухъ нареканій на Ѳеофилакта. Это, между прочимъ, доказалъ А. Гавриловъ, авторъ краткой замѣтки на „Записки Д. И. Ростиславова, проф. С.-Петербургской дух. Акад.“, помѣщенной въ августовской кн. журнала „Странникъ“ за 1895 годъ. Опроверженіе указанныхъ несправедливыхъ нареканій проф. Ростиславова на нравственное достоинство знаменитаго іерарха даетъ намъ основаніе съ недовѣріемъ относиться и къ другимъ тенденціознымъ свѣдѣніямъ Ростиславова о немъ. Совсѣмъ иначе мы должны относиться къ біографическимъ свѣдѣніямъ о Ѳеофилактѣ, сообщеннымъ іером. Леонидомъ въ его книгѣ подъ заглавіемъ „Исторія церкви въ предѣлахъ нынѣшней Калужской губерніи и калужскіе іерархи“ (Калуга 1876 г.). Мы можемъ почти съ полнымъ довѣріемъ отнестись къ этому источнику, такъ какъ, во-первыхъ, духъ и тонъ его не даютъ основанія заподозрѣвать нравственное достоинство ея автора, во-вторыхъ, многія свѣдѣнія о преосв. Ѳеофилактѣ основаны на оффиціальныхъ документахъ. Къ сожалѣнію, въ этой книгѣ сообщаются свѣдѣнія собственно о дѣятельности преосвящен-

наго въ Калугѣ, о другихъ же родахъ и мѣстахъ его служенія только дѣлаются краткія упоминанія. О дѣятельности Ѳеофилакта въ Рязани даются нѣкоторыя свѣдѣнія въ „Исторіи Рязанской духовной семинаріи“ Дим. Агнцева, преподавателя Рязанской духовной семинаріи, 1889 г. О дѣятельности его въ Грузіи имѣются свѣдѣнія въ „Исторіи Грузинской іерархіи“, изданной въ Москвѣ въ 1826 г. Но самымъ важнымъ печатнымъ источникомъ служитъ вышедшее въ 1894 г. сочиненіе Ил. Чистовича: „Дѣятели духовнаго просвѣщенія первой половины настоящаго столѣтія“. Это сочиненіе дало очень много цѣнныхъ и притомъ достовѣрныхъ свѣдѣній о преосв. Ѳеофилактѣ. Въ немъ полно изображается собственно дѣятельность его въ „Комиссіи дух. училищъ“ и въ Грузіи; о служеніи его въ Калугѣ и Рязани дается свѣдѣній очень мало, а о домашней, частной его жизни (что было бы и неумѣстно въ такомъ оффиціальномъ сочиненіи) ничего не говорится. Къ этому сочиненію, какъ составленному авторомъ на основаніи оффиціальныхъ документовъ, мы должны отнестись съ полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Наконецъ, мы должны упомянуть еще о статьѣ профессора Н. Покровскаго: „Ѳеофилактъ Русановъ и его проповѣди“, помѣщенной въ журналѣ „Странникъ“ за 1877 годъ (январь и февраль мѣсяцы). Эта статья, будучи составлена на основаніи статьи „Изъ прошлаго“, (Рус. Вѣстникъ 1868 г. 74 т.) и статьи Ростиславова (Вѣстникъ Евр. 1873 г. 11 и 12 кн.), не дала, собственно, ничего новаго для біографіи Ѳеофилакта; хотя для оцѣнки проповѣднической дѣятельности послѣдняго она имѣетъ значеніе, такъ какъ въ ней представленъ (пока единственный въ нашей проповѣднической литературѣ) болѣе или менѣе подробный отзывъ о проповѣдническомъ его талантѣ.

Сдѣланными указаніями и исчерпывается почти весь кругъ печатныхъ источниковъ, болѣе или менѣе подробно касающихся

личности Ѳеофилакта Русанова. Нечего и говорить о томъ, что онъ далеко не отличается богатствомъ.

Задачею нашего труда служитъ такое изображеніе жизни и дѣятельности преосвящ. Ѳеофилакта, которое могло бы дать намъ болѣе или менѣе цѣльное и безпристрастное представленіе личности его, какъ человѣка вообще и какъ церковнаго дѣятеля въ частности. Источниками, давшими намъ наличный матеріалъ для нашего труда были, во 1-хъ, критически нами разсмотрѣнныя печатныя свѣдѣнія о преосв. Ѳеофилактѣ, въ 2-хъ, многія частныя, случайныя, побочныя сообщенія о немъ и, въ 3-хъ, лично нами изслѣдованные документы изъ дѣлъ архива Грузино-Имеретинской конторы.

Жизнь и дѣятельность преосв. Ѳеофилакта Русанова мы намѣрены разсматривать по періодамъ. Основаніе для такого именно разсмотрѣнія мы имѣемъ въ самомъ ходѣ его жизни и дѣятельности. Жизнь этого замѣчательнаго церковнаго дѣятеля текла не ровно: въ ней онъ испыталъ и большую славу и паденіе. Эти два существенныхъ момента именно и раздѣляютъ всю жизнь Ѳеофилакта на четыре различныхъ періода. Первый періодъ (съ 1765 г., года рожденія Русанова, до 1807 г.) былъ, такъ сказать, подготовительнымъ періодомъ для его славы: изъ скромнаго учителя семинаріи онъ постепенно возвышается, создаетъ извѣстность своему имени, какъ проповѣдникъ и законоучитель столичныхъ заведеній, быстро достигаетъ епископскаго сана, и, наконецъ, епископскою дѣятельностью въ Калугѣ заявляетъ себя способнымъ уже для дѣятельности въ сферѣ столичной и синодальной—общецерковной. Второй періодъ его жизни (съ 1807—1810 г.)—періодъ славы, когда онъ является въ сѣверной столицѣ блестящимъ дѣятелемъ по современнымъ вопросамъ, касавшимся всей церкви, находясь въ званіи члена Св. Синода, члена „Комиссіи дух. училищъ“ и проф. С.-Петербургской дух. Академіи. Третій періодъ (съ конца 1810 до половины 1813 г.)—періодъ постепен-

наго ниспаденія съ высоты занятаго имъ блестящаго положенія столичнаго и общецерковнаго дѣятеля,—закончившійся совершеннымъ удаленіемъ его изъ столицы. Наконецъ, четвертый періодъ—періодъ жизни и дѣятельности Ѳеофилакта послѣ опалы—сначала въ Рязани, потомъ въ Грузіи до самой его смерти (1821 г.).

Первый періодъ жизни и дѣятельности преосвященнаго Ѳеофилакта (1766—1807 гг.).

Годы его воспитанія и обученія. Дѣятельность его въ качествѣ преподавателя Александровской семинаріи, законоучителя свѣтскихъ заведеній и настоятеля монастырей. Возвышеніе и извѣстность Ѳеофилакта въ столицѣ. Назначеніе его епископомъ въ Калугу. Дѣятельность въ Калугѣ. Заботы о калужской семинаріи. Отношеніе его къ калужской паствѣ вообще. Обстоятельства, способствовавшія вызову его въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ.

Преосвященный Ѳеофилактъ, до монашества Ѳеодоръ Гавриловичъ Русановъ, былъ родомъ изъ Архангельской губерніи, Онежскаго округа, Набережской волости [1]). По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ небогатой, неродовитой средѣ: былъ сынъ дьячка [2]). Родился въ 1765 г. [3]). У него было еще два брата [4]). Одинъ изъ нихъ—Григорій Русановъ, по окончаніи курса наукъ въ С.-Петербургскомъ Педагогическомъ Институтѣ, опредѣленъ былъ 25 августа 1806 г. въ „Высшее училище Правовѣдѣнія“ при комиссіи составленія законовъ, гдѣ въ теченіе трехъ лѣтъ изучалъ право; въ декабрѣ 1812 г. онъ находился, между

---

[1]) „Исторія С.-Петербургской Дух. Акад.“ Ил. Чистовичъ 1857 г. стр. 88; „Журналъ Мин. Нар. Прос.“ 1848 г., іюнь, стр. 303—304.

[2]) Чистовичъ, ibid.

[3]) Ibid.

[4]) „Вѣстникъ Европы“ 1873 г. 11 кн., стр. 231.

прочимъ, при Ѳеофилактѣ для занятія по письмоводству, числясь столоначальникомъ Департамента Исполнительной полиціи [1]). Годы дѣтства и юности Ѳеофилакта, годы воспитанія и обученія прошли въ безвѣстности. Сначала онъ обучался въ бывшей Олонецкой семинаріи въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, откуда по окончаніи курса, какъ лучшій ученикъ, былъ посланъ въ 1787 г. въ С.-Петербургскую Невскую главную семинарію, учрежденную въ томъ же году въ качествѣ высшаго учебнаго заведенія для приготовленія учителей въ высшіе классы епархіальныхъ семинарій [2]). Здѣсь-то, въ духовной школѣ, постепенно развивались у него во всей широтѣ проявленныя имъ впослѣдствіи и сила воли, и стремленіе къ иниціаторской дѣятельности, и сила умственная. Въ тогдашней духовной школѣ, говоря вообще, господствовалъ старый схоластическій методъ преподаванія. Реторика, логика, философія считались главнѣйшими предметами обученія; математика, исторія, географія преподавались крайне поверхностно [3]). Исключеніе, въ данномъ случаѣ, составляла главная Александро-Невская семинарія, въ которой эти науки преподавались еще сносно [4]). За то обученіе древнимъ языкамъ, въ особенности латинскому, шло превосходно. Главнымъ образомъ благодаря этому обученію, а быть можетъ, и всей суровой обстановкѣ школы, изъ духовныхъ училищъ выходили люди трудолюбивые, усидчивые, неустанно преслѣдовавшіе цѣль, умѣвшіе взяться, какъ слѣдуетъ, за всякую умственную работу. Изъ этой школы выходили люди, одинаково сильные и въ теоріи и въ практикѣ, люди, способные проникаться самыми широкими идеями

---

[1]) „Руководящіе дѣятели духов. просвѣщенія въ Россіи“ И. А. Чистовича, 1894 г., стр. 66.

[2]) „Ист. С.-Петербургской Дух. Акад.“ И. Чистовича, стр. 76 и 88.

[3]) См., напр., „Очеркъ исторіи Псковской Семинаріи“ „въ Чтен. Москов. Общ. Истор. и др.“ годъ 1866, кн. 1.

[4]) „Ист. С.-Петербургской Дух. Акад.“ Чистовича, стр. 77—78.

и въ то же время великіе систематики и организаторы. Ѳеофилактъ Русановъ былъ именно однимъ изъ такихъ воспитанниковъ старой духовной школы. Такимъ же былъ и его товарищъ-другъ, младшій курсомъ, М. М. Сперанскій [1]). По окончаніи курса въ главной Александро-Невской семинаріи въ 1792 г., Русановъ и Сперанскій, по ходатайству митрополита Гавріила, какъ лучшіе и даровитѣйшіе ученики, были опредѣлены въ ней учителями—первый по классу поэзіи и риторики, второй—по классу математики и физики, а вскорѣ и по классу высшаго краснорѣчія [2]). Въ 1792 же году Русановъ принялъ монашество съ именемъ Ѳеофилакта, а въ 1793 г., бывши іеродіакономъ, исполнялъ обязанность катихизатора, публично изъясняя катихизисъ въ теченіе цѣлаго года [3]). Здѣсь, вѣроятно, и началъ раскрываться его проповѣднический талантъ. Въ 1794 году, по посвященіи въ санъ іеромонаха, онъ опредѣленъ былъ законоучителемъ въ Греческій корпусъ, переименованный въ 1796 г. въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ; въ 1796—1797 гг. онъ преподавалъ законъ Божій въ сухопутномъ шляхетномъ и артиллерійскомъ кадетскихъ корпусахъ [4]). На мѣста законоучителей кадетскихъ корпусовъ были предпочтительно назначаемы даровитые іеромонахи, архимандриты и священники, откуда уже они были переводимы на высшія должности іерархическія. Получивъ, по выходѣ изъ школы, возможность сблизиться съ свѣтскимъ обществомъ, Ѳеофилактъ пришелъ къ убѣжденію въ необходимости дополнить свое семинарское образованіе. Онъ съ увлеченіемъ принялся за изученіе новыхъ языковъ, особенно французскаго, который былъ въ то время гораздо

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“ Чистовича стр. 28.

[2]) „Ист. С.-Петербургской Дух. Акад.“ Чистовича, стр. 84—89.

[3]) Ibid., стр. 80.

[4]) Ibid., стр. 89.

употребительнѣе, чѣмъ всѣ остальные языки. По-французски онъ даже умѣлъ правильно и хорошо говорить. Знаніе этихъ языковъ дало ему возможность изучить нѣмецкую и особенно французскую литературу, ознакомиться съ сочиненіями многихъ замѣчательныхъ мыслителей конца XVIII и начала XIX в.в. Особенно хорошо изучилъ онъ философію, эстетику и исторію [1]). Такое знакомство съ западно-европейскимъ образованіемъ естественно выдвигало его изъ ряда современныхъ духовныхъ лицъ и давало ему право на занимаемое имъ почетное положеніе. Своими обширными познаніями, своимъ умѣніемъ ясно излагать ихъ онъ производилъ такое сильное впечатлѣніе на свѣтское юношество, что даже самъ императоръ Павелъ обратилъ на него свое вниманіе [2]). Кромѣ того, Ѳеофилактъ въ это время сталъ извѣстенъ и своимъ проповѣдническимъ талантомъ. Имѣя видную, величественную, хотя и некрасивую, наружность [3]), и даръ слова, онъ, въ должности законоучителя вышеупомянутыхъ заведеній, искусствомъ проповѣдничества заслужилъ одобрительное вниманіе со стороны высшаго свѣтскаго общества и даже императрицы Екатерины II-ой [4]).

Благодаря такой извѣстности высшему начальству и свѣтской С.-Петербургской публикѣ по своей образованности и проповѣдническому искусству, Ѳеофилактъ быстро шелъ въ повышеніяхъ и отличіяхъ по службѣ. Въ 1795 г. онъ, по производствѣ въ санъ архимандрита, былъ назначенъ настоятелемъ Зеленецкаго монастыря; 29-го мая 1796 г. переведенъ въ Сергіевскую пустынь близъ Петергофа; 8 ноября 1798 г.—въ Новгородскій Антонія Римлянина монастырь, съ пожалованіемъ въ члены Св. Синода въ званіи

---

[1]) „Русск. Вѣст" 1868 г., 74 т. сг. „Изъ прошлаго", стр. 460.

[2]) „Вѣст. Евр." 1873 г. 11 кн., стр. 235.

[3]) Онъ былъ раскосъ, рыжъ и плѣшивъ; ibid, стр. 234.

[4]) „Ист. церк въ пред. нынѣшней Кал. г. и кал. іерархи". Кал. 1876.

Ассесора; наконецъ, въ 1799 г. сопричисленъ къ ордену св. Анны 2-й степени и переведенъ въ первоклассный Иверскій монастырь; при чемъ во всѣхъ указанныхъ монастыряхъ онъ не жилъ, а оставался по должности законоучителя и члена Св. Синода въ С.-Петербургѣ [1]). Идя такъ быстро въ повышеніяхъ и отличіяхъ по службѣ, Ѳеофилактъ за свою энергичную просвѣщенную дѣятельность получилъ епископскую каѳедру, имѣя только 34 года отъ роду. Посвященіе его въ санъ епископа калужскаго состоялось 30 октября 1799 года въ Гатчинской придворной церкви, а нареченіе—23-го октября; при нареченіи его, между прочимъ, изъявилъ желаніе присутствовать самъ императоръ Павелъ съ Высочайшей Фамиліей [2]). Посвященіе въ епископы въ такихъ молодыхъ лѣтахъ—явленіе чрезвычайно рѣдкое въ тогдашнее время. Моложе Русанова сдѣланъ былъ архіереемъ только Платонъ, митрополитъ московскій,—33-хъ лѣтъ; впослѣдствіи митрополиты—Евгеній кіевскій и Филаретъ московскій получили хиротонію, когда имъ было по 35 лѣтъ. По посвященіи въ епископы, Ѳеофилактъ отправился въ свою Калужскую епархію. Онъ былъ первымъ епископомъ въ Калугѣ; на его долю пало открытіе и начальное устройство епархіальнаго управленія этой новоучрежденной епархіи. Но это же обстоятельство поставило Ѳеофилакта въ непріятное столкновеніе съ уважаемымъ въ то время всѣми московскимъ митрополитомъ Платономъ. Старцу митрополиту не легко было видѣть постепенное сокращеніе своей епархіи [3]). Этимъ, именно,

---

[1]) См. а) „Истор С.П.Б. Дух. Ак.“ Чистовича, стр. 19; б) „Ист. церк. въ предѣлахъ нынѣшней калуж. губ. и калуж. іерархи“ іеромон. Леонида; ст. 15; в) Журн. Мин. Нар. Прос.“ 1848 г, іюнь ст. 303—304.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв.“ И. Чистовича 1894 г. стр. 30—31.

[3]) Въ это же время образована была Тульская епархія изъ бывшей Калужской части Московской епархіи, нѣсколько прежде Орловская изъ Сѣвскаго викаріатства Моск. епархіи. „Руковод. дѣят. дух. просв.“ 32 стр. 2-ое прим.

обстоятельствомъ объясняется то нерасположеніе, какое встрѣтилъ преосвященный Ѳеофилактъ со стороны митрополита Платона, когда проѣздомъ черезъ Москву въ свою епархію посѣтилъ его. Свое нерасположеніе митрополитъ Платонъ, между прочимъ, выразилъ въ слѣдующемъ отзывѣ о Ѳеофилактѣ, высказанномъ имъ въ письмѣ къ митрополиту С.-Петербургскому Амвросію отъ 15-го апрѣля 1800 г.: „человѣкъ молодой и не по сану отважный“ [1]).

Но были и другія основанія для нерасположенія митрополита Платона къ преосв. Ѳеофилакту. Онъ требовалъ отъ митрополита Платона, на основаніи синодальнаго постановленія, выдачи ему ризницы и прочаго церковнаго и домового имущества бывшихъ крутицкихъ архіереевъ [2]); Платону же, какъ можно заключать по 57, 58 и 60 письмамъ его къ митрополиту Амвросію, не хотѣлось отдавать Ѳеофилакту всего, что тотъ требовалъ, хотя все-таки въ концѣ концовъ пришлось отдать. Какъ сообщаетъ іером. Леонидъ, преосв. Ѳеофилактъ дѣйствительно получилъ ризницу бывшей Крутицкой епархіи (кромѣ ризъ, шитыхъ жемчугомъ), хранившуюся до того времени въ Александро-Невской лаврѣ. Также ему велѣно было отдать какъ домовыя вещи бывшаго крутицкаго архіерейскаго дома, состоявшія въ вѣдомствѣ митрополита Платона, такъ равно и тѣ ризничныя и домовыя вещи, которыя были пріобрѣтены по Дмитровской епархіи преосв. Серапіономъ [3]). Уже въ описанномъ столкновеніи съ митрополитомъ Платономъ преосв. Ѳеофилактъ проявилъ ту энергичную, твердую независимость въ своихъ дѣйствіяхъ, которою отличался до конца своей жизни. Хотя, быть можетъ, въ упомянутомъ случаѣ онъ уже слишкомъ „отважно“, по

---

[1]) 58 письмо м. Платона къ м. Амвросію, помѣщ., какъ и всѣ другія письма, въ приб. къ „Прав. Обозр.“ 1869 г. за 1-ое полуг. ст. 44.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв.“ Чистовича, стр. 32.

[3]) Цитов. соч. іером. Леонида, стр. 156 и 157.

выраженію Платона, отстаивалъ свои права, но все-же юридическая справедливость была на его сторонѣ.

Въ Калугу преосв. Ѳеофилактъ прибылъ 8-го января 1800 г. Паства встрѣтила своего новаго пастыря, по разсказамъ очевидцевъ [1]), почти въ полномъ своемъ составѣ, расположившись на разстояніи двухъ верстъ отъ Лаврентьева монастыря до церкви свят. Іоанна Предтечи. При чемъ преосвященный на литургіи, совершенной имъ въ церкви Казанской Богоматери, привѣтствовалъ свою паству словомъ на текстъ: „внемлите Закону Божію, слышите слово Господне (Ис. 1, 3; Іерем. X, 1“), въ которомъ, намекая на главный недугъ ея, между прочимъ, сказалъ, что „слово Божіе, преобразовавши совершенно нравы и склонности народа въ первыхъ вѣкахъ христіанства, надъ слушателями настоящаго времени дѣйствуетъ такъ слабо, что святая церковь не можетъ достойно оплакать таковаго оскудѣнія, особенно когда зритъ отторгающихся отъ нѣдръ православныя нашея вѣры и впадающихъ въ недугъ раскола“ [2]). Нужно замѣтить, что въ Калужской губерніи расколъ былъ очень тогда распространенъ. Начало ему было здѣсь положено въ царствованіе Петра Великаго: онъ явился въ такъ называемыхъ „Брынскихъ лѣсахъ“, по рѣкѣ Брыни въ Мещовскомъ и Жиздринскомъ уѣздахъ. Изъ Брынскихъ лѣсовъ онъ распространился потомъ и въ другихъ городахъ и уѣздахъ Калужской губ. Но были и независимые отъ брынцевъ сѣятели раскола въ Калужской губерніи, особенно въ Боровскомъ и Бѣлевскомъ уѣздахъ, которые сдѣлались сильными пунктами раскола, давшими на Вѣтку первыхъ учителей „поповщины“ [3]). Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ историческихъ данныхъ для уясненія того, предпринималъ ли преосвященный какія-либо мѣры

---

[1]) Леонидъ, цит. соч., стр. 157.

[2]) См. цит. собр. словъ Ѳеофилакта; ч. 1-ая, стр. 1—2.

[3]) Леонидъ, стр. 139—146 и 248.

противъ тамошняго раскола. Іеромонахъ Леонидъ упоминаетъ только объ одномъ фактѣ, касающемся отношенія преосвященнаго къ расколу, именно о томъ, что по ходатайству этого преосвященнаго устроена была въ Калугѣ въ 1801 г. первая единовѣрческая церковь для нѣкоторыхъ старообрядцевъ, склонившихся къ принятію единовѣрія [1]).

Какъ епархіальный начальникъ и администраторъ, Ѳеофилактъ заявилъ себя энергическимъ дѣятелемъ. Первымъ предметомъ его заботъ было по пріѣздѣ въ Калугу устройство новой калужской консисторіи и духовной семинаріи. Доселѣ вмѣсто консисторіи было „Духовное правленіе“, вмѣсто семинаріи было собственно духовное уѣздное училище (хотя и носившее названіе семинаріи), по окончаніи котораго дѣти калужскаго духовенства учились въ Перервинской и Троицкой семинаріяхъ и въ старой Московской [2]) Академіи. И „Духовное правленіе“ и училище помѣщались въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, близъ Калуги [3]), но Ѳеофилактъ счелъ нужнымъ устроить ихъ въ преобразованной формѣ на болѣе видномъ мѣстѣ. Онъ истребовалъ отъ гражданскаго начальства, въ силу общихъ распоряженій объ епархіи, отвода участка земли и зданій въ самой Калугѣ какъ для консисторіи, такъ и для новой семинаріи. Но особенно преосвященный заботился объ устроеніи духовной семинаріи. Въ Калужской лѣтописи С. Руссова находится слѣдующее указаніе на характеръ и сущность преобразованія Калужской семинаріи при епископѣ Ѳеофилактѣ: „Въ 1800 г. Калужская духовная семинарія распространена: въ ней начали преподавать науки—философію и богословію, риторику, поэзію, начали учить частію математикѣ, греческому, нѣмецкому, французскому языкамъ, для

---

[1]) Цит. соч., стр. 158.

[2]) Цит. соч. іером. Леонида, стр. 158 и „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича 1894 г., стр. 32.

[3]) Этотъ монастырь былъ основанъ въ началѣ XVI вѣка.

которыхъ прежде отправлялись или въ Московскую Академію, или въ Троицкую и Перервинскую семинарію. Содержаніе Калужской семинаріи увеличено до 6000 р. [1])". Изъ этого краткаго указанія видно, что Ѳеофилактъ стремился поставить умственный уровень калужскаго духовенства на подобающую высоту, желая сдѣлать духовенство свѣдущимъ не только въ богословскихъ, но и въ общеобразовательныхъ наукахъ. Въ этихъ заботахъ о дѣтяхъ калужскаго духовенства сказалась любовь самого преосвященнаго къ наукѣ и образованію. Эту же любовь онъ старался внушать семинаристамъ, когда являлся къ нимъ или для бесѣды въ часы, свободные отъ епархіальныхъ занятій, или для слушанія введенныхъ имъ же въ семинаріи диспутовъ, или же, наконецъ, для присутствованія на экзаменахъ.

Здѣсь-то съ замѣчательною проницательностью онъ обнаруживалъ отличительныя качества или дарованія въ воспитанникахъ, давая имъ, на основаніи этого обнаруженія нѣкоторыя характеристичныя прозванія, вполнѣ оправданныя на поприщѣ ихъ служенія. Такъ, проф. „Надеждинъ" получилъ свою фамилію отъ преосвященнаго Ѳеофилакта, который замѣтилъ его по бойкости отвѣтовъ на экзаменѣ [2]). Желая сразу же поставить хорошо дѣло ученія въ новой семинаріи, энергическій іерархъ вызвалъ изъ Троицкой семинаріи всѣхъ обучавшихся въ ней калужанъ, которые, пользовались тамъ славою лучшихъ воспитанниковъ по ученію вообще и по латыни въ частности [3]). Впрочемъ, Ѳеофилактъ имѣлъ для этого вызова также и другой поводъ: калужанъ притѣсняли въ Троицкой семинаріи [4]). Въ такихъ неутомимыхъ заботахъ по семинаріи и по другимъ немаловажнымъ епархіальнымъ

---

[1]) Цит. соч. іером. Леонида, стр. 159.
[2]) Ibid., стр. 159.
[3]) „Руков. дѣят. дух. просв.", Чистовича, стр. 32.
[4]) „Прав. обоз." 1869 г. т. 26, стр. 509.

дѣламъ преосв. Ѳеофилактъ проходилъ до конца свое епископское служеніе въ Калугѣ.

Что же касается личныхъ и служебныхъ его отношеній къ подчиненному ему калужскому духовенству, то они характеризуютъ его, какъ человѣка весьма обходительнаго, справедливаго и способнаго къ искусному управленію. Онъ умѣлъ каждому своему подчиненному воздать должное, устраняя всѣ посторонніе виды и поощряя, кого слѣдуетъ. Это доказываютъ нравственныя достоинства и заслуги тѣхъ духовныхъ калужскихъ лицъ, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ. Изъ такихъ лицъ извѣстны, напр., по свидѣтельству іером. Леонида, протоіерей Троицкаго собора Іоаннъ Рыбниковъ, особенно священникъ казанской церкви—Іоаннъ Васильевскій, протодіаконъ Евтихій Морозовъ и нѣкоторые другіе. Прот. Рыбниковъ, котораго Ѳеофилактъ, по пріѣздѣ въ Калугу, назначилъ членомъ новой консисторіи, проявилъ себя однимъ изъ дѣятельныхъ и опытныхъ помощниковъ преосвященнаго по административной части. О глубокомъ уваженіи къ Рыбникову калужанъ можетъ свидѣтельствовать фактъ построенія ему дома на общественный счетъ [1]). Онъ скончался въ глубокой старости при преосв. Григоріи, бывшемъ на калужской каѳедрѣ съ 1827 по 1860 г. Священникъ Іоаннъ Васильевскій [2]) былъ уже въ должности благочиннаго городскихъ церквей, когда Ѳеофилактъ пріѣхалъ въ Калугу. Отличныя его способности, а главное—его душевныя свойства, были причиною того, что преосвященный особенно приблизилъ его къ себѣ. Отношенія между преосвященнымъ и Васильевскимъ были самыя искреннія и дружескія. Часто они проводили по нѣсколько часовъ до глубокой ночи въ искреннихъ бесѣдахъ между собою. Ѳеофилактъ по-

---

[1]) Цит. соч. іером. Леонида, ст. 160.

[2]) Ibid., ст. 163—162 и „Ист. С.-Петерб. дух. Акад.“ Чистовича, ст. 247.

стоянно старался выразить о. Іоанну свое вниманіе, поощряя его наградами. Когда Васильевскій овдовѣлъ, то преосвященный убѣдилъ его принять монашество. Монашество съ именемъ Іоны Васильевскій принялъ именно въ 1807 г. въ С.-Петербургѣ, явившись туда по приглашенію Ѳеофилакта, вызваннаго въ томъ же году для присутствованія въ Св. Синодѣ. Съ 1809 г. онъ, между прочимъ, былъ ректоромъ калужской семинаріи, съ 1821 г. архіепископомъ астраханскимъ и, наконецъ, въ томъ же году, по смерти Ѳеофилакта, сдѣлался экзархомъ Грузіи въ санѣ митрополита и въ званіи члена св. Синода. Умеръ въ 1849 г. 22-го іюля въ С.-Петербургѣ. Калуга, по свидѣтельству іером. Леонида, и до сихъ поръ чтитъ память этого незабвеннаго святителя, съ которымъ она была связана узами любви. Представленіе о личности также близкаго къ Ѳеофилакту протодіакона Евтихія Морозова мы можемъ отчасти получить изъ слѣдующаго интереснаго разсказа о немъ, переданнаго іеромонахомъ Леонидомъ. „Сельскій причетникъ, многосемейный, безстихарный, онъ“ (Евтихій), разсказываетъ іером. Леонидъ, „пришелъ къ Ѳеофилакту въ нагольной шубѣ, въ лаптяхъ, съ прошеніемъ о посвященіи себя въ стихарь. Преосвященный, раскрывъ книгу, заставилъ его читать. Евтихій прочиталъ природнымъ своимъ голосомъ, ни мало имъ не тщеславясь. Преосвященный, къ своему удовольствію и удивленію, услышалъ сильнѣйшій басъ; далъ нотную книгу и велѣлъ ему пѣть. Евтихій пѣлъ трепеща и не замѣчалъ, что не пѣлъ, а гремѣлъ. Преосвященный тогда же потребовалъ къ себѣ регента своихъ пѣвчихъ и поручилъ ему обучать Евтихія партесному пѣнію, приказавъ считать его въ хорѣ.

Юнопа заплакалъ, зарыдалъ, говоря о своемъ невѣжествѣ и многочисленномъ семействѣ, котораго былъ единственною опорою. Преосвященный утѣшалъ его, и тогда же указомъ повелѣлъ благочинному перевесть его семейство въ городъ безъ всякаго для нихъ убытка. Евтихій вскорѣ былъ

рукоположенъ во діакона, а потомъ и въ протодіакона“ [1]). Изъ этого разсказа можно заключать о добротѣ какъ Евтихія Морозова, такъ и самого Ѳеофилакта. Подъ старость о. Евтихій былъ даже протоіереемъ Васильевской калужской церкви. Умеръ около 1830 г., оставивъ по себѣ память незабвеннаго по способностямъ и голосу протодіакона и вмѣстѣ простого и добраго человѣка.

Вотъ какихъ почтенныхъ по своимъ нравственнымъ достоинствамъ и заслугамъ лицъ приближалъ къ себѣ преосв. Ѳеофилактъ. Но и со всѣмъ вообще духовенствомъ и монастырскими лицами онъ былъ обходителенъ и ласковъ. Преосвященный любилъ обыкновенно нечаянно посѣщать дома духовныхъ и монашествующихъ, и всегда дѣлалъ милостивый выговоръ, если замѣчалъ неопрятность въ комнатахъ, запустѣніе въ огородѣ [2]) или нечистоту на дворѣ: „кто не умѣетъ устроить своего дома“, говаривалъ онъ часто, „тотъ плохой строитель и въ домѣ Божіемъ, гдѣ всѣ мы лишь работники“ [3]). Кромѣ духовной среды, Ѳеофилактъ любилъ сообщаться и съ свѣтскою. У него бывали часто калужскіе купцы, Билибины, Рябчиковы, Прянишниковы, Фалѣевы, Черновы и другіе, памятные, по свидѣтельству іеромон. Леонида, всѣмъ калужанамъ своею щедрою благотворительностію [4]). Эти купцы очень уважали своего архипастыря, выражая признательность къ нему частыми подарками [5]).

По разсказу того же іером. Леонида, преосвященный въ праздничные дни, въ видахъ поддержанія хорошихъ отношеній между духовенствомъ и горожанами, устраивалъ у

---

[1]) Цит. сочин. іером. Леонида, стр. 163.

[2]) Преосвященный очень любилъ хозяйство,—заводилъ, напр., у себя въ Калугѣ коровъ холмогор. породы и пр.

[3]) Цит. соч. іером. Леонида, ст. 166.

[4]) Ibid., ст. 167.

[5]) Ibid.

себя нѣчто въ родѣ пирушекъ, гдѣ давалъ свободу веселиться купечеству и старому духовенству, въ духѣ того времени [1]).

Любилъ онъ блескъ и пышность. По разсказамъ калужскихъ старожиловъ [2]), онъ богато одѣвался, на дому носилъ дорогіе шелковые и бархатные подрясники и рясы, башмаки, шитые золотомъ, чулки дорогіе; на прогулкѣ бывалъ въ шляпѣ и всегда съ тростью высокой цѣны. Въ храмѣ, при совершеніи богослуженія, онъ являлся предъ народомъ въ пышныхъ облаченіяхъ, при чемъ старался всему въ богослуженіи придать торжественный видъ. Пѣвчихъ ставилъ человѣкъ по шестидесяти на одномъ клиросѣ.

Преосв. Ѳеофилактъ не былъ аскетомъ въ своихъ воззрѣніяхъ и дѣйствіяхъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ не проявлялъ въ нихъ ничего, недостойнаго христіанина. Образъ его ежедневной домашней жизни въ Калугѣ былъ такой: вставши рано, погулявши и позавтракавъ, Ѳеофилактъ обычно принималъ посѣтителей. Вечеромъ занимался дѣлами, а по ночамъ предавался молитвѣ, сочинялъ и переводилъ съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, новогреческаго и латинскаго языковъ. При выборѣ иностранныхъ сочиненій для перевода, Ѳеофилактъ проявлялъ нѣкоторую своеобразность. Еще въ бытность корпуснымъ законоучителемъ, онъ первымъ сочиненіемъ для перевода выбралъ „Философское утѣшеніе“ Боэція и перевелъ его частію прозой, частію стихами.

Въ Калугѣ онъ сначала (въ 1801 г.) перевелъ съ латинскаго языка сочиненіе: „Врачевство отъ уныній и отчаянія“, въ двухъ частяхъ. Затѣмъ, слѣдуя уже указанію митрополита Амвросія, онъ началъ переводить рядъ [3]) бого-

---

[1]) Цит. соч іером. Леонида, стр. 167.

[2]) Ibid., стр. 165.

[3]) Переводы, принадлежавшіе Ѳеофилакту, перечислены, между прочимъ, въ „словарѣ“ Каменскаго СПБ. 1847, ч. 5, ст. 390.

словскихъ сочиненій: а) съ греческаго: „Разсужденіе, въ которомъ доказывается достовѣрность книгъ евангельскихъ и истина свидѣтельства апостоловъ“, изд. 1803 г.; б) съ французскаго: „Созерцаніе христіанства“, соч. Женнингса и „Пастырское наставленіе о превосходствѣ религій“, соч. Люцерна, изд. въ періодъ отъ 1804—1808 г.; в) въ 1806 г.— „Начала противъ безвѣрія“, соч. Колинзе.

Плодотворная епархіальная дѣятельность Ѳеофилакта не осталась безызвѣстной и неоцѣненной въ высшей столичной сферѣ. Въ Петербургѣ были лица, которыя интересовались жизнію преосвященнаго и знали о проявленныхъ имъ въ Калугѣ административныхъ и ученыхъ способностяхъ. Однимъ изъ такихъ лицъ былъ для него его товарищъ по ученію и по службѣ въ Александро-Невской семинаріи—М. М. Сперанскій, который около 1807 г. сталъ уже вліятельнымъ и довѣреннымъ лицомъ при Александрѣ I-омъ [1]). М. М. Сперанскій, знавшій о способностяхъ Ѳеофилакта еще по своей первоначальной службѣ съ нимъ въ сѣверной столицѣ, а затѣмъ слѣдившій за его мудрою епархіальною дѣятельностію въ Калугѣ, былъ главнымъ виновникомъ перемѣщенія Ѳеофилакта въ столицу.

Въ то время какъ преосв. Ѳеофилактъ жилъ и дѣйствовалъ въ Калугѣ, въ петербургской высшей церковной сферѣ дѣятельно подготовлялась почва для разрѣшенія важныхъ, назрѣвшихъ вопросовъ, касавшихся всей русской церкви. Самыми первыми и важными вопросами этого рода были вопросы по преобразованію духовныхъ училищъ и по улучшенію положенія духовенства. Императоръ Александръ I-й, полный возвышенныхъ побужденій обновить страну и задумывая лучшее устройство всѣхъ отраслей русской жизни и просвѣщенія народа, во-первыхъ, обратилъ свой заботливый взоръ и

---

[1]) „Руковод. дѣят. дух. прос.“ Чистовича, стр. 38.

на духовныя училища. Въ 1802 г. въ кружкѣ лицъ, стоявшихъ около императора, было много говорено о необходимости преобразованія духовныхъ училищъ, равно какъ и вообще улучшенія положенія духовенства[1]). На встрѣчу царственному взору шли ожиданія и надежды образованнаго духовенства. Оживленная дѣятельность главнаго правленія свѣтскихъ училищъ, устроявшаго на лучшихъ и обширныхъ основаніяхъ учебную часть, невольно вызывала на сопоставленіе съ тогдашнимъ неупорядоченнымъ состояніемъ духовной среды. Оцѣнивая достоинства министерства, просвѣщенные пастыри не могли не проникаться желаніемъ, чтобы и духовнымъ школамъ было, наконецъ, дано общее и опредѣленное устройство. Однимъ изъ такихъ духовныхъ лицъ былъ ученый префектъ Невской академіи—Евгеній Болховитиновъ. Преосвященный Амвросій Подобѣдовъ, состоявшій въ то время на С.-Петербургской митрополіи, умноженіе епархіальныхъ училищъ и улучшеніе способовъ содержанія духовенства имѣлъ всегда любимою своею заботою, и, когда въ 1804 г. былъ утвержденъ новый уставъ свѣтскихъ училищъ, онъ поручилъ тотчасъ же Евгенію Болховитинову, тогда уже бывшему старорусскимъ епископомъ, составить общій планъ реформы духовныхъ училищъ[2]). Евгеній долго трудился надъ этимъ планомъ и въ 1805 г., наконецъ, представилъ его въ Св. Синодъ, при чемъ планъ былъ Высочайше утвержденъ и одобренъ. Подробности этого плана неизвѣстны, но несомнѣнно одно, что Евгенію принадлежитъ мысль о раздѣленіи семинарій на округи и подчиненіи ихъ академіямъ. „Проэктъ мой,—писалъ Евгеній въ мартѣ 1805 г. къ своему знакомому В. И. Македонцу,—читанъ Государю и отмѣнно уваженъ. Теперь онъ въ Синодѣ, и синодальные (кромѣ митро-

---

[1]) См. жур. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. май, 2-ая кн., стр. 815 „Религіозно-нрав. развитіе Александра I и идея свящ. союза“ В Надлера.

[2]) „Истор. С.-Петерб. Академіи“ Чистовича, стр. 125.

полита) оспариваютъ одинъ только пунктъ—подчиненіе семинарій академіямъ. Это не по сердцу епархіальнымъ. Но кто-жъ виноватъ, что многіе епархіальные не радятъ объ успѣхахъ въ своихъ семинаріяхъ и жалованьемъ располагаютъ по самопроизволу, а о достоинствѣ опредѣляемыхъ ими учителей многіе и понятія не имѣютъ“ [1]).

Какъ видно изъ этого письма Евгенія, многіе епархіальные архіереи несочувственно относились къ затѣваемой реформѣ духовныхъ училищъ. Даже московскій митрополитъ Платонъ не раздѣлялъ одушевленія и надеждъ руководителей учебнаго дѣла. Въ 1805 г. онъ писалъ митрополиту петербургскому Амвросію: „Новое объ училищахъ учрежденіе [2]) читалъ. И сіе самое доказываетъ, что учрежденіе доселѣ было похвально, и порядокъ ученія производимъ былъ основательно. Да и нѣкоторые наши братья епископы ко мнѣ пишутъ. Что за нужда намъ соображаться свѣтскимъ? Пусть они отъ насъ учатся... Объ училищахъ должно разсуждать не по учрежденіямъ, а по успѣхамъ. Успѣхъ хорошъ, то видно и учрежденіе хорошо. Что на молодыхъ смотрѣть. Вотъ Меѳодій [3]), Августинъ, Амвросій. Дай Богъ, чтобъ такіе и впредь выходили. А ежели новый методъ введется, то едва-ли ожидать можно лучшаго успѣха, а затрудненія и запутанности больше будетъ“ [4]).

Но не такъ думали хлопотавшіе надъ приведеніемъ въ дѣло высокихъ намѣреній Государя. Прежде всего самъ оберъ-прокуроръ Св. Синода—князь Голицынъ отнесся весь-

---

[1]) „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 842.

[2]) Разумѣется составленное Евгеніемъ Болховитиновымъ „Предначертаніе о преобразованіи духовныхъ училищъ“.

[3]) Архіеп. Тверской, извѣстный лингвистъ и экзегетъ, прославившійся хорошимъ устройствомъ духовно-учебн. завед. по всѣмъ епарх., гдѣ управлялъ. Прав. Собес. 1885 г., стр. 10.

[4]) „Прав. обозр.“ за 1-ое полугодіе 1869 г., приложен., стр 81 и 83 (103 и 104 письма м. Платона къ м. Амвросію).

ма сочувственно къ задуманной реформѣ духовно-учебныхъ заведеній. Онъ рѣшительно поставилъ имѣвшій доселѣ исключительно епархіальную постановку вопросъ о духовномъ образованіи на государственную точку зрѣнія, желая придать духовнымъ школамъ общецерковную постановку и общецерковное значеніе. При чемъ онъ вмѣстѣ поднялъ вопросъ и объ улучшеніи содержанія всего приходскаго духовенства [1]). Такъ какъ Евгеній въ своемъ проектѣ не разработалъ экономическаго вопроса, не указалъ средствъ для содержанія духовныхъ школъ и духовенства, то Голицынъ разработку этой стороны реформы поручилъ извѣстному въ то время администратору и ученому Анастасію Братановскому, архіепископу могилевскому. Анастасій дѣйствительно и пополнилъ проектъ Евгенія, указавъ на доходы церквей отъ продажи свѣчей, какъ на источникъ содержанія духовныхъ школъ и церковныхъ причтовъ [2]). Но князь Голицынъ не былъ въ состояніи самъ стать руководителемъ въ такихъ важныхъ духовныхъ дѣлахъ. Онъ даже, вѣроятно, до своего назначенія на должность оберъ-прокурора Св. Синода (съ 21 октября 1803 г.) и не вникалъ въ духовныхъ школъ. Да и вообще въ религіозной области князь былъ человѣкомъ почти несвѣдущимъ: онъ не имѣлъ яснаго понятія ни о православіи, ни о другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданіяхъ [3]). Митрополитъ с.-петербургскій Амвросій, не отличавшійся выдающимися способностями, также не могъ быть надежнымъ помощникомъ Голицына въ предпринятыхъ имъ преобразованіяхъ по духовному вѣдомству. Отсюда Голицынъ задумалъ учредить для содѣйствія себѣ въ данномъ случаѣ особый комитетъ. Въ этотъ комитетъ онъ намѣтилъ пригласить прежде всего

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 21.

[2]) Прав Собес. 1885 г. январь, ст. 11.

[3]) Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“, т. 2, стр. 30, СПБ. 1870 г.

М. М. Сперанскаго, какъ человѣка, занимавшагося законодательною частію и какъ воспитанника духовной школы, подробно знавшаго ея устройство и весь вообще бытъ нашего духовенства. Но Сперанскій былъ свѣтскаго положенія человѣкъ; между тѣмъ нужно было найти и изъ духовенства хотя бы одного такого человѣка, который, сочувствуя задуманной реформѣ, могъ бы явиться энергичнымъ и талантливымъ ея проводникомъ.

Вотъ тутъ-то и сказалось участіе М. М. Сперанскаго въ судьбѣ Ѳеофилакта. Онъ, именно, указалъ Голицыну на Ѳеофилакта, какъ на лицо, подходящее вполнѣ для дѣятельности въ предполагаемомъ комитетѣ. Впрочемъ, и самъ Голицынъ шелъ, такъ сказать, на встрѣчу данному указанію Сперанскаго. Онъ уже раньше узналъ Ѳеофилакта съ хорошей стороны. Еще живя во время своей опалы при императорѣ Павлѣ I въ Москвѣ и отсюда иногда уѣзжая въ свои калужскія имѣнія, Голицынъ имѣлъ случай познакомиться съ преосвященнымъ и узнать объ его ученыхъ и административныхъ способностяхъ [1]). При такомъ обоюдномъ согласіи во взглядѣ на Ѳеофилакта, Голицынъ съ Сперанскимъ и рѣшили вызвать его въ С.-Петербургъ. Въ ноябрѣ 1806 г. именно послѣдовалъ Высочайшій указъ, вызывавшій Ѳеофилакта въ Петербургъ для присутствованія въ Святѣйшемъ Синодѣ [2]). Въ ноябрѣ же 1807 г., по докладу князя Голицына, Высочайше былъ утвержденъ и открытъ „Комитетъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ“. Членами его были назначены: М. Амвросій, духовникъ Его Императорскаго Величества о. Сергій Краснопѣвковъ, оберъ-священникъ Державинъ, Ѳеофилактъ, статсъ-секретарь Сперанскій и князь Голицынъ [3]).

---

[1]) Вѣстн. Европы 1873 г. 11 кн., стр. 238.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 40.

[3]) Ibid, стр. 20.

Со времени дѣятельности Ѳеофилакта въ этомъ Комитетѣ и начинается собственно тотъ славный и блестящій періодъ его жизни и церковной дѣятельности, когда о немъ стали говорить въ Россіи всѣ, слѣдившіе за духовными дѣлами, когда имя его стало авторитетомъ въ области церковнаго просвѣщенія и управленія, когда онъ оказался на виду въ нашей сѣверной столицѣ.

Второй періодъ жизни и дѣятельности Ѳеофилакта Русанова (съ 1807—1810 г.).

Условія, создавшія Ѳеофилакту, вскорѣ послѣ пріѣзда его въ Петербургъ, вліяніе, авторитетъ и славу. Дѣятельность его въ „Комитетѣ объ усовершеніи училищъ“ и въ „Комиссіи духовныхъ училищъ“. Труды его по составленію устава духовныхъ заведеній. Профессорская его дѣятельность въ С.-Петербургской духов. Академіи. Сила его имени и авторитета въ С.-Петербургѣ. Отношеніе его къ митрополиту петербургскому Амвросію.

Благодаря своимъ личнымъ талантамъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, преосв. Ѳеофилактъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Св. Синода, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по современнымъ вопросамъ, касавшимся всей русской церкви. „Съ перваго вступленія въ знакомую уже Ѳеофилакту присутственную залу Синода, говоритъ авторъ статьи „Изъ прошлаго“, всѣмъ стало ясно, что хотя онъ и сѣлъ не на первомъ мѣстѣ, но будетъ имѣть рѣшительный и рѣшающій голосъ“ [1]). И дѣйствительно, ученость, энергія, способность къ иниціативѣ создали Русанову сразу же главное вліяніе на ходъ рѣшеній дѣлъ въ Св. Синодѣ. Эти же талантливыя способности создали Ѳеофилакту скоро славу и въ петербугскомъ обществѣ, ко-

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г. 74 т., стр. 490.

торому онъ уже раньше былъ извѣстенъ, какъ проповѣдникъ и законоучитель кадетскихъ корпусовъ и передъ которымъ онъ теперь является, какъ архіепископъ. Своими проповѣдями онъ и теперь заинтересовалъ петербургскую публику; послѣдняя настолько любила его проповѣди, что постоянно наполняла церковь калужскаго подворья, когда знала, что онъ намѣренъ проповѣдывать [1]). Проповѣди же, а равно и вообще умъ и образованность, дали возможность ему возобновить старыя связи въ великосвѣтскомъ с.-петербургскомъ обществѣ и пріобрѣсть новыя. Впрочемъ, главнымъ образомъ авторитетъ и вліяніе преосв. Ѳеофилакта какъ въ Петербургѣ вообще, такъ и въ Св. Синодѣ въ частности, созданы были его близкимъ отношеніемъ къ Сперанскому и князю Голицыну. Оба они, вызвавъ его въ Петербургъ, не переставали оказывать ему свое вниманіе и покровительство, чѣмъ и упрочивали высокое мнѣніе о немъ въ столицѣ. Благодаря всѣмъ этимъ счастливымъ условіямъ, Ѳеофилактъ сдѣлался извѣстнымъ даже Двору. Самъ императоръ Александръ I-й узналъ его съ лучшей стороны и считалъ человѣкомъ несравненно болѣе полезнымъ и необходимымъ для духовной администраціи, нежели петербургскій митрополитъ Амвросій. Услышала о немъ и вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна. Ей онъ очень понравился за свою бойкую, правильную французскую рѣчь и за изящныя манеры. Свое благоволеніе къ нему она, между прочимъ, выражала въ томъ, что предлагала ему посѣщать находившіяся подъ ея завѣдываніемъ женскія учебныя заведенія и новооткрытое коммерческое училище, сама показывала ему нѣкоторыя, приглашала на экзамены и поручала ему выборъ законоучителей [2]).

---

[1]) Вѣстн. Европы 1873 г., кн. II, стр. 239—240.

[2]) „Истор. С.-Петер. духов. Акад.“ Чистовича, стр. 164.

При такихъ блестящихъ внѣшнихъ условіяхъ, Ѳеофилактъ со всею энергіей предался тому дѣлу, ради котораго призванъ былъ. Въ Комитетѣ и потомъ въ образовавшейся изъ него „Комиссіи духовныхъ училищъ“ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Задачею „Комитета“ было выработать основанія новаго учебнаго устройства духовныхъ школъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія довольно ясно стали сознаваться недостатки этихъ школъ. Они состояли въ отсутствіи центральнаго высшаго надзора и руководительнаго начала, въ недостаткѣ учителей съ высшимъ образованіемъ, въ преобладаніи формализма и схоластики въ обученіи, преимущественно же въ скудости матеріальныхъ средствъ. Отсюда „Комитетъ“ долженъ былъ: 1) „начертать основательный планъ устройства духовныхъ училищъ сообразно съ цѣлію ихъ учрежденія,—распространить курсы наукъ, усилить преподаваніе однѣхъ и сократить силу другихъ, соотвѣтственно важности каждой изъ нихъ для духовнаго образованія, разрозненное соединить единствомъ власти и единообразіемъ управленія, и 2) изыскать способы къ содержанію духовныхъ училищъ [1]), а равно и къ содержанію церковныхъ причтовъ“. Благодаря именно преосв. Ѳеофилакту и М. М. Сперанскому, опытно знавшимъ всѣ нужды духовныхъ училищъ, Комитетъ въ полгода рѣшилъ возложенныя на него порученія и въ іюнѣ 1808 г. представилъ государю „Докладъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ“, каковой и былъ одобренъ и утвержденъ Высочайше 26-го іюня 1808 г. [2]). „Докладъ“ Комитета выработалъ цѣлую систему духовно-учебнаго управленія, получившую особую, самостоятельную организацію, основанную на раздѣленіи школъ по степенямъ. Всѣ духовно-учебныя заведенія раздѣлены были на 4 разряда, и взаимно подчинены низшія высшимъ: 1, академіи для высшаго духов-

---

[1]) „Исторія С.-Петер. духов. Акад.“ Чистовича, стр. 164.

[2]) „Руковод. дѣят. дух. просв.“, стр. 22.

наго образованія и для управленія учебными округами; 2, семинаріи съ среднимъ курсомъ для приготовленія воспитанниковъ въ академіи и особенно на поприще церковнаго служенія; 3, училища уѣздныя для приготовленія учениковъ въ семинаріи и 4, приходскія училища для распространенія единообразнаго методическаго ученія въ селахъ и деревняхъ подъ однимъ общимъ надзоромъ. Епархіи раздѣлены были на 4 учебныхъ округа, каждый подъ вѣдѣніемъ своей академіи. Въ то же время Комитетъ проектировалъ и училищные штаты. Всѣ духовно-учебныя заведенія должны были содержаться на доходы отъ продажи восковыхъ свѣчей однѣми церквами при незначительномъ пособіи отъ казны [1]). На тѣ же доходы по „Докладу“ должны были содержаться и церковные причты. Но, помимо участія въ общихъ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ Комитета, преосвященный Ѳеофилактъ самъ лично исполнилъ нѣсколько важныхъ порученій. Имъ, напр., составлено было въ 1808 г. „Положеніе о содержаніи бѣдныхъ учениковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и объ образѣ призрѣнія остающихся сиротъ“ [2]). Правила этого „Положенія“ свидѣтельствуютъ о гуманности, мудрой опытности Ѳеофилакта и его умѣньи удовлетворять истиннымъ потребностямъ духовнаго быта. Напримѣръ, возьмемъ два слѣдующихъ правила. Одно постановляло: „при опредѣленіи на причетническія мѣста давать предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые пожелаютъ взять за себя изъ сиротскаго семейства, оставшагося съ однѣми дочерьми, одну изъ таковыхъ сиротъ съ обязательствомъ питать вдову по смерть, а дочерей до ихъ замужества“, другое—вдовъ бездѣтныхъ и оставшихся съ малолѣтними или увѣчными дочерями опредѣлять на мѣста просвирническія“. Комитетъ вполнѣ одобрилъ

---

[1]) Подробности о реформѣ духовн. учил. находимъ въ „Ист. С.-Петерб. дух. Акад.“ Чистовича, стр. 163—178.

[2]) „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича, стр. 41.

означенное „Положеніе“, присоединивъ къ нему еще нѣкоторыя новыя правила. Затѣмъ Ѳеофилактъ составилъ, по порученію Комитета, проектъ лучшаго устройства продажи церковныхъ свѣчей для образованія капитала на содержаніе духовныхъ училищъ [1]). 26-го іюня 1808 г. Комитетъ прекратилъ свои дѣйствія, а вмѣсто него въ тотъ же день была Высочайше учреждена „Комиссія духовныхъ училищъ“. Ѳеофилактъ тогда же за свои труды награжденъ былъ орденомъ Владимира 2-й степени. Еще раньше, 21 апрѣля (1808 г.), онъ былъ вторично пожалованъ въ члены Св. Синода.

Съ назначеніемъ въ члены „Комиссіи духовныхъ училищъ“ для Ѳеофилакта открылись новые труды, которые требовали значительныхъ административныхъ и даже ученыхъ способностей [2]). Какъ человѣкъ иниціативы и весьма образованнаго ума, онъ сразу и здѣсь занялъ передовое положеніе въ ряду лицъ духовнаго сана. Митрополитъ Амвросій, хотя и былъ предсѣдателемъ „Комиссіи“, не имѣлъ въ ней выдающагося значенія: голосу его не было оказываемо особаго предпочтенія. Остальные два духовныхъ члена „Комиссіи“, о. Іоаннъ Державинъ и П. Криницкій, имѣли еще меньше значенія. Между тѣмъ, „Комиссіи“ предстояло нести чрезвычайно трудныя обязанности. Комитетское Начертаніе заключало въ себѣ одни основанія новаго духовно-учебнаго устройства, „Комиссія“ же должна была примѣнить эти основанія къ дѣлу—именно составить подробные уставы духовныхъ академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а также учебныя программы. Въ выполненіи этихъ трудныхъ задачъ „Комиссіи“ весьма значительное участіе принималъ преосв. Ѳеофилактъ. Первоначально Спе-

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 42.

[2]) Въ составъ „Комиссіи“ вошли тѣ же члены, которые были въ Комитетѣ, съ исключеніемъ о. Сергія Краснопѣвкова, на мѣсто котораго былъ пожалованъ въ духовника Е. И. В.—П. Криницкій. „Рук. дѣят. дух. пр.“, стр. 25.

ранскій взялъ-было на себя составленіе уставовъ, но, составивши и въ февралѣ 1809 г. внесши въ „Комиссію“ первую часть академическаго устава, онъ отказался отъ продолженія этого дѣла, „по уваженію многихъ и разнообразныхъ обязанностей и занятій, на него возложенныхъ“ [1]). Окончаніе этого труда поручено было преосв. Ѳеофилакту. Впрочемъ, это окончаніе составляло большую половину устава, обнимая собою учебную и административную части; Сперанскимъ обработана была собственно только экономическая сторона. Преосв. Ѳеофилактъ именно составилъ и внесъ въ „Комиссію“ къ 24 апрѣля первыя части уставовъ семинарій и уѣздныхъ училищъ, а 22 мая—вторую и третью академическаго, вторыя части устава семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ [2]). Имъ же была составлена классификація книгъ для расположенія въ академическихъ и семинарскихъ библіотекахъ и для составленія каталоговъ по этой классификаціи; „Комиссія“, по утвержденіи этихъ формъ, постановила внести ихъ въ академическіе и семинарскіе уставы [3]).

Уже это простое перечисленіе непрерывно и скоро одна за другой слѣдующихъ работъ преосв. Ѳеофилакта по составленію уставовъ духовно-учебныхъ заведеній можетъ показывать, какое энергичное участіе принималъ онъ въ дѣлѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Но, чтобы яснѣе представить все значеніе его дѣятельности по реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, мы должны указать, хотя въ краткихъ словахъ, сущность, характеръ и значеніе въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія самаго устава 1809 года. Въ этотъ уставъ преосв. Ѳеофилактъ вложилъ всю свою лю-

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 43.

[2]) Жур. ком. дух. учил. 24 апрѣля 1809 г., стр. 19 и 22 мая 1809 г., ст. 23. См. ibid., стр. 44.

[3]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 45.

бовь къ наукѣ и жажду поднять духовное просвѣщеніе. По своему личному отношенію къ наукѣ и просвѣщенію, онъ былъ средняго направленія человѣкъ. Современная ему эпоха, какъ мы раньше говорили, была эпохой особенно оживленнаго движенія западно-европейской мысли. Всѣ лучшіе русскіе люди старались усвоять добрые плоды указаннаго движенія,— и преосв. Ѳеофилактъ также отдалъ ему свою дань, заботясь объ обогащеніи себя западно-европейскимъ образованіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не увлекся крайностями этого образованія—раціонализмомъ и мистицизмомъ. Не будучи врагомъ науки, съ одной стороны, и либераломъ, съ другой, онъ умѣлъ, благодаря своему природному здравому, положительному разуму, извлекать изъ западно-европейскаго просвѣщенія одно доброе и полезное. Въ духѣ такого личнаго отношенія къ образованію Ѳеофилактъ смотрѣлъ и на задачи духовной школы. Онъ понялъ, что для духовной школы наступило время, когда и она должна была не чуждаться современной науки, а идти рядомъ съ нею, усвояя ея добрые плоды,—когда и она должна была получить опредѣленное устройство и давать своимъ питомцамъ живое, плодотворное и многостороннее образованіе. Такіе взгляды его на задачи духовнаго образованія шли какъ-разъ на встрѣчу просвѣщеннымъ воззрѣніямъ императора Александра I и близкихъ къ нему—князя Голицына и Сперанскаго Отсюда естественно, что они всецѣло должны были отразиться и на самомъ уставѣ 1809 г., въ составленіи котораго, повторяемъ, преосв. Ѳеофилактъ принималъ весьма значительное участіе. И дѣйствительно, этотъ уставъ, будучи чуждъ крайностей, проявилъ должное уваженіе къ правамъ и достоинству науки. Онъ прямо выражалъ заботу о томъ, чтобы ученіе въ академіяхъ и отчасти въ семинаріяхъ держалось на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами каждой науки. Въ конспектѣ философскихъ наукъ и эстетики даже для семинарій были указаны въ числѣ пред-

метовъ изученія сочиненія ученыхъ и мыслителей XVIII в. Преподавателямъ были предложены ученыя и учебныя пособія, казавшіяся прежде гибельными источниками невѣрія; отъ преподавателей только требовалась въ данномъ случаѣ здравая критика [1]). Учившіеся подъ дѣйствіемъ устава 1809 г. приступали къ изученію богословскихъ наукъ съ основательными свѣдѣніями по общеобразовательнымъ наукамъ и съ достаточно развитыми самодѣятельностію силами. Отсюда богословское образованіе стало болѣе плодотворнымъ, чѣмъ прежде. Предметомъ его стали служить свято-отеческія догматическія и нравственныя творенія, а также произведенія русской и иностранной духовныхъ литературъ [2]). Составъ предметовъ учебнаго курса былъ немногосложенъ, а посему оставалось много времени и для самостоятельныхъ занятій учащихся. Но, помимо своего значенія въ прошломъ, уставъ 1809 г. сохраняетъ свое вліяніе и до настоящихъ дней нашей духовной школы. Тотъ живой духъ, которымъ теперь живетъ эта школа, постепенно разрабатывая какъ общеобразовательныя, такъ и спеціально-богословскія науки, начало свое получилъ именно въ силу дѣйствія устава 1809 г. Конечно, мы не думаемъ все значеніе даннаго устава приписывать одному преосв. Ѳеофилакту, такъ какъ помимо него были такіе, напр., дѣятельные проводники духовно-учебной реформы, какъ М. М. Сперанскій, князь Голицынъ, и такіе ея подготовители, какъ митрополитъ Амвросій, Евгеній Болховитиновъ и Анастасій Братановскій. Но все-же, такъ какъ преосв. Ѳеофилактъ принималъ весьма значительное участіе въ проведеніи этой реформы, вполнѣ будетъ справедливымъ приписывать ему и соотвѣтственно значительную

---

[1]) „Проектъ устава дух. Акад. § 122“. „Ист. С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистов., стр. 188.

[2]) Ист. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 167—170.

долю тѣхъ заслугъ, какія эта реформа оказала нашей духовной школѣ.

Не менѣе значительное участіе принималъ онъ и при укладкѣ перваго основного камня новаго учебнаго строя, т. е. при устройствѣ учебнаго дѣла въ С.-Петербургской духов. Академіи, торжественно открытой 17-го февраля 1809 г. Онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ составилъ, по порученію Комиссіи, а) примѣрный планъ самаго устройства и открытія академіи, семинаріи и духовныхъ училищъ петербургской епархіи, б) подробные штаты этихъ учебныхъ заведеній и в) нужный распорядокъ къ помѣщенію студентовъ въ академіи [1]). Затѣмъ, при самомъ открытіи академіи, онъ принялъ на себя предложенную ему отъ лица членовъ Комиссіи обязанность профессора по классу словесныхъ наукъ [2]). По словамъ Ростиславова, принятіе на себя преосв. Ѳеофилактомъ обязанности профессора при санѣ архіепископа, при званіи члена Св. Синода, было безпримѣрнымъ поступкомъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. „Извѣстно, говоритъ Ростиславовъ, что только ректора С.-Петербургской духов. Академіи, когда ихъ стали производить въ викарные архіереи, продолжали числиться профессорами, но только богословскихъ наукъ, и притомъ не всѣ“ [3]). Отсюда мы, кажется, не ошибемся, если будемъ видѣть въ рѣшимости преосв. Ѳеофилакта нарушить установившіяся традиціи доказательство его любви къ наукѣ и искренняго желанія послужить образованію духовнаго юношества. Такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ поступокъ знаменитаго іерарха былъ понятъ и Высочайшею властію: императоръ Александръ I, узнавши чрезъ Голицына объ этомъ по-

---

[1]) Истор. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 181.

[2]) „Русская Старина“ 1895 г., мартъ. Записки Д. И. Ростис., стр. 95.

[3]) Истор. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 183.

ступкѣ, выразилъ Ѳеофилакту особое свое благоволеніе [1]). Наконецъ, заслуживаетъ вниманія составленная преосвященнымъ подробная программа по классу словесныхъ наукъ для Академіи и самое профессорство по этому классу. Программа эта была тогда замѣчательнымъ шагомъ впередъ въ ходѣ учебнаго дѣла по духовному вѣдомству. Въ ней смѣло и рѣшительно были рекомендованы для руководства профессоровъ сочиненія такихъ, напримѣръ, ученыхъ, какъ д' Аламберъ, Мармонтель, Монтескье, Шатобріанъ; между тѣмъ, лѣтъ 10—20 тому назадъ сочиненія этихъ авторовъ считались прямо источниками гибельнаго невѣрія, и потому о рекомендованій ихъ для прочтенія и изученія въ духовныхъ заведеніяхъ не могло быть и рѣчи. Лучшимъ исполнителемъ этой программы былъ самъ Ѳеофилактъ. Регулярно читая въ теченіе года лекціи, онъ старался познакомить студентовъ не только съ классическими и церковными писателями, но и съ новѣйшими, современными ему мыслителями, а также руководилъ студентовъ въ составленіи проповѣдей и сочиненій. Помощникомъ его по этой каѳедрѣ былъ вызванный, по его указанію, изъ Калуги даровитый учитель и префектъ тамошней семинаріи, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій [2]). Насколько успѣшны были профессорскія занятія его и помощника,—это показалъ произведенный Комиссіей въ концѣ перваго академическаго года (1804) экзаменъ въ новообразованной академіи: только по словесности экзаменъ прошелъ успѣшно, а по другимъ предметамъ преподаваніе и успѣхи студентовъ оказались неудовлетворительны [3]).

Благодаря профессорству, Ѳеофилактъ достигъ скоро большого вліянія на всѣ дѣла академіи. Переселившись изъ

---

[1]) „Истор. С.-Петерб. духов. Акад.“, стр. 183.

[2]) „Истор. С.-Петерб. духов. Акад.“, стр. 251.

[3]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 45.

Калужскаго подворья, гдѣ раньше жилъ, въ самую академію, онъ сталъ непосредственнымъ ея наблюдателемъ и руководителемъ. Это время было для него самымъ славнымъ и счастливымъ. И въ Синодѣ, и при Дворѣ, и въ академіи, и въ обществѣ чувствовалась сила его имени и авторитета. Общество превозносило его за проповѣди, Дворъ имѣлъ о немъ мнѣніе, какъ о просвѣщенномъ пастырѣ и талантливомъ проповѣдникѣ, академія цѣнила его славное профессорство, Св. Синодъ признавалъ за нимъ авторитетъ плодотворнаго и энергичнаго дѣятеля на пользу церкви и духовнаго просвѣщенія. Отличія его по службѣ быстро слѣдовали одно за другимъ: 25 декабря 1808 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа, что было высокимъ отличіемъ въ то время; а въ мартѣ 1809 г. онъ переведенъ былъ изъ третьеклассной калужской во второклассную рязанскую епархію [1]). Насколько сильно чувствовала въ это время сѣверная столица обаяніе славы и авторитета преосв. Ѳеофилакта, видно изъ того, что она даже намѣчала ему свою митрополичью каѳедру: въ разныхъ ея сферахъ высказывалось убѣжденіе, что онъ будетъ преемникомъ митрополита Амвросія, котораго намѣчали перевести въ Новгородъ [2]).

Впрочемъ, причиною этого могло быть то отношеніе, въ какое сталъ Ѳеофилактъ къ митрополиту Амвросію по дѣятельности въ Комитетѣ, въ Комиссіи и въ Академіи. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ de jure главный авторитетъ долженъ былъ принадлежать митрополиту Амвросію, какъ первоприсутствующему члену Св. Синода; на дѣлѣ же онъ, какъ мы видѣли, принадлежалъ преосв. Ѳеофилакту. Но митрополитъ Амвросій, человѣкъ [3]) по природѣ и по правиламъ

---

[1]) Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 491.

[2]) Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 491.

[3]) Объ Амвросіи Подобѣдовѣ см., напр., „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митроп. моск.“ Сушкова, стр. 46. Москва. 1868 г.

своимъ непоколебимо твердый, далекъ былъ отъ того, чтобы добровольно отступиться отъ своихъ правъ и привилегій. Отсюда, естественно, не могло быть хорошихъ отношеній между іерархами; между ними неминуемо должно было произойти столкновеніе. Самъ преосв. Θеофилактъ едва-ли искалъ и желалъ этого столкновенія. Онъ былъ призванъ другими для дѣятельности въ тѣхъ сферахъ, гдѣ de jure главное и передовое вліяніе должно было принадлежать митрополиту Амвросію, а не самъ добивался ея. Не его вина, что тотъ не былъ способенъ къ разрѣшенію назрѣвшихъ тогда сложныхъ и высшихъ церковныхъ вопросовъ [1]), между тѣмъ какъ онъ самъ чувствовалъ въ себѣ энергію и достаточную силу для разработки этихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія обстоятельства того времени были благопріятны для проявленія его талантовъ. Правда, многіе наши историки-біографы стараются представить преосв. Θеофилакта крайне честолюбивымъ интриганомъ противъ митрополита Амвросія Подобѣдова. Такое мнѣніе о немъ высказалъ, напр., одинъ біографъ митрополита московскаго Филарета—Н. В. Сушковъ [2]). Но мы съ такимъ мнѣніемъ не можемъ согласиться: сохранившійся до нашего времени историческій матеріалъ, касающійся личности преосв. Θеофилакта, не даетъ никакого прямого и вѣрнаго основанія для того, чтобы признать его честолюбивымъ интриганомъ противъ петербургскаго митрополита. Пользуясь связями съ высокопоставленными особами и даже вниманіемъ Высочайшихъ особъ, другой на мѣстѣ преосв. Θеофилакта дѣйствительно занялся бы интригами противъ митрополита Амвросія, который притомъ не пользовался благосклонностію Александра I [3]); но онъ былъ далекъ отъ этого.

---

[1]) Такого мнѣнія о митроп. Амвросіи держится, между прочимъ, проф. Знаменскій. См. Прав. Собес. 1885 г., янв., стр. 7.

[2]) См. цит. его соч.: „Зап. о жизн. и времен. Филарета“, стр. 46.

[3]) „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича, стр. 2.

Чтобы видѣть въ немъ честолюбца, способнаго на разныя интриги противъ митрополита Амвросія, для этого нѣтъ, *повторяемъ*, никакихъ прямыхъ и вполнѣ достовѣрныхъ историческихъ данныхъ. Вполнѣ достовѣрно только то, что знаменитый іерархъ въ описываемое время былъ на верху славы, а митрополитъ Амвросій, наоборотъ, переживалъ страдную и тревожную для себя пору неблаговоленія со стороны Александра I.

Но слава человѣческая обыкновенно бываетъ непрочна и недолговременна; по обычному порядку земныхъ вещей, она часто смѣняется паденіемъ и даже униженіемъ. И слава преосв. Ѳеофилакта, какъ блестящаго церковнаго дѣятеля, имѣла предѣлы, и она смѣнилась паденіемъ. Правда, не сразу произошло его паденіе; сначала явились для этого только благопріятныя условія, а затѣмъ постепенно начала сказываться и дѣйствительная потеря преосвященнымъ занятаго имъ блестящаго положенія въ С.-Петербургѣ.

Третій періодъ жизни и дѣятельности Ѳеофилакта Русанова (съ 1810—1813 гг.).

Условія, подготовлявшія паденіе Ѳеофилакта: столкновеніе его съ Сперанскимъ и княземъ Голицынымъ изъ-за Фесслера, усиленіе въ Петербургѣ религіознаго мистицизма и реакціи противъ французскаго образованія, возвышеніе Филарета Дроздова, сильное увлеченіе могущественнаго кн. Голицына мистицизмомъ, повлекшее за собое сильную враждебную непріязнь его къ Ѳеофилакту. Первые признаки его скораго паденія. Начало дѣйствительнаго паденія Ѳеофилакта со времени его отправленія для ревизіи разоренныхъ французами епархій. Дѣло изъ-за перевода „Эстетическихъ разсужденій“ Ансильона, окончившееся для Ѳеофилакта совершенною опалой и удаленіемъ его изъ Петербуга въ Рязанскую епархію.

Въ первой половинѣ 1810 г. въ жизни преосвященнаго Ѳеофилакта произошло одно событіе, важное тѣмъ, что оно послужило первымъ подготовительнымъ условіемъ для ниспаденія его съ высоты занятаго имъ блестящаго положенія общецерковнаго столичнаго дѣятеля. Мы разумѣемъ именно столкновеніе его съ кн. Голицынымъ и Сперанскимъ изъ-за ученаго профессора Игнатія Фесслера. Сущность этого, надѣлавшаго въ свое время много шума, столкновенія состояла въ слѣдующемъ. При открытіи С.-Петербургской духовной Академіи, „Комиссія духовныхъ училищъ“ рѣшила пригласить для нѣкоторыхъ каѳедръ, за отсутствіемъ русскихъ хо-

рошихъ преподавателей, ученыхъ изъ-за границы [1]). Между прочимъ, на каѳедру еврейскаго языка, по рекомендаціи М. М. Сперанскаго, былъ приглашенъ изъ Берлина извѣстный оріенталистъ, докторъ философіи Игнатій Фесслеръ [2]). Самъ Сперанскій руководился въ данномъ случаѣ совѣтомъ проф. СПБ. Педагогическаго Института—Лодія, учившагося у Фесслера въ Львовскомъ университетѣ.

Личность Фесслера была довольно загадочная. „Внутренняя и внѣшняя жизнь этого человѣка, говоритъ проф. И. Чистовичъ, полны внезапностей, перемѣнъ, противорѣчій. Явленія внутренней жизни изъ опытовъ прошедшихъ вѣковъ, уже получившія опредѣленную и справедливую оцѣнку въ исторіи, волновали его, какъ еще неразрѣшенные вопросы ума и сердца, порождая борьбу мыслей со всѣми ея томленіями и скорбями“ [3]). Получивъ католическое воспитаніе, Фесслеръ въ порывѣ религіозной экзальтаціи, 17 лѣтъ вступилъ въ орденъ капуциновъ. Черезъ 10 лѣтъ (въ 1783 г.) онъ поступилъ въ массонскую ложу и, встрѣтивъ непріязнь со стороны католическихъ монаховъ, оставилъ католичество и перешелъ въ лютеранство [4]). „Ревностнѣйшій массонъ и иллюминатъ,—говоритъ о немъ баронъ М. А. Корфъ,—человѣкъ необыкновенно умный, ученый, съ блестящимъ перомъ и даромъ слова, онъ, по мнѣнію многихъ, не щеголялъ, однакоже, нравственными своими правилами“ [5]). По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ въ январѣ 1810 г. [6]), онъ сразу сталъ въ близкое и тѣсное отношеніе къ Сперанскому.

---

[1]) „Ист. С.-Петерб. Духов. Акад.“, стр. 182—183.

[2]) Свидѣтельства о немъ даны: въ Вѣстн. Евр. 1873 г., кн. 11, стр. 241—243; въ Рус. Вѣст. 1868 г., 74 т., стр. 504—508; въ цит. соч. Сушк., стр. 40—41; въ цит. соч. Чистов. стр. 193—198; 249—250.

[3]) „Ист. С.-Пет. Духов. Акад.“, стр. 249.

[4]) Христ. Чт., 1871 г., ч. 1, стр. 984: „Въ память Сперанскаго“.

[5]) „Жизнь графа М. М. Сперанскаго“, ч. 1, стр. 256.

[6]) Рус. Вѣст., 1868 г., 74 т., стр. 505.

Они скоро сблизились между собою именно потому, что сходны были по складу своей внутренней жизни. Могучая душа Сперанскаго, какъ и душа Фесслера, постоянно работала надъ собой, пытаясь разрѣшить вѣчно томящіе ее вопросы о томъ невидимомъ, вѣчномъ, духовномъ царствѣ, которому она принадлежитъ по своей природѣ. Онъ если не былъ массономъ и мистикомъ въ полномъ смыслѣ, какимъ былъ Фесслеръ, то во всякомъ случаѣ имѣлъ сильную наклонность къ мистицизму. Наклонность М. М. Сперанскаго къ послѣднему замѣтна была уже въ 1803—1804 гг., когда онъ велъ переписку съ извѣстнымъ русскимъ мистикомъ Ив. Вл. Лопухинымъ [1]). Думаютъ даже, что онъ и Фесслера вызвалъ изъ Берлина съ цѣлію именно познакомиться съ давно интересовавшими его тайнами мистицизма и иллюминатства [2]). По крайней мѣрѣ извѣстно, что когда Фесслеръ, сразу по пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, устроилъ у себя домашнюю массонскую ложу, то и онъ поступилъ въ члены ея, хотя посѣтилъ ее только два раза [3]).

При такомъ духовномъ сродствѣ съ Фесслеромъ Сперанскій сразу сталъ обнаруживать къ нему особое благоволеніе. Узнавъ изъ первыхъ бесѣдъ съ Фесслеромъ объ его обширныхъ философскихъ познаніяхъ, онъ предложилъ ему, кромѣ еврейскаго языка, читать въ Академіи и философію, на что, конечно, тотъ изъявилъ свое полное согласіе. Это частное предложеніе Сперанскаго было 19 февраля 1810 г. формально утверждено и „Комиссіей“ [4]). Тогда же Фесслеру поставлено было въ обязанность представить на разсмотрѣніе „Комиссіи“, чрезъ посредство академическаго правленія,

---

[1]) См. письма Ив. Лопухина къ Сперанскому въ 1804—1805 гг. Рус. Архивъ 1870 г., стр 614—618.

[2]) Корфъ. „Жизнь гр. Сперанскаго“, т. 1, стр. 260, 1861 г.

[3]) Ibid., стр. 261.

[4]) Ж. К. Д. Уч. 19 февр 1810 г. „Руков. дѣят. дух. прос.“, стр. 47.

конспекты по обоимъ предметамъ—еврейскому языку и философіи. Благодаря отличной рекомендаціи Сперанскаго, Фесслеръ сталъ пользоваться вниманіемъ и другихъ свѣтскихъ членовъ „Комиссіи“. Между прочимъ, кн. Голицынъ, въ то время уже начавшій увлекаться мистицизмомъ, также благоволилъ къ Фесслеру. Благоволеніе это онъ выразилъ, напр., порученіемъ Фесслеру составить свои замѣчанія и совѣты „объ образѣ ученія въ классахъ (въ Академіи) и о внутреннемъ распорядкѣ его у студентовъ“ [1]).

Но Ѳеофилактъ не раздѣлялъ преклоненія Сперанскаго и Голицына предъ личностью подозрительнаго иностранца, такъ какъ онъ чуждъ былъ увлеченія мистицизмомъ. Правда, онъ, какъ мы уже видѣли, отчасти, былъ близко знакомъ съ нашими лучшими представителями мистицизма—Голицынымъ, Лопухинымъ, Сперанскимъ и Лабзинымъ, разсуждалъ съ ними о Сведенборгѣ и его видѣніяхъ, о внутренней церкви, что составляло догму мистицизма,—и пользовался расположеніемъ этихъ лицъ [2]); тѣмъ не менѣе мистическое созерцаніе вовсе къ нему не привилось, оставаясь для него только занятной умственной игрой. Положительная натура Ѳеофилакта имѣла слишкомъ много здраваго смысла для того, чтобы увлекаться тонкостями мистицизма. Сперанскій съ Лопухинымъ старались, какъ показываетъ напечатанная въ Русскомъ Архивѣ ихъ взаимная переписка, привлечь его на свою сторону, но безуспѣшно. „Очень бы я желалъ,—писалъ извѣстный И. В. Лопухинъ къ Сперанскому 24 ноября 1804 г., чтобъ вы продолжали переписку съ Ѳеофилактомъ, хотя онъ и не знаетъ прямую цѣну Фенелону, коимъ, я надѣюсь, вы у насъ будете, ежели продолжите усердіе къ званію вашему на этомъ пути“. Въ слѣдующемъ году 13-го октября Лопухинъ, возвращаясь изъ

---

[1]) „Руков. дѣят. духовн. просв.“, стр. 77.

[2]) Рус. вѣст. 1868 г., 74 т., стр. 491.

Крыма, видѣлся въ Калугѣ съ Ѳеофилактомъ и писалъ о немъ къ Сперанскому: „преосвященный, кажется, нисколько еще не получилъ вкуса къ прямой чистотѣ дѣла. Въ отвѣтахъ его къ вамъ, которые онъ мнѣ читалъ, довольно то видно изъ его понятій о Фенелонѣ и о связи его съ m-me Guion [1]). Впрочемъ, онъ имѣетъ многія достоинства [2]). Какъ видимъ, означенная переписка въ смыслѣ вліянія на душевное настроеніе преосвященнаго не имѣла успѣха. Вообще близкое отношеніе Ѳеофилакта къ указаннымъ нашимъ лучшимъ мистикамъ говоритъ, по мнѣнію проф. Н. Покровскаго [3]), только о томъ, что онъ былъ человѣкъ, способный сочувствовать всякому проявленію трезвой и живой мысли, привыкшій цѣнить независимость убѣжденій и готовый въ случаѣ нужды открыто поспорить за самостоятельность собственныхъ воззрѣній. Когда рѣчь шла объ одномъ принципѣ, какъ проявленіи чистой мысли, безотносительно къ осуществленію на дѣлѣ, въ жизни, Ѳеофилактъ могъ съ охотой разсуждать о немъ, даже одобрять его, какъ прогрессивное явленіе въ области разума; но когда вопросъ переносился на практическую почву, когда рѣчь шла о проведеніи этого принципа въ жизнь, о смѣнѣ, напр., якобы отжившихъ формъ христіанства новыми—мистическими, тогда эта пропаганда встрѣчала со стороны его энергичный протестъ. Для него въ этомъ случаѣ свое собственное убѣжденіе было выше всѣхъ личныхъ привязанностей, дружбы, протекціи. Онъ, напр., зналъ мистическія наклонности Сперанскаго и Голицына, зналъ ихъ административную силу, понималъ, что въ нихъ—главная опора его блестящаго положенія, и, несмотря

---

[1]) Фенелонъ и г-жа Гюйонъ—французскіе мистики начала XVIII в., сочиненія которыхъ пользовались популярностію у насъ во второй половинѣ XVIII и первой XIX вв.

[2]) Письма Лопухина къ Сперанскому. Рус. Арх. 1870, стр. 614.

[3]) Странникъ 1877 г., т. 1, стр. 336—337.

на это, когда предстояло рѣшить вопросъ о томъ, воспитываться ли академическому юношеству на началахъ мистицизма, или православія,—смѣло высказался противъ „внутренней церкви“, за что и подвергся непріятностямъ со стороны своихъ прежнихъ патроновъ.

Религіозно-нравственная шаткость Фесслера, по слухамъ, еще до вызова его въ Петербургъ, была извѣстна Ѳеофилакту. Вотъ почему послѣдній сопротивлялся самому приглашенію Фесслера въ Академію и уступилъ только настоянію кн. Голицына и Сперанскаго. Впрочемъ, о немъ Ѳеофилактъ могъ составить болѣе или менѣе ясное представленіе уже вскорѣ послѣ поступленія его въ духов. Академію. Въ это время, именно въ февралѣ 1810 г. [1]), въ нѣмецкихъ „ученыхъ вѣдомостяхъ“ появился разборъ одного изъ сочиненій Фесслера, подъ заглавіемъ „Терезія“, гдѣ сказано было, что авторъ прошелъ всѣ степени вѣры, сомнѣній и знаній,—потерялъ первую, отринулъ послѣднія и сдѣлался ярымъ мистикомъ—идеалистомъ. Преосвященный, постоянно слѣдившій за развитіемъ западно-европейской литературы, конечно, сразу узналъ объ этомъ разборѣ. Кажется, не безъ участія его самаго этотъ разборъ былъ переведенъ на русскій языкъ и напечатанъ. Затѣмъ для него, конечно, не было тайной то вліяніе Фесслера на петербургское общество, какое онъ сталъ имѣть сразу же по своемъ пріѣздѣ, устроивъ у себя домашнюю массонскую ложу [2]). Не безызвѣстна для него была также особенная близость Фесслера къ Сперанскому и Голицыну по причинѣ ихъ взаимнаго духовнаго мистическаго сродства. Все это начало вызываетъ въ немъ опасеніе за будущее направленіе воспитанія академическаго юношества. Онъ началъ понимать, что неприлично и даже небезопасно имѣть такого человѣка на каѳедрѣ православной

---

[1]) Христ. Чт. 1871 г., ч. 2, стр. 984; „Въ память Сперанскаго“.

[2]) Прав. Собес. 1885 г., сентябрь, стр. 78—79.

духовной Академіи, такъ какъ въ будущихъ служителяхъ церкви онъ можетъ поселить увлеченіе вредными крайностями мистицизма. Подобное опасеніе могло явиться у Ѳеофилакта особенно въ виду того сильнаго вліянія, какое сталъ оказывать иностранецъ-мистикъ на студентовъ Академіи. Послѣдніе всѣ восхищались Фесслеромъ: „вліяніе Фесслера на своихъ учениковъ было обширно, говоритъ митр. московскій Филаретъ, въ своихъ „воспоминаніяхъ“ [1]). Я помню, одинъ студентъ вышелъ изъ Академіи безъ вѣры въ Искупителя, какъ Бога“. Студенты особенно начали увлекаться философскими воззрѣніями Фесслера, какія онъ, пользуясь авторитетомъ европейскаго ученаго, предлагалъ имъ даже на лекціяхъ еврейскаго языка. Какого рода были эти философскія воззрѣнія—это Ѳеофилактъ увидѣлъ ясно изъ представленныхъ Фесслеромъ въ „Комиссію“ конспектовъ по преподаванію философіи, еврейскаго языка и церковныхъ древностей. Эти конспекты окончательно убѣдили преосвященнаго въ томъ, что пребываніе иностранца на академической каѳедрѣ можетъ быть опаснымъ и вреднымъ для воспитанія и образованія академическаго юношества. Поэтому Ѳеофилактъ рѣшился всѣми силами добиться удаленія Фесслера изъ Академіи. Прежде всего онъ написалъ основательную критику на конспекты Фесслера и представилъ ее въ „Комиссію“.

Эти конспекты по преподованію философіи, еврейскаго языка и церковныхъ древностей были разсматриваемы „Комиссіей“ 23 апрѣля 1810 г. [2]). Какимъ порядкомъ они были разсматриваемы, какія происходили въ „Комиссіи“ по поводу ихъ разсужденія—неизвѣстно. Въ журналѣ „Комиссіи“ того же числа указано только такое общее заключеніе, что

---

[1]) Прав. Обозр. 1868 г., т. 26, стр. 512.

[2]) Ж. К. Д. Уч. 23 апр. 1810 г. „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 50.

„Комиссія“, „найдя изъясненіе философіи проф. Фесслера темнымъ, постановила истребовать отъ него другой конспектъ, въ коемъ онъ философію, которую преподавать намѣренъ, изложилъ бы въ яснѣйшемъ видѣ, и именно по методѣ и терминологіи вольфіанской“ [1]). Очевидно, конспектъ философіи найденъ былъ неудобнымъ, но, чтобы не сказать прямо, что онъ не годится, Комиссія постановила, чтобъ онъ былъ передѣланъ по методѣ и терминологіи вольфіанской, съ которою онъ не имѣлъ ничего общаго. Здѣсь-то и выступилъ противъ Фесслера Θеофилактъ. Онъ прямо не согласился на такое снисходительное къ иностранцу постановленіе и 9 іюля представилъ въ „Комиссію“ отдѣльно свое „мнѣніе“ съ приложеніемъ критическихъ замѣчаній на конспекты Фесслера. „Философскія начала, писалъ онъ, г. Фесслеромъ изложенныя, которыя онъ, какъ изъяснился въ своемъ конспектѣ, ни лживо показать, ни утаить не можетъ, довольно понятны для меня, что и утверждалъ я и въ присутствіи, при разсужденіи объ оныхъ. Но, къ душевному моему прискорбію, одолжаюсь сказать, что сіи начала нахожу весьма вредными для церкви и отечества и пагубными для студентовъ. Въ доказательство того и другого прилагаю при семъ замѣчанія мои на конспекты его для еврейскаго языка, церковныхъ древностей и философскихъ наукъ, внесенные въ Комиссію“ [2]). Сущность замѣчаній Θеофилакта на философскій конспектъ Фесслера сводилась къ тремъ положеніямъ: 1) Во-первыхъ, по словамъ преосвященнаго, „философія Фесслера, миновавъ естественный ходъ познаній человѣческихъ, страннымъ образомъ производитъ начало оныхъ отъ разума, независимо отъ чувствъ. Опытъ показываетъ, что человѣкъ ничего не знаетъ и знать не можетъ безъ самочувствованія и безъ ощущенія впечатлѣній извнѣ

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51.

[2]) Христ. Чт. 1871 г., ч. 2, стр. 989.

Фесслеръ мыслитъ объ этомъ совсѣмъ иначе. Онъ говоритъ, что разумъ изъ врожденной себѣ первоначальной идеи произраждаетъ общія свои идеи и отражаетъ ихъ въ разсудокъ черезъ зеркало сознанія. Врожденная первоначальная идея есть произвольное положеніе, которое Фесслеръ доказать не можетъ. О врожденныхъ идеяхъ онъ судитъ совершенно ложно, почитая ихъ дѣятельными и живыми способностями души, дѣйствующими независимо отъ чувствъ, что опровергается самымъ опытомъ. Основавшись на ложномъ началѣ о познаніи души человѣческой, Фесслеръ для непосредственной дѣятельности разума назначаетъ міръ невидимый. Но св. Павелъ пишетъ къ Римлянамъ: „невидимая отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество (Рим. 1, 20).—2) Фесслеръ вступаетъ въ разнорѣчіе съ общечеловѣческимъ убѣжденіемъ: приписываетъ началамъ человѣческихъ познаній только условную и подлежательную вещественность и истину. Предметная вещественность и истина есть цѣль трудовъ философа и конецъ изслѣдованій; но разсматриваемая философія уничтожаетъ предметную вещественность и явно выдаетъ себя за идеалистическую. По ея началамъ, предметы, извнѣ насъ дѣйствующіе, не имѣютъ даже и условной вещественности, т. е. суть не иное что, какъ призраки. Начала, которымъ г. Фесслеръ неуклонно слѣдовать обѣщается, суть начала разрушительныя, а не созидательныя. Фесслеръ подрываетъ религію, принявъ въ основаніе философіи своей пагубныя мнѣнія иллюминатовъ; вводитъ Платонову философію, которая въ первыхъ трехъ вѣкахъ христіанства столько же породила ересей, сколько вольнодумцевъ во Франціи произвела Локкова метафизика.. кромѣ Платоновой философіи болѣе 25 лѣтъ онъ руководится ученіемъ Плотина, которое въ особенности было покровительствуемо у языческихъ императоровъ. И, наконецъ,—3) Фесслеръ не оправдываетъ требованій, изъясненныхъ въ проектѣ устава духовныхъ академій относи-

тельно преподаванія философіи въ Академіи, какъ науки, долженствующей быть въ подчиненіи высшему положительному авторитету“ [1]).

Мы нарочно подробно изложили содержаніе замѣчаній преосвященнаго на философскій конспектъ Фесслера, чтобы показать несправедливость тѣхъ сужденій о ложномъ направленіи его ума, которыя высказали—преосв. Филаретъ, арх. черниговскій, проф. Чистовичъ и современникъ Ѳеофилакта Сперанскій. Всѣ эти три лица находили въ философскихъ замѣчаніяхъ преосвященнаго явные слѣды грубаго „кондильяковскаго“ сенсуализма. „Замѣчанія его (Ѳеофилакта) на Фесслеровъ конспектъ философіи, говоритъ преосв. Филаретъ, немного дѣлаютъ чести узкому кондильяковскому (sic!) уму его“ [2]). По словамъ профессора Чистовича, Ѳеофилактъ, „упрекая Фесслера въ идеализмѣ и понтеизмѣ, самъ впалъ въ крайность грубаго сенсуализма“ [3]). М. М. Сперанскій въ своемъ особомъ мнѣніи, представленномъ имъ въ „Комиссію“, имѣя въ виду тѣ же замѣчанія Ѳеофилакта, высказался такъ: „цѣль философскаго образованія въ точномъ разумѣ устава Академіи не въ томъ состоитъ, чтобъ продолжать мрачную систему матеріализма, на коей вся чувственная философія основана, но чтобъ, отвергнувъ всѣ сіи суесловныя блужденія разума, призвать и приготовить къ христіанской философіи... коей источниковъ тщетно будемъ мы искать въ глазахъ, въ ушахъ, въ рукахъ и въ прочихъ чувствахъ [4]). Но всѣ эти мнѣнія объ увлеченіи преосвященнаго крайностями сенсуализма едва-ли справедливы. Ѳеофилактъ, какъ можно видѣть изъ изложеннаго нами со-

---

[1]) „Истор. С.-Петерб. Духов. Акад.“, стр. 197—198; ср. Христ. Чт. 1871 г., ч. 2, стр. 990.

[2]) Обз. рус. дух. лит., т. 2, стр. 148.

[3]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51.

[4]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 51—52.

держанія его замѣчаній на философскій конспектъ Фесслера, совсѣмъ не высказывалъ того сенсуалистическаго взгляда, что источникомъ познанія служатъ только опытъ и внѣшнія чувства. Не отрицая врожденности идей вообще, онъ вооружался только противъ неправильнаго ея пониманія. Онъ именно старался опровергнуть тотъ взглядъ Фесслера, по которому главнымъ источникомъ познанія служатъ идеи, врожденныя человѣку якобы въ готовомъ объективномъ содержаніи. Признавая значеніе внѣшнихъ чувствъ въ области познанія,—значеніе далеко не безусловное,—онъ не становился на одну точку зрѣнія съ Кондильякомъ, не отожествлялъ душу съ сенсуалистической „tabula rasa“. Онъ если и выставлялъ слишкомъ ярко значеніе внѣшнихъ чувствъ въ познаніи, то въ виду только той цѣли, чтобы сильнѣе поразить крайній адеализмъ Фесслера, который допускалъ возможность познанія вещей безъ помощи внѣшнихъ чувствъ, путемъ какого-то непосредственнаго созерцанія. Ѳеофилактъ, однимъ словомъ, старался провести тотъ, съ точки зрѣнія современной положительной науки, совершенно правильный взглядъ на познаніе, по которому въ послѣднемъ должны имѣть, на ряду съ апріорными источниками, равное, если не большее, значеніе естественный фактъ и опытъ.

Что же касается замѣчаній Ѳеофилакта на Фесслеровъ планъ преподаванія еврейскаго языка и древностей и обрядовъ греческой, латинской и россійской церквей, то ихъ нужно признать еще болѣе основательными. „Намѣреніе профессора, писалъ, напр., онъ, показать разные діалекты, имѣющіе одно основаніе съ еврейскимъ языкомъ, похвально; но того одобрить нельзя, что онъ хочетъ на діалектѣ арабскомъ читать исторію патріарха Іосифа въ томъ видѣ, какъ она изложена въ коранѣ, ибо исторія сія въ коранѣ попорчена и представлена баснею. „Мнѣ нужно доказать, говоритъ Фесслеръ, что церковь есть вѣрный отпечатокъ, предначертаніе, даже предверіе царствія Божія, т. е. царства благочестія и

премудрости, которое внутри насъ". Такая мистика при древностяхъ, замѣчаетъ преосв. Ѳеофилактъ, совсѣмъ не нужна. Это есть часть богословія такая, съ которою очень осторожно надобно обращаться и которая, по незнанію еще настоящихъ мыслей Фесслера, отнюдь не должна быть ему поручена. Кромѣ того, сія мистика заключаетъ въ себѣ что-то странное и необыкновенное. Раздѣливъ всѣ предметы, входящіе въ кругъ церковныхъ древностей, на три части, Фесслеръ говоритъ, что „всякое ученіе составляютъ символическія изображенія созерцаній и идей благочестивыхъ". Очень желательно, замѣчаетъ преосв. Ѳеофилактъ, чтобы профессоръ избавилъ насъ отъ своихъ „созерцаній", которыя явно ведутъ къ идеализму и излишнее поселяютъ надѣяніе на разумъ. Вѣра происходитъ не отъ созерцаній умственныхъ, но отъ слуха: слухъ же глаголомъ Божіимъ (Рим. X, 17). Всѣ церковные обряды, по словамъ Фесслера, суть драматическія и лирическія представленія. Не ясно ли, что объ обрядахъ церкви думаетъ онъ, какъ о трагедіяхъ и операхъ, представляемыхъ на театрѣ? Обѣщается говорить о монахахъ и постахъ,—не знаю, какъ будетъ онъ изъясняться о сихъ и прочихъ подобныхъ предметахъ, будучи такого вѣроисповѣданія, которое не имѣетъ первыхъ и отвергаетъ послѣдніе. Говорить въ пользу нашей православной церкви значитъ измѣнить своей религіи. Не знаю, согласится ли на сіе Фесслеръ. Можетъ быть, если согласится, то симъ докажетъ индифферентизмъ, т. е. равнодушіе ко всѣмъ вѣроисповѣданіямъ. Учить же противно мнѣнію нашей церкви пагубно для студентовъ и не было бы позволено. Здѣсь для него Сцилла и Харибда. Изложивши сіи предметы, Фесслеръ хочетъ говорить о древностяхъ россійской церкви. Но гдѣ онъ возьметъ о ней свѣдѣнія, когда россійскаго языка не знаетъ? Что же касается до иностранныхъ сочиненій, то ихъ очень мало, и притомъ всѣ несправедливы. Потомъ

говоритъ онъ, что „нѣкоторыхъ нужныхъ книгъ для студентовъ совсѣмъ нѣтъ нигдѣ, и что должно имъ писать его лекціи. Какая же причина сего недостатка? Никто еще, говоритъ онъ, древностей церковныхъ не подводилъ подъ идеализмъ созерцанія и для того онъ берется сочинить для древностей свою книгу. Эта книга должна непремѣнно быть такая, какой нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Напередъ угадать можно, что она будетъ заключать въ себѣ такія мысли, кои авторъ изложилъ въ конспектѣ, и коихъ ни одинъ еще сочинитель не осмѣлится выдать въ свѣтъ. На сей книгѣ, въ предосторожность читателей, прилично будетъ поставить эпиграфомъ сіи слова Апостола: блюдитеся, да никто будетъ васъ прельщаяй философіей по стихіямъ міра, а не по Христѣ (Кол. XI, 8)“ [1]).

Результатомъ такой основательной и строгой критики на конспекты Фесслера было увольненіе послѣдняго отъ должности профессора Академіи, состоявшееся именно 9-го іюля 1810 г. Въ этотъ день кн. Голицынъ представилъ въ „Комиссію“ препровожденную къ нему М. М. Сперанскимъ копію съ Высочайшаго указа 22 іюня объ опредѣленіи Фесслера въ Комиссію законовъ въ качествѣ корреспондента по уголовному праву. Сперанскій пытался было защищать программу Фесслера, ссылаясь на то, что всѣ статьи ея находятъ подтвержденіе въ твореніяхъ св. отцовъ [2]). Но правда Ѳеофилакта въ данномъ случаѣ была сознана „Комиссіею“, и онъ восторжествовалъ: Фесслеръ, по предложенію „Комиссіи“, вышелъ въ отставку. За то это временное торжество Ѳеофилакта повлекло за собою много непріятныхъ для него послѣдствій. „Это обстоятельство, говоритъ баронъ М. А. Корфъ, въ біографіи М. М. Сперанскаго [3]), разсорило Ѳео-

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“. Чистов., стр. 52—53.

[2]) Рус. Вѣстн. 1868 г. 74 т., стр. 50.

[3]) „Жизнь гр. Сперанскаго“, ч. 1, стр. 258.

филакта не только съ Сперанскимъ, но и съ кн. Голицынымъ". Дѣйствительно, послѣ описаннаго случая Сперанскій и кн. Голицынъ стали охладѣвать къ Ѳеофилакту. Обнаружившаяся ясно разность ихъ душевнаго настроенія стала преградой для новаго ихъ сближенія между собою.

Такимъ образомъ, Ѳеофилактъ потерялъ одно изъ главныхъ условій своего блестящаго и вліятельнаго положенія: его авторитетъ и вліяніе въ обществѣ, Св. Синодѣ и Академіи должны были, безъ поддержки Голицына и Сперанскаго, поколебаться. Сначала, впрочемъ, поколебался, авторитетъ его только въ той части петербургскаго свѣтскаго общества, которая увлекалась мистицизмомъ. Послѣдняя, дѣйствительно, сразу же послѣ исторіи изъ-за Фесслера отвернулась отъ Ѳеофилакта, ставши называть его обскурантомъ, гасильникомъ просвѣщенія и т. п. Что же касается дѣятельности его въ Св. Синодѣ, въ Комиссіи духовныхъ училищъ и въ Академіи, то она еще пока сохраняла прежнюю силу и авторитетъ, и только со временемъ, когда явились для преосвященнаго Ѳеофилакта новыя неблагопріятныя условія, она должна была ихъ лишиться.

Въ описанной исторіи изъ-за Фесслера важенъ былъ не самъ по себѣ фактъ протеста знаменитаго іерарха-профессора противъ допущенія Фесслера къ занятію каѳедры въ духовной Академіи; важно было обнаруженное въ лицѣ преосв. Ѳеофилакта, по поводу даннаго факта, несочувствіе, нерасположеніе къ мистицизму. Послѣднее въ то время было какъ разъ не кстати, особенно въ Петербургѣ. Религіозный мистицизмъ, занесенный къ намъ съ Запада въ концѣ XVIII в., въ это время (т. е. около 1810—1812 гг.) началъ оказывать сильное и широкое вліяніе на петербургское интеллигентное общество. Имъ начали увлекаться даже очень многіе выдающіеся государственные дѣятели, какъ, напр., кн. Голицынъ, Сперанскій, Лопухинъ, на которыхъ мы раньше указывали. Теперь мы упомянемъ еще объ од-

иомъ извѣстномъ и вліятельномъ въ то время мистикѣ— Лабзинѣ (1766—1826 г.), состоявшемъ съ 1799 г. на службѣ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ, и съ 1818 г. сдѣлавшемся вице-президентомъ Академіи Художествъ [1]). Лабзинъ извѣстенъ многими своими мистическими сочиненіями; въ 1806 г. онъ, между прочимъ, издавалъ мистическій журналъ „Сіонскій Вѣстникъ“. Но особенно усиленное движеніе религіозной мистики стало замѣчаться въ Петербургѣ и вообще въ Россіи со времени побѣды Александра I надъ Наполеономъ въ 1812 г. Побѣда эта направила русскихъ людей къ признанію сверхъестественной силы, дѣйствовавшей по своимъ планамъ наперекоръ земнымъ расчетамъ и замысламъ. Торжествующій русскій духъ видѣлъ свой первый долгъ въ смиреніи предъ непостижимымъ ходомъ вещей. Самъ императоръ Александръ смотрѣлъ на себя, какъ на избранника свыше, какъ на орудіе Провидѣнія, отрицая вліяніе собственной воли. Мистическое чувство, при врожденной къ тому наклонности, равно какъ и подъ дѣйствіемъ исторической роли, выпавшей ему на долю, глубоко коренилось въ его сердцѣ [2]). Вмѣстѣ съ распространеніемъ религіознаго мистицизма, въ нѣкоторой части русскаго общества стала замѣчаться въ это время и усиленная реакція противъ всего иностраннаго, особенно противъ либеральнаго французскаго просвѣщенія съ его раціонализмомъ и натурализмомъ. Такая реакція имѣла своею причиною отчасти живое пробужденіе въ русскомъ обществѣ національнаго самосознанія подъ вліяніемъ побѣдъ надъ непобѣдимымъ до 1812 г. Наполеономъ. Отсюда, естественно, что въ эту эпоху должны были, такъ сказать, отойти на задній планъ тѣ русскіе общественные дѣятели, которые заявляли себя, съ одной стороны, поклонниками иностраннаго—особенно

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 155.

[2]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 156.

французскаго образованія (крайними или умѣренными—все равно), съ другой—противниками мистицизма. Поэтому и преосв. Ѳеофилактъ, оставаясь навсегда вѣрнымъ поклонникомъ (хотя въ самомъ умѣренномъ и лучшемъ смыслѣ) французскаго образованія и противникомъ мистицизма, естественно рано или поздно долженъ былъ сойти съ высоты занимаемаго имъ блестящаго общественнаго положенія и удалиться со столичной сцены.

Въ эту пору возсіяло въ Петербургѣ новое свѣтило церкви, слава котораго затмила не одного только Ѳеофилакта. Мы разумѣемъ іер. Филарета Дроздова, молодого наставника С.-Петербургской духовной Академіи, а впослѣдствіи знаменитаго митрополита московскаго. Благодаря своему замѣчательному проповѣдническому таланту, іером. Филаретъ Дроздовъ въ короткое время сдѣлался знаменитостью въ столицѣ. Уже первая его проповѣдь, произнесенная въ 1810 г. въ день Благовѣщенія, обратила на себя вниманіе столичной интеллигенціи, такъ какъ, помимо своего художественнаго достоинства, она имѣла своимъ предметомъ излюбленную мистиками тему „о внутреннемъ царствіи Божіемъ въ душѣ человѣка“. Эта проповѣдь очень понравилась кн. Голицыну и вообще всѣмъ тѣмъ, которые были уже объяты мистическимъ настроеніемъ [1]). Такимъ же громаднымъ успѣхомъ пользовались и послѣдующія проповѣди Филарета, по преимуществу имѣвшія своимъ предметомъ постоянныя и любимыя темы мистиковъ, какъ-то, напр.: о соединеніи человѣка съ Богомъ, о возрожденіи, о внутреннемъ храмѣ [2]). Напр., въ словѣ на Рождество Христово (сказ. въ 1811 г.) Филаретъ говорилъ о самоуничиженіи, необходимомъ человѣку для устроенія внутри себя храма Божія. Самоуничиженіе,

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 54.

[2]) „Истор. русской словесности“, А. Галаховъ, 1880 г., стр. 453—458.

какъ путь къ высочайшему благу, было постояннымъ требованіемъ мистиковъ: „Боже! да буду я ничто! и все, что не Ты, да истребится во мнѣ!—вотъ молитва, воплощающая въ насъ Слово („Сіонскій Вѣстникъ“, 1817 г., декабрь: „О союзѣ Бога съ человѣкомъ“ [1]). Конечно, выборъ Филаретомъ подобныхъ темъ для своихъ первыхъ петербургскихъ проповѣдей не свидѣтельствовалъ о подчиненіи его стороннему вліянію. Филаретъ былъ мистикомъ по своему природному душевному настроенію. Это была натура аскета, постоянно сосредоточеннаго въ самомъ себѣ, любившаго предаваться въ одиночествѣ богомыслію, созерцанію таинственнаго духовнаго міра. Такое настроеніе, дѣйствительно, сродняло Филарета съ мистицизмомъ, и его лучшими представителями, отличавшимися высокими, истинно-христіанскими духовными стремленіями. Что же касается ложныхъ теоретическихъ основъ мистицизма, въ которыхъ онъ расходился съ православною церковію,—именно мистическаго пантеизма съ примѣсью дуализма, отрицанія значенія вѣроисповѣдныхъ разностей, обрядовъ,—признанія нравственнаго ученія существеннымъ въ религіи и т. п.,—то Филаретъ, конечно, и не думалъ ими увлекаться. Но не такъ посмотрѣлъ Ѳеофилактъ на первые проповѣднические труды іером. Филарета. Онъ весьма недовѣрчиво отнесся къ нимъ, заподозрѣвъ въ нихъ именно крайнія мистическія тенденціи. Сначала онъ это подозрѣніе хранилъ при себѣ, но потомъ былъ вынужденъ высказать его открыто, предъ другими. Въ первый разъ Ѳеофилактъ высказалъ открыто это подозрѣніе въ Троицынъ день (18-го іюня 1811 г.). Въ этотъ день Филаретъ долженъ былъ говорить, по назначенію митроп. Амвросія, проповѣдь въ Александро-Невскомъ монастырѣ на тему „о дѣйствіяхъ Св. Духа“. Явившись къ литургіи въ лаврскій соборъ и войдя въ

---

[1]) „Истор. русск. словесн.“, Галаховъ, стр. 453—458.

алтарь, іером. Филаретъ встрѣтился здѣсь съ Ѳеофилактомъ, который, узнавши, что Филаретъ будетъ проповѣдывать въ тотъ день, попросилъ у него приготовленную имъ проповѣдь для ознакомленія. Тотъ далъ. Ѳеофилактъ началъ читать; тогда же въ душѣ его, вѣрно, явилось подозрѣніе насчетъ мистическаго духа и направленія данной проповѣди, но, не высказавъ тотчасъ своего подозрѣнія, онъ, молча, отдалъ Филарету проповѣдь. Въ свое время проповѣдь была произнесена. Послѣ литургіи жившіе въ лаврѣ, участвовавшіе въ служеніи и нѣкоторые изъ свѣтскихъ лицъ приглашены были къ митроп. Амвросію на обѣдъ. За обѣдомъ А. Ѳ. Лабзинъ (мистикъ) въ разговорѣ съ кѣмъ-то привелъ въ подтвержденіе какихъ-то своихъ словъ мѣсто изъ слышанной имъ въ тотъ день проповѣди Филарета. Увидѣвъ, что самые ярые приверженцы мистицизма нашли въ проповѣди Филарета выраженіе и подтвержденіе своихъ тенденцій, Ѳеофилактъ сразу же пришелъ къ той мысли, что таившееся въ его душѣ подозрѣніе было истиной. И вотъ послѣ этого онъ открыто рѣшается заявить свой протестъ противъ проблесковъ мистицизма въ проповѣди Филарета. Онъ прямо говоритъ Лабзину, что слышанная имъ проповѣдь Филарета отзывается духомъ мистическаго пантеизма. По этому поводу загорѣлся у него съ Лабзинымъ споръ, прекратившійся только по усиленному настоянію митр. Амвросія [1]). Конечно, Ѳеофилактъ былъ не правъ въ томъ, что такъ строго и подозрительно отнесся къ молодому проповѣднику: указанная проповѣдь Филарета не заключала въ себѣ ничего пантеистическаго. За то высказанный Ѳеофилактомъ въ данномъ случаѣ смѣлый и открытый протестъ про-

---

[1]) Мы передали данный фактъ на основаніи разсказа о немъ самого митроп. Филарета (см. „Изъ воспомин. мит. Филарета“. Прав. Обозр. 1868 г. 26 т., ст. 513), придавши ему только иное освѣщеніе, по нашему мнѣнію, болѣе истинное.

тивъ мистицизма вообще дѣлаетъ ему, безъ сомнѣнія, великую честь. Вѣрный себѣ, онъ воспользовался удобнымъ случаемъ высказаться прямо о всегдашнемъ своемъ нерасположеніи къ мистицизму, несмотря на ясное сознаніе имъ того, что подобнымъ поступкомъ онъ наноситъ ущербъ выгодамъ собственнаго общественнаго положенія. И дѣйствительно, въ данномъ случаѣ Ѳеофилактъ не себѣ, а Филарету только принесъ пользу. Этотъ поступокъ только усилилъ сочувствіе и вниманіе къ іером. Филарету со стороны кн. Голицына, митроп. Амвросія, Лабзина и др. Кн. Голицынъ, прочтя присланную митр. Амвросіемъ проповѣдь Филарета, заявилъ въ Синодѣ, что ее надо напечатать, какъ замѣчательную по духу и изложенію [1]). Затѣмъ онъ просилъ митрополита назначать Филарету проповѣдь на каждый праздникъ, и самъ постоянно началъ посѣщать по праздникамъ лавру вмѣстѣ съ Лабзинымъ и другими лицами, какъ, напр.,—статсъ-секрет. А. Н. Олениным̀ъ, директоромъ Департамента духовн. дѣлъ А. И. Тургеневымъ, дипломатомъ Стурдзой и др. [2]). Онъ же рекомендовалъ Филарета Императору Александру I и выхлопоталъ ему 30 іюня 1811 г. наперсный крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями, „за отличіе въ проповѣданіи Слова Божія“. Вскорѣ за тѣмъ іером. Филаретъ былъ произведенъ въ архимандриты. Такъ быстро возвышался тотъ, которому пришлось играть не малую роль въ послѣдней судьбѣ Ѳеофилакта.

Чтобы выяснить значеніе быстраго возвышенія Филарета въ столицѣ для судьбы Ѳеофилакта, мы здѣсь кратко охарактеризуемъ доселѣ бывшія взаимныя отношенія между указанными знаменитыми личностями. Впервые Ѳеофилактъ и Филаретъ встрѣтились въ 1809 г. Первый находился

---

[1]) Н. Сушковъ, цит. соч., стр. 24—25. Рус. Вѣст. 1868 г. 74 т., стр. 503.

[2]) „Труды Кіев. дух. Акад.“ 1868 г., апрѣль, стр. 130—131. Статья С. Пономарева: „Высокопреосв. Филаретъ, митр. Москов. и Колом.“

тогда на верху славы и величія, а второй въ санѣ іеродіакона только начиналъ скромную свою дѣятельность въ качествѣ вызваннаго по рекомендаціи митр. Амвросія изъ Троицкой семинаріи академическаго баккалавра и преподавателя Петербургской семинаріи. Встрѣча ихъ была довольно замѣчательная. Вотъ какъ самъ Филаретъ разсказываетъ о ней. „Вскорѣ послѣ того, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, ректоръ (Академіи) Евграфъ повезъ меня къ Ѳеофилакту. Тотъ спросилъ, чему я учился. Я отвѣчалъ: философіи. Онъ вздумалъ сдѣлать мнѣ экзаменъ, спросилъ: что есть истина? Я, знакомый только со старыми вольфіанскими и лейбницевыми понятіями философскими, отвѣчалъ: истина логическая есть то-то, истина метафизическая—то-то. Ѳеофилактъ не удовольствовался, спросилъ: что есть истина вообще? Я затруднялся, не зная, что отвѣчать. Спасибо ректору: онъ вывелъ меня изъ замѣшательства шуткою. „На этотъ вопросъ, сказалъ онъ Ѳеофилакту, не далъ отвѣта и Христосъ Спаситель“. Вопросы Ѳеофилакта перешли къ языкамъ. Узнавъ о знакомствѣ моемъ съ языками древними — еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, онъ рекомендовалъ непремѣнно учиться и какому-нибудь изъ новыхъ, а въ особенности французскому, увѣряя, что на немъ пишутъ или на немъ переводятъ все примѣчательное въ наукѣ“. Какъ видно изъ этого разсказа, іерод. Филаретъ оскорбился подобнымъ пріемомъ со стороны Ѳеофилакта. Но едва ли послѣдній имѣлъ цѣлью сдѣлать Филарету оскорбительный и унизительный для него экзаменъ. Намъ представляется этотъ первый оказанный Ѳеофилактомъ Филарету пріемъ такъ. Ѳеофилактъ увидѣлъ предъ собой молодого преподавателя Троицкой семинаріи, вызваннаго для баккалаврства въ Академію и отрекомендованнаго С.-Петербургскимъ митр. Амвросіемъ и Московскимъ митрополитомъ за отличнаго проповѣдника и весьма способнаго человѣка. Ѳеофилакту, по свойственной ему пытливости и любознательности, захотѣлось лично познакомиться

съ дѣйствительными способностями, умственнымъ развитіемъ и направленіемъ этого молодого рекомендованнаго учителя. И вотъ, безъ всякихъ насмѣшекъ, унизительныхъ замѣчаній, не давая чувствовать Филарету своего желанія освѣдомиться объ его познаніяхъ, Ѳеофилактъ началъ разговоръ съ нимъ вполнѣ естественнымъ вопросомъ: „чему учился“? При этомъ, такъ какъ у него было всегда въ обычаѣ озадачивать новичка неожиданнымъ вопросомъ [1]), то и въ данномъ случаѣ онъ предложилъ Филарету подобный вопросъ; рѣчь зашла о философіи: „что есть истина“? Узнавши, что философскія познанія Филарета не велики, Ѳеофилактъ далъ ему совѣтъ познакомиться и позаняться изученіемъ новыхъ языковъ для обогащенія себя свѣдѣніями изъ иностранныхъ литературъ. Уже этотъ благой совѣтъ доказываетъ, что Ѳеофилактъ отнюдь не задавался цѣлію унизить и оскорбить своимъ пріемомъ молодого баккалавра. Да и въ послѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ Ѳеофилактъ не имѣлъ, кажется, намѣренія выказывать къ Филарету нерасположеніе по какому-либо личному раздраженію. За это говоритъ, напр., слѣдующій фактъ, передаваемый самимъ Филаретомъ. Когда преосв. Ѳеофилакъ, уже послѣ своей опалы, жилъ въ Рязанской епархіи, Филаретъ послалъ ему свою только что вышедшую церковно-библейскую исторію. И вотъ Ѳеофилактъ въ своемъ отвѣтномъ къ Филарету любезномъ письмѣ выразился такъ: „между учеными могутъ быть несогласія и споры, но ссоръ не должно быть“ [2]). Въ приведенныхъ сейчасъ словахъ Ѳеофилакта можно видѣть истинную разгадку тѣхъ, дѣйствительно лишенныхъ взаимнаго расположенія, отношеній, въ какихъ стали между собою Ѳеофилактъ и Филаретъ. Оба эти замѣчательные русскіе іерарха не ссорились между собою изъ-за личныхъ причинъ, а просто не

---

[1]) Русск. Вѣстн. 1868 г. 74 т., стр. 500.

[2]) Прав. Обозр. 1868 г. 26 т., стр. 517: „Изъ восп. м. Филарета“.

сошлись изъ-за разности въ направленіи и духовномъ настроеніи. Ѳеофилактъ дѣйствительно не особенно благоволилъ къ Филарету, но именно потому только, намъ кажется, что ему не понравилось умственное направленіе Филарета; ясно обнаружившееся при описанномъ уже ихъ первомъ разговорѣ. Послѣднею именно причиною, кажется, и объясняется то, что Ѳеофилактъ (имѣвшій тогда большое вліяніе въ „Комиссіи“) не позаботился устроить іером. Филарета въ С.-Петербургской Академіи сразу же по вызовѣ его изъ Москвы. Извѣстно, что только 8-го февраля 1810 г. [1]), Филаретъ назначенъ былъ преподавателемъ въ духовную Академію, до этого же времени онъ только считался баккалавромъ Академіи, будучи на службѣ собственно въ Петербургской семинаріи (въ должности инспектора); между тѣмъ какъ вызванный съ нимъ одновременно (въ началѣ 1809 г.) калужскій семинарскій преподаватель—Леонидъ Зарѣцкій—былъ сразу же назначенъ въ Академію помощникомъ Ѳеофилакта въ профессорскихъ занятіяхъ по классу словесныхъ наукъ. Конечно, Ѳеофилактъ былъ съ своей точки зрѣнія въ данномъ случаѣ правъ: „Комиссія“ ему предоставила право выбрать себѣ помощникомъ по каѳедрѣ словесныхъ наукъ, кого бы онъ ни пожелалъ [2]), онъ и выбралъ Зарѣцкаго, котораго хорошо зналъ по Калужской семинаріи и который дѣйствительно заявилъ себя даже въ Академіи даровитымъ проповѣдникомъ. [3]) Но съ нашей точки зрѣнія Ѳеофилактъ былъ не правъ въ такомъ предпочтеніи Зарѣцкаго Филарету; онъ несправедливо оцѣнилъ такого великаго и талантливаго человѣка, какимъ былъ Филаретъ; мы уже видѣли, какъ строго и подозрительно онъ отнесся къ первымъ проповѣдямъ Филарета.

---

[1]) Труды Кіев. дух. Акад. 1868 г., апрѣль, стр. 126.

[2]) „Истор. С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистов., стр. 182.

[3]) Ibid., стр. 251.

Само собою разумѣется, и Филаретъ не могъ быть расположеннымъ къ Ѳеофилакту. Въ разговорѣ съ близкими онъ никогда не скрывалъ своего нерасположенія къ Ѳеофилакту, обнаруживая его въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ; онъ ставилъ, напр., Ѳеофилакту въ упрекъ его свѣтское направленіе, относя къ свѣтскости его то, что онъ въ проповѣдяхъ касался политическихъ предметовъ и въ обществѣ говорилъ по-французски [1]). За то въ отношеніи къ митр. Амвросію Филаретъ обнаруживалъ полное расположеніе, такъ какъ митр. Амвросій дѣйствительно отнесся къ нему благосклонно и внимательно, сразу же по пріѣздѣ его изъ Москвы. Онъ сталъ правою рукою митр. Амвросія, помогая ему во всѣхъ дѣлахъ; между прочимъ, онъ поддерживалъ митр. Амвросія въ его столкновеніяхъ съ Ѳеофилактомъ, желая возстановить его авторитетъ въ Синодѣ и вообще въ Петербургѣ. Запрещеніе Ѳеофилакту проповѣдывать въ Петербургѣ, послѣдовавшее отъ имени митр. Амвросія въ 1811 г., было однимъ изъ первыхъ дѣйствій Филарета, направленныхъ противъ Ѳеофилакта въ защиту авторитета митр. Амвросія. Дѣло было такъ. Яко-бы Ѳеофилактъ въ одной изъ своихъ проповѣдей 1811 г. представилъ преклоннаго старца, обремененнаго дѣлами, вмѣсто котораго управляетъ молодой человѣкъ по своей волѣ, прикрываясь авторитетомъ старца, которымъ онъ успѣлъ совершенно овладѣть. Весь Петербургъ яко-бы увидѣлъ здѣсь намекъ на митрополита и баккалавра Филарета. Преосв. Амвросію крайне было досадно, но онъ не зналъ, какъ заградить уста Ѳеофилакту. Здѣсь-то и помогъ ему Филаретъ. По совѣту его, во время засѣданія въ Синодѣ митр. Амвросій раскрылъ Кормчую и, молча положивъ ее предъ Ѳеофилактомъ, указалъ пальцемъ на слѣдующее мѣсто: „да не будетъ позволено епископу во

---

[1]) Правосл. Обозр. 1868 г. 26 т., стр. 512.

иномъ градѣ, не принадлежащемъ ему, всенародно учить, аще ли же кто усмотрѣнъ будетъ творящимъ сіе, да предстанетъ отъ епископства и да совершаетъ дѣла пресвитерства“ (120 прав. VI Всел. соб.). Ѳеофилактъ не могъ ничего возразить противъ такого запрещенія, и съ тѣхъ поръ не проповѣдывалъ въ Петербургѣ [1]).

Но Ѳеофилактъ, повидимому, не примѣчалъ, что противъ него дѣйствуетъ Филаретъ, именно въ видахъ защиты митр. Амвросія, а если и замѣчалъ, то былъ слишкомъ увѣренъ въ своей силѣ и прочности своего положенія и не допускалъ мысли, чтобы на той высотѣ, на какой онъ стоялъ, могъ повредить ему молодой, начинающій монахъ. Ѳеофилактъ, не обращая вниманія на то, что онъ уже потерялъ симпатію къ себѣ Сперанскаго и Голицына, продолжалъ властно дѣйствовать въ „Комиссіи“ и въ Академіи. Онъ постоянно былъ занятъ заботами по устроенію духовно-учебныхъ заведеній. Такъ, напр., въ 1811 г. онъ составилъ инструкціи для духовныхъ училищъ, имѣющія цѣлію ввести во всѣхъ этихъ заведеніяхъ однообразіе преподаванія. Эти инструкціи были напечатаны и разосланы „Комиссіею“ во всѣ училища и семинарскія правленія С.-Петербургскаго округа [2]). 25 февраля того-же года Ѳеофилактъ внесъ въ „Комиссію“ замѣчанія на нѣкоторые параграфы начертанія правилъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ: именно по поводу оставленія малоуспѣвшихъ учениковъ въ училищахъ на повторительные курсы и объ обязательномъ записываніи всѣхъ священнослужительскихъ дѣтей извѣстнаго училищнаго округа въ вѣдомство ихъ приходскихъ училищъ съ 6-ти лѣтняго возраста. „Комиссія“ признала эти замѣчанія Ѳеофилакта уважительными и постановила поднесть ихъ къ

---

[1]) Рус. Вѣст. 1868 г. 74 т., стр. 493.

[2]) Ж. К. Д. У. 14 февраля 1811 г., ст. 2; 1812 г., ст. 7, „Рук. дѣят. духов. просв.“, стр. 55.

Высочайшему утвержденію [1]). Того же числа „Комиссія приняла и другое предложеніе Ѳеофилакта: перевесть на русскій языкъ „Сравнительную исторію философскихъ системъ“ де-Жерандо и сдѣлать ее учебной книгой для Академіи, вмѣсто Бруккеровой философ. исторіи. Самъ Ѳеофилактъ, „по усердію своему къ общей пользѣ“, принялъ на себя переводъ третьяго тома означенной исторіи; переводъ же двухъ другихъ томовъ, по его предложенію, „Комиссія“ рѣшила поручить московскому митр. Платону и казанскому архіепископу Павлу [2]).

Но такое властное и авторитетное положеніе Ѳеофилакта въ „Комиссіи“ продолжалось не долго. Паденіе его приближалось. Предвѣстникомъ его былъ уже слѣдующій случай. Въ мартѣ 1812 г. въ С.-Петербургской Академіи открылась ректорская вакансія, такъ какъ бывшій до этого времени ректоръ архим. Сергій былъ назначенъ епископомъ въ Кострому. Ѳеофилактъ предложилъ въ качествѣ кандидата на эту вакансію своего помощника по каѳедрѣ словесныхъ наукъ—Леонида Зарѣцкаго, какъ старшаго по академической службѣ и имѣвшаго уже званіе исправляющаго должность профессора, а митр. Амвросій предложилъ избрать Филарета. „Комиссія“ утвердила избраніе Филарета, а Леониду въ утѣшеніе присвоила профессорское званіе съ штатнымъ окладомъ. Леониду даже не предложили вакантнаго тогда мѣста—ректора семинаріи, которое бы дало ему благопріятный выходъ изъ его неловкаго положенія [3]). Такое невниманіе „Комиссіи“ къ Леониду должно было быть чувствительнымъ и для Ѳеофилакта. Послѣдній увидѣлъ, что его голосъ началъ терять свое авторитетное значеніе. Впрочемъ, эта неудача была, такъ сказать, только косвенною не-

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 56 и 57.

[2]) Ж. К. Д. У. 25 февр. 1811 г., стр. 42; ibid., стр. 56.

[3]) „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 61.

пріятностію для Ѳеофилакта. И послѣ этого, по крайней мѣрѣ, повидимому, Ѳеофилактъ еще прочно стоялъ на занятой имъ позиціи. Онъ даже былъ удостоенъ еще Высочайшей награды. Такъ, 30 августа 1812 г. [1]) Ѳеофилактъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго,—такую награду, которая въ то время для 47-ми лѣтняго монаха могла быть названа необыкновенной.

Начало прямого и дѣйствительнаго паденія Ѳеофилакта относится уже къ концу 1812 г. Виновникомъ его былъ, кажется, кн. Голицынъ. Около этого времени кн. Голицынъ сталъ особенно увлекаться религіознымъ мистицизмомъ; онъ попалъ въ руки тайкомъ пробравшихся къ намъ агентовъ Англійскаго Библейскаго общества, ставши слѣпымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ. „Князя Голицына, говоритъ современникъ этихъ событій Александръ Ск. Стурдза, обступили многорѣчивые защитники безусловнаго распространенія слова Божія на всѣхъ языкахъ, мимо всякаго надзора и съ устраненіемъ вообще всѣхъ толкованій на божественный текстъ. Шумѣли, увѣряли, что въ идеѣ Библейскаго Общества—новое изліяніе Св. Духа на всякую плоть, что съ помощію одной книги можно будетъ христіанству исторгнуть обветшалыя пелены, обойтись безъ церкви и достигнуть соединенія въ духѣ истины“ [2]). Какъ человѣкъ направленія, кн. Голицынъ, въ эту пору особенно усиленнаго своего увлеченія религіознымъ мистицизмомъ, если, съ одной стороны, сталъ особенно расположеннымъ къ тѣмъ, которые подходили къ его тогдашнему душевному настроенію, то, съ другой—сталъ чувствовать особую непріязнь къ тѣмъ, которые расходились съ нимъ въ симпатіяхъ къ мистицизму. Отсюда, напр., къ архим. Филарету онъ все это время сталъ особенно благо-

---

[1]) „Рус. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 272.

[2]) „Рус. Старина“, 1876 г., т. XV, стр. 272.

волить. Князь даже очень желалъ стать духовнымъ сыномъ своего друга, но мудрый другъ не согласился быть его духовникомъ: короткость ихъ отношеній и нѣкоторая зависимость одного отъ другого были, безъ сомнѣнія, главной причиной его отказа [1]). За то въ отношеніи къ Ѳеофилакту князь сталъ заявлять себя совсѣмъ наоборотъ. Зная нерасположеніе Ѳеофилакта къ мистицизму, его неблаговоленіе къ направленію проповѣдей Филарета, да и къ самому Филарету; зная притомъ, что Ѳеофилактъ въ ту эпоху живого пробужденія національнаго сознанія и нерасположенія ко всему иностранному оставался поклонникомъ французскаго образованія, князь не только пересталъ быть его другомъ (какимъ онъ пересталъ быть еще послѣ исторіи съ Фесслеромъ), но, кажется, и сдѣлался главнымъ его гонителемъ. Но Голицынъ не могъ сразу низвести Ѳеофилакта съ высоты занимаемаго имъ положенія. Послѣдній не сдѣлалъ ничего такого, чѣмъ можно было бы воспользоваться для прямого нападенія на него; напротивъ, его многоплодная и энергичная дѣятельность какъ въ Св. Синодѣ, такъ и въ Академіи невольно должна была вызвать къ себѣ уваженіе, хотя бы со стороны самого же Голицына. Отсюда противъ него нужно было дѣйствовать косвеннымъ и постепеннымъ путемъ. Сначала нужно было благороднымъ образомъ временно удалить его изъ Петербурга, чтобы оттѣснить отъ дѣлъ Св. Синода и Академіи, а затѣмъ уже, по достиженіи этого, можно было его удалить и навсегда изъ Петербурга. Такъ кн. Голицынъ, кажется, и дѣйствовалъ.

Послѣ выступленія изъ Москвы войскъ Наполеона въ сентябрѣ 1812 г., для Синода явилась очень важная забота по приведенію въ порядокъ разоренныхъ непріятелемъ епархій. Кромѣ Москвы разоренію отъ непріятелей подверглась длинная и широкая полоса земли на западъ по пути слѣдо-

---

[1]) Труды Кіев. дух. Акад. 1868 г., апрѣль, стр. 135.

ванія непріятельской арміи до самой границы. Комиссія духовныхъ училищъ, „будучи движима усердіемъ къ общему благу и состраданіемъ къ бѣдствіямъ, понесеннымъ чрезъ вторженіе врага въ предѣлы нашего отечества, постановила: на воспособленіе духовенству и возстановленіе церквей, монастырей, духовныхъ школъ и архіерейскихъ домовъ отдѣлить 3,500,000 р., предоставивъ эту сумму въ полное и совершенное вѣдѣніе Св. Синода“ [1]). Вслѣдствіе такого постановленія Комиссіи, Св. Синодъ счелъ необходимымъ послать въ разоренныя епархіи одного изъ своихъ членовъ, съ цѣлію надлежащаго разслѣдованія дѣйствительнаго ихъ положенія и надѣленія ихъ пожертвованными деньгами. Вотъ этою-то, возникшею для Синода, необходимостію кн. Голицынъ воспользовался для того, чтобы благороднымъ образомъ удалить Ѳеофилакта на время изъ Петербурга. Именно онъ, вѣрно, указалъ Св. Синоду и Государю на Ѳеофилакта, какъ на лицо, вполнѣ подходящее для выполненія указаннаго порученія. Благодаря ему, конечно, Ѳеофилактъ получилъ 27 ноября 1812 г. слѣдующій лестный для себя Высочайшій рескриптъ: „По изгнаніи врага изъ предѣловъ Смоленской губерніи,—сказано было въ томъ рескриптѣ—Я поспѣшилъ возстановить богослуженіе и возвратить церквамъ пастырей. Находя нужнымъ употребить къ тому члена Св. Синода, призываю на дѣло сіе Ваше Преосвященство. *Извѣстная мнѣ опытность ваша и дѣятельность по управленію епархіей, вамъ ввѣренной, подаетъ надежду въ успѣшномъ выполненіи возложеннаго нынѣ порученія.* Вы отправитесь немедленно въ Смоленскъ, гдѣ употребите всѣ возможныя усилія къ приведенію епархіи по всѣмъ ея частямъ въ надлежащее устройство, требуя къ тому содѣйствія и отъ мѣстнаго архіерея. На дорогу и содержаніе

---

[1]) Ж. К. Д. У. 5 ноября, 1812 г.; „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 63.

ваше получите изъ моего кабинета 5 тысячъ рублей, о чемъ и дано уже кому слѣдуетъ повелѣніе. Вашею обязанностію будетъ еженедѣльно доносить Синоду какъ о дѣйствіяхъ вашихъ, такъ и о нужныхъ вамъ пособіяхъ къ приведенію епархіи Смоленской въ должный порядокъ. По мѣрѣ того, какъ могутъ быть очищаемы отъ непріятеля и другія мѣста, оной сопредѣльныя, вы будете распространять на тѣ части ваше вліяніе на правѣ дѣлаемой вамъ довѣренности. Св. Синодъ не оставитъ, съ своей стороны, дать мѣстнымъ начальствамъ надлежащія по сему предписанія. Молю Бога, да ниспошлетъ вамъ силы скоро устроить все къ славѣ имени Его, къ пользѣ служителей Алтаря, къ обрадованію сыновъ православной церкви". Въ Высочайшемъ указѣ Св. Синоду отъ того же числа сказано было, между прочимъ: „Св. Синодъ не оставитъ предписать мѣстнымъ начальствамъ, чтобы всѣ *приказанія преосв. Θеофилакта были приводимы въ исполненіе на тотъ разъ, какъ бы самыя предписанія Синода*" [1]). Повидимому, такое лестное, полное Монаршаго довѣрія и вниманія, порученіе должно было только служить къ вящшей славѣ Θеофилакта,—но на дѣлѣ, благодаря Голицыну, оно послужило только къ началу его дѣйствительнаго паденія. Это даже признаетъ и нерасположенный къ нему современникъ покойный митр. московскій Филаретъ. По словамъ Филарета, полученное Θеофилактомъ отъ Комиссіи назначеніе въ командировку для обозрѣнія разоренныхъ въ 1812 г. епархій было именно началомъ его паденія [2]). Мы не можемъ съ увѣренностію сказать, что самъ Θеофилактъ, когда только получилъ такое порученіе, сознавалъ, что оно служитъ къ его паденію, но несомнѣнно, что подъ конецъ выполненія даннаго порученія онъ долженъ былъ сознать

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.", стр. 63—64.

[2]) Прав. Обозр. 1868 г., 26 т., стр. 517.

это. Какъ бы то ни было, впрочемъ, но Ѳеофилакту все-таки пришлось выѣхать изъ Петербурга въ назначенную командировку въ началѣ декабря 1812 г. [1]).

Въ силу Высочайшаго указа онъ долженъ былъ направить путь свой сначала въ Смоленскую епархію. Въ Смоленскѣ въ это время не было ни архіерея, ни губернатора. Тамошній архіерей Ириней Фальковскій еще 5 августа выѣхалъ изъ города съ чудотворною иконою Божіей Матери, и съ того времена до декабря духовенство не сообщалось съ нимъ, по незнанію его мѣстонахожденія. Ѳеофилактъ отправился въ Смоленскую епархію чрезъ Торжокъ, и 10 декабря прибылъ въ г. Сычевку. Здѣсь имъ сдѣланы были первыя распоряженія о пособіи духовенству. „Здѣсь же", доносилъ онъ Голицыну 11 декабря, „услышалъ я, что преос. Смоленскій чрезъ Тверь проѣхалъ на г. Ржевъ, Тверской губ., а отсюда пробирается на г. Бѣлый своей паствы, который, какъ говорятъ, совершенно уцѣлѣлъ отъ вторженія непріятельскаго. Чрезъ попутчика далъ я ему знать, чтобъ онъ непремѣнно повидался со мною, и именно въ г. Вязьмѣ. Впрочемъ, я недолго пробуду въ г. Вязьмѣ и поспѣшу въ Смоленскъ. Гражданскіе чиновники неохотно собираются въ Смоленскъ подъ предлогомъ, что отъ разоренія мало тамъ осталось домовъ, способныхъ для жительства. Поэтому-то и преосв. Смоленскій разъѣзжаетъ по границамъ своей паствы. При свиданіи не оставлю поставить ему на видъ, что начальникъ не долженъ находиться вдали отъ страждущихъ подчиненныхъ [2]). 12 декабря Ѳеофилактъ прибылъ въ Вязьму и, сдѣлавъ распоряженіе о пособіи, 16-го послалъ донести Св. Синоду и того же числа писалъ къ кн. Голицыну: „Сегодня оба мы съ преосв. Смоленскимъ

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.", стр. 65.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв.", стр. 66—67.

отправляемся въ Смоленскъ, только разными путями: я ѣду чрезъ Ельну на почтовыхъ, а онъ опять на Бѣлый на протяжныхъ. Четыре дня пробыли мы въ Вязьмѣ и другъ друга не видали. П. Н. Каверинъ (Калужскій губернаторъ, въ то время управлявшій и Смоленской губ.) пытался увидѣться съ нимъ и не допущенъ подъ предлогомъ дорожнаго утружденія. Авось сойдусь съ нимъ въ Смоленскѣ, гдѣ намѣреваюсь церемоніально встрѣтить чудотворный образъ Смоленскія Богоматери, хранящійся теперь въ г. Бѣломъ". Въ томъ же письмѣ Ѳеофилактъ сообщаетъ кн. Голицыну о претерпѣваемыхъ имъ въ Вязьмѣ неудобствахъ въ отношеніи помѣщенія. „Я, писалъ онъ, какъ кратковременный житель, опять очутился среди болящихъ. Въ занимаемомъ мною домѣ на дняхъ умерла женщина; вскорѣ за выѣздомъ моимъ отсюда долженъ умереть и хозяинъ дома по увѣренію врача". Такія же неудобства Ѳеофилактъ претерпѣвалъ и въ Смоленскѣ, куда онъ прибылъ 19 декабря. Весь городъ, по его словамъ, обращенъ былъ въ госпиталь. Пострадавшихъ въ Смоленской епархіи и церквей и духовныхъ лицъ было столько, что Ѳеофилактъ никакъ не могъ удовлетвориться при распредѣленіи пособій выданною ему суммой. А выдано ему было „Комиссіею" на обзаведеніе священно-церковнослужителей и учителей духовныхъ училищъ только 10 тысячъ рублей, съ предоставленіемъ еще, впрочемъ, права кредитоваться въ казенныхъ палатахъ тѣхъ губерній, которыя заняты были непріятелемъ, до 5 тысячъ рублей [1]). Отсюда Ѳеофилактъ долженъ былъ отыскивать другіе источники для пособій, и при всемъ томъ онъ вынужденъ былъ назначать пособія въ такихъ ограниченныхъ размѣрахъ, что самъ Синодъ предписалъ ему удвоивать и утроивать назначаемыя имъ выдачи.

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.", стр. 68 и 65.

Отмѣчая незначительность суммы, отпущенной въ распоряженіе Ѳеофилакта для пособій духовенству и церквамъ разоренныхъ епархій, мы имѣли въ виду тѣмъ опровергнуть возводимое на Ѳеофилакта Ростиславовымъ обвиненіе, что яко бы онъ не могъ представить „Комиссіи“ отчета въ громадной части суммы, которую ему поручено было раздать духовенству и церквамъ. „Различно объясняли это, иронически замѣчаетъ Ростиславовъ [1]): одни говорили, что онъ потерялъ деньги, другіе, что ихъ укралъ у него келейникъ, третьи, разумѣется, враги его, что онъ ихъ истратилъ на самого себя. Честность Ѳеофилакта подверглась сильному подозрѣнію“. Но, какъ мы видѣли, „огромной“ суммы преосв. Ѳеофилактъ въ своихъ рукахъ не имѣлъ: 10—15 тысячъ нельзя назвать огромной суммой, въ сравненіи съ числомъ лицъ пострадавшихъ и съ ихъ неотложными нуждами. Точно также несправедливо и взводимое Ростиславовымъ на Ѳеофилакта обвиненіе въ томъ, яко бы онъ во время описываемой командировки очень негуманно поступилъ съ Могилевскимъ архіереемъ, Варлаамомъ Шимацкимъ, совершивъ надъ послѣднимъ публичную церемонію снятія епископскаго сана. „Пріѣхавши въ Могилевъ, передаетъ объ этомъ г. Ростиславовъ, и остановившись въ домѣ архіерея, Ѳеофилактъ увѣрилъ послѣдняго въ томъ, что ему нечего опасаться за свой поступокъ, и убѣдилъ его отслужить въ ближайшій, воскресный или праздничный, день обѣдню. Несчастный согласился на это и пришелъ съ обыкновенною торжественностію въ соборъ. Но когда его облачили и нужно было приступить къ богослуженію, тогда Ѳеофилактъ передалъ синодскій указъ протодіакону, который съ амвона и прочиталъ его. Послѣ этого тотчасъ архіерея разоблачили, надѣвши монашескую рясу на него. По разсказу моихъ могилевскихъ

---

[1]) См. его „Записки“ въ Рус. Стар. 1895 г., мартъ, стр. 107.

товарищей по Академіи, бывшій владыка простоялъ всю обѣдню, опершись руками на трость, съ поникшей головой и въ слезахъ,—потомъ отведенъ былъ въ какой-то монастырь, куда и зачисленъ, какъ простой монахъ. Поступивши такимъ образомъ со своимъ возлюбленнымъ братомъ о Христѣ, Ѳеофилактъ, разумѣется, не могъ опасаться никакихъ за это преслѣдованій; поступокъ былъ вполнѣ въ тогдашнемъ, такъ сказать, вкусѣ“ [1]).

Но въ дѣйствительности дѣло Варлаама далеко не такъ происходило, какъ передаетъ г. Ростиславовъ. Ѳеофилактъ не былъ ни судьею его, ни исполнителемъ состоявшагося о немъ приговора Св. Синода. Участіе его въ дѣлѣ Варлаама выразилось только въ томъ, что онъ, въ силу постановленія Св. Синода отъ 24 декабря 1812 г., объявилъ Варлааму 29 декабря того же года въ Могилевѣ Высочайшій указъ объ устраненіи его отъ каѳедры и произвелъ о дѣлѣ его слѣдствіе. Какъ выяснилось изъ произведеннаго Ѳеофилактомъ слѣдствія, проступокъ Варлаама состоялъ въ томъ, что 14 іюля 1812 г., „побывавъ напередъ съ консисторскими членами у маршала Даву, отправился въ каѳедральный Іосифовскій соборъ, и тамъ со всѣми консисторскими членами, секретаремъ, канцелярскими служителями и со всѣмъ народомъ учинилъ присягу по слѣдующей формѣ: я, нижеименованный, клянусь Всемогущимъ Богомъ въ томъ, что установленному правительству отъ Его Императорскаго Величества, Французскаго Императора и Италійскаго Короля, Наполеона имѣю быть вѣрнымъ, и всѣ повелѣнія его исполнять и дабы исполняемы были стараться буду; послѣ чего отслужилъ литургію и молебенъ, съ воспоминаніемъ Наполеона и супруги его; 3 августа, въ день тезоименитства Наполеона, Варлаамъ снова служилъ въ соборѣ литургію и

---

[1]) „Русск. Старина“, 1895 г., мартъ, стр. 106—107.

молебенъ; на литургіи соборный священникъ Піючевскій произнесъ составленную Варлаамомъ проповѣдь, въ которой о Наполеонѣ говорилось: „на комъ болѣе дѣйствуетъ Всевышній Промыслъ, какъ не на великомъ Наполеонѣ? Его чрезвычайны подвиги велики, дѣла пресловуты; событія дальновидныхъ его намѣреній приводятъ въ удивленіе всю вселенную“ [1]). Изложивъ все это въ донесеніи Св. Синоду, Ѳеофилактъ писалъ къ кн. Голицыну отъ 2 января 1813 г. „Патріотическая и преданная Государю душа Вашего Сіятельства содрогнется при чтеніи препровождаемыхъ при семъ бумагъ. Я очень доволенъ самимъ собою, что поспѣшилъ пріѣздомъ въ Могилевъ, безъ чего Высочайшая воля осталась бы въ половину только выполненною, и на сіе не требовалось бы весьма много времени. Врасплохъ забратыя бумаги обнаружили все, и немало хитростей было употребляемо, чтобъ выманить ихъ изъ моей канцеляріи“ [2]). Такая умѣлая, успѣшная, энергичная дѣятельность Ѳеофилакта, повидимому, нашла для себя вполнѣ милостивую оцѣнку со стороны кн. Голицына. Послѣдній письмомъ отъ 4 февраля выразилъ Ѳеофилакту благодарность въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. „Я не могу иначе начать моего письма, какъ изъявленіемъ истинной признательности за всѣ Ваши благоразумныя распоряженія по возложенной комиссіи. Духовенство разоренныхъ епархій, послѣ всѣхъ несчастій, испытанныхъ отъ варварскаго оружія непріятеля, должно считать себя счастливымъ, имѣя въ Васъ прозорливаго попечителя. Самъ Богъ да дастъ Вамъ по достоинству. Я уповаю на благость Его, что Онъ сохранитъ Ваше здоровье и даруетъ Вамъ силы на перенесеніе предлежащихъ трудовъ. Продол-

---

[1]) Записки игумена Ореста о г. Могилевѣ, помѣщенныя въ прил. ко второму тому „Археогр. сборн. документовъ, относящихся къ исторіи сѣв.-зап. Руси“. Вильна, 1867 г., стр. 89—96.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 72.

жайте, преосв. Владыко, успокоивать страждущее человѣчество, наипаче не щадите денегъ. Св. Синодъ сверхъ требуемаго Вами количества призналъ нужнымъ нѣсколько прибавить, какъ Вы усмотрите изъ посылаемаго нынѣ же указа“ [1]). Къ Пасхѣ (1813 г.) Голицынъ постарался даже выхлопотать Ѳеофилакту бриллiантовый крестъ на клобукъ [2]). Но такіе внѣшніе знаки милостиваго вниманія кн. Голицына къ Ѳеофилакту далеко не свидѣтельствовали о дѣйствительномъ, искреннемъ расположеніи князя къ нему въ описываемое время. Вотъ, напр., первое доказательство этому. Когда Ѳеофилактъ, закончивши съ успѣхомъ всѣ свои дѣла и порученія по устроенію назначенныхъ ему для ревизіи епархій—Смоленской, Могилевской, Минской и Волынской, началъ проситься въ Петербургъ, то Голицынъ безъ всякаго основанія долго не внималъ его просьбамъ. 31 марта Ѳеофилактъ написалъ письмо къ Голицыну, въ которомъ убѣдительнѣйше просилъ отпустить его, указывая на то, что онъ успѣлъ закончить всѣ свои дѣла, и что, кажется, нѣтъ причинъ держать его въ Смоленскѣ долѣе Ѳоминой недѣли. Однакожъ князь Голицынъ продержалъ его въ Смоленскѣ весь апрѣль. Ясно, что кн. Голицынъ для какихъ-то заднихъ цѣлей хотѣлъ подольше продержать Ѳеофилакта внѣ Петербурга. Но вотъ, наконецъ, ему въ маѣ разрѣшили пріѣхать въ Петербургъ. И что же? Его приняли холодно: квартиру свою въ Академіи онъ нашелъ занятою, и потому долженъ былъ отправиться на Калужское подворье; въ Академіи уже водворилось вліяніе ея ректора Филарета и митр. Амвросія [3]). Вотъ тогда-то, вѣрно, стало ясно для Ѳеофилакта, зачѣмъ его Голицынъ постарался отправить въ описанную коман-

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 74.

[2]) Ibid., стр. 77.

[3]) Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 511—512, „Изъ прошлаго“. Срав. Прав. Обозр. 1868 г., 26 т., стр. 517; „Изъ восп. м. Филарета“.

дировку. Впрочемъ, онъ не потерялъ энергіи и не убоялся направляемыхъ противъ него происковъ: съ прежнею ревностію онъ тотчасъ же по пріѣздѣ принялся за дѣла. Пріѣхавъ въ Петербургъ 19-го мая (1813 г.), онъ уже 28-го участвовалъ въ засѣданіи Св. Синода, въ которомъ подписалъ исполнительное постановленіе объ архіепископѣ Варлаамѣ [1]). По Высочайше утвержденному докладу Св. Синода было постановлено лишить Варлаама архіерейства и священства, оставивъ его только въ монашескомъ чинѣ. Исполненіе этого приговора было поручено черниговскому арх. Михаилу; при чемъ была указана и форма обряда, который ему подлежало соблюсти. Въ указѣ преосв. Михаилу было сказано, что „когда архіепископъ Варлаамъ доставленъ къ нему будетъ, въ то время, по сношенію съ гражданскимъ губернаторомъ назнача день, собрать въ каѳедральный соборъ монастырскихъ настоятелей и градское духовенство, а потомъ, введя въ оный его, архіепископа, въ полномъ облаченіи и поставя посреди церкви, объявить прочтеніемъ чрезъ консисторскаго секретаря Высочайше конфирмованный докладъ, а по объявленіи, снявъ съ него чрезъ ключаря съ протодіакономъ все архіерейское облаченіе съ знаками ордена св. Анны 1-ой ст. и возложа приличное монаху одѣяніе, обязать подпискою, чтобы онъ отнынѣ впредь не токмо архіереемъ, но ниже іеромонахомъ не именовался и не писался". Распоряженіе это архіеп. Михаилъ привелъ въ исполненіе 29-го іюня 1813 г. [2]). Ростиславовъ, очевидно, не правъ, приписывая именно Ѳеофилакту исполненіе означеннаго синодальнаго приговора 6-го іюня.

Ѳеофилактъ внесъ въ „Комиссію дух. учил." составленный имъ, по ея порученію, проектъ штата для церковныхъ причтовъ, въ которомъ рельефно выставилъ неудобства пред-

---

[1]) „Замѣтка" А. Гаврилова на „записки Д. И. Ростислав." Странникъ 1895 г., августъ, стр. 452.

[2]) „Странникъ", 1895 г., августъ, стр. 452—453.

ложеннаго Комитетомъ 1807 г. распредѣленія церквей на классы на основаніи получаемаго духовенствомъ денежнаго дохода и предложилъ сдѣлать это распредѣленіе сообразно нуждамъ и пользѣ епархіальнаго управленія; проектъ былъ принятъ и утвержденъ „Комиссіей“ [1]).

Но участь Ѳеофилакта уже была рѣшена. Недоброжелатели его, воспользовавшись однимъ обстоятельствомъ изъ его профессорской дѣятельности въ Академіи, готовили ему въ это время большую непріятность. Сущность дѣла состояла въ слѣдующемъ. Еще въ началѣ своей профессорской дѣятельности въ духовной Академіи Ѳеофилактъ поручилъ студентамъ: Павскому, Кутневичу, Малову и др. перевесть на русскій языкъ нѣкоторыя статьи изъ вышедшаго въ то время (1809 г.) въ Германіи сочиненія Ансильона, подъ названіемъ: Melanges de litterature et de philosophie. Въ этомъ случаѣ онъ руководился исключительно искреннимъ желаніемъ познакомить студентовъ съ лучшими идеями современныхъ мыслителей объ изящномъ [2]). Соединивъ переведенныя статьи въ одну рукопись, подъ названіемъ—„Эстетическія разсужденія Ансильона“, Ѳеофилактъ въ ноябрѣ 1810 г. представилъ ее въ „Комиссію духов. училищъ“, для изданія ея въ видѣ пособія студентамъ по классу словесныхъ наукъ. „Я ручаюсь, писалъ онъ въ своемъ предложеніи Комиссіи, не токмо за вѣрность перевода, но и за то, что изданіе въ свѣтъ сихъ превосходныхъ и единственныхъ въ своемъ родѣ разсужденій не малую принесетъ пользу обучающимся словесности въ высшихъ духовныхъ училищахъ“ [3]). Комиссія, въ силу постановленнаго ею правила, „дабы всякое сочиненіе членовъ комиссіи или переводъ собственно ими, или подъ ихъ руководствомъ сдѣланный, былъ раз-

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 77—78.

[2]) Вѣстн. Европы. 1873 г. 12 кн., стр. 613—614.

[3]) Христ. Чт. 1871 г., 2 ч., стр. 994—995; 2-ое примѣч.

сматриваемъ однимъ изъ членовъ по ея назначенію", поручила разсмотрѣніе „Эстетическихъ разсужденій Ансильона" члену своему, протопресвитеру Криницкому [1]).

Но Криницкій скоро убѣдился въ томъ, что данное ему „Комиссіей" порученіе поставило его между двухъ огней. Онъ увидѣлъ, что и кн. Голицынъ, и митр Амвросій, и Филаретъ, нашедши въ переводѣ „Эстетическихъ разсужденій" нѣчто не дозволительное, рѣшились протестовать противъ допущенія этого перевода къ печати. Присоединиться къ ихъ мнѣнію, т. е. дать отзывъ о неблагонадежности перевода—значило бы набросить тѣнь на личность Ѳеофилакта и унизить его профессорское достоинство, а этого Криницкій не хотѣлъ и не расположенъ былъ дѣлать;—съ другой стороны, дать отзывъ въ пользу перевода—значило бы вооружить противъ себя и кн. Голицына, и митр. Амвросія и Филарета, что, конечно, также не было желательно для Криницкаго. Отсюда Криницкій медлилъ исполненіемъ порученія, не давая въ теченіе двухъ лѣтъ никакого отзыва о переводѣ Ансильона. Ѳеофилактъ, конечно, понялъ, что Криницкій медлилъ не по своему произволу; онъ видѣлъ, откуда идутъ препятствія. Но оставить въ силу какихъ-то препятствій безъ всякихъ результатовъ свой, раздѣленный со студентами, дорогой трудъ, предать забвенію первый научный плодъ новой Академіи—значило бы унизить свое профессорское достоинство, значило бы добровольно принять на себя обвиненіе въ неблагонадежности и либерализмѣ. Посему Ѳеофилактъ рѣшился по крайней мѣрѣ съ честію выдти изъ своего затруднительнаго положенія. Онъ взялъ обратно у Криницкаго свой переводъ, чѣмъ и снялъ отвѣтственность предъ „Комиссіей"; вмѣстѣ съ тѣмъ, желая сохранить свое профессорское достоинство и увидѣть-таки свой переводъ въ

---

[1]) Ж. Д. К. У. 17 декабря, 1810 г.. стр. 40; „Рук. дѣят. дух. просв.", стр. 78.

печати, онъ передалъ его въ свѣтскую цензуру, которая, дѣйствительно, и разрѣшила ему печатаніе. Объ этомъ Ѳеофилактъ счелъ нужнымъ сообщить и „Комиссіи“. Въ іюлѣ 1813 г. онъ внесъ въ „Комисію“ слѣдующее заявленіе. „Долгое время не видя никакого отзыва насчетъ перевода Ансильона, я словесно просилъ отца духовника (протопресвитера Криницкаго) отдать его мнѣ обратно, въ чемъ онъ меня и удовлетворилъ. Поелику же переведенная книга, по содержанію своему, не подлежитъ разсмотрѣнію духовной цензуры для изданія оной въ свѣтъ, да и предлагаема была мною не для того, чтобы получить дозволеніе напечатать ее, но чтобы ввести ее въ высшія духовныя училища въ родѣ книги вспомогательной: то я подвергъ переводъ Ансильона разсмотрѣнію гражданской цензуры, съ дозволенія коей нынѣ уже напечатается“ [1]). Такое заявленіе, повидимому, вызвало за собою благопріятныя для Ѳеофилакта послѣдствія: Криницкій, доселѣ молчавшій, послѣ означеннаго заявленія Ѳеофилакта, словесно началъ располагать „Комиссію“ къ измѣненію взгляда на переводъ и къ дозволенію изданія послѣдняго. Казалось, такимъ образомъ, что Ѳеофилактъ долженъ былъ избѣжать угрожавшей ему непріятности и съ честію выдти изъ своего затруднительнаго положенія. Но на дѣлѣ, какъ видно изъ дальнѣйшаго хода обстоятельствъ, вышло совсѣмъ плохо для него.

Напечатаніе перевода съ разрѣшенія свѣтской цензуры не только не спасло Ѳеофилакта отъ униженія его профессорскаго достоинства, но явилось даже роковою причиною его паденія. „Разыгралось, говоритъ проф. Чистовичъ, страшное дѣло, вызванное затаенною местію Ѳеофилакту и унизившее его безпощадно до крайней степени. Ректоръ Академіи, архм. Филаретъ, основавшись на томъ, что

---

[1]) „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 78.

на заглавномъ листѣ книги она названа переводомъ студентовъ С.-Петербургской духов. Академіи [1]), написалъ на нее пространныя замѣчанія и, не выступая своимъ лицомъ, просилъ митр. Амвросія дать ходъ этому дѣлу отъ своего имени и лица. Когда все было подготовлено, митр. Амвросій 24 сентября 1813 г. далъ предложеніе Академическому Правленію, которымъ поручалъ: ректору представить свои замѣчанія на эту книгу съ мнѣніемъ, слѣдуетъ ли ее употреблять на лекціяхъ, отъ Леонида (Зарѣцкаго) взять показаніе, съ чьего дозволенія и почему онъ приступилъ къ такому употребленію ея на лекціяхъ; отъ студентовъ (Павскаго, Кутневича, Малова и др.) отобрать объясненіе—по собственному или по постороннему какому-либо убѣжденію они упражнялись въ переводѣ этой книги; между тѣмъ отобрать ее у студентовъ и употребленіе въ классѣ воспретить“ [2]).

Уже такой совсѣмъ лишній, формально-канцелярскій способъ разбора дѣла свидѣтельствовалъ о томъ, что къ Ѳеофилакту несправедливо придирались: маловажное дѣло старались, такъ сказать, раздуть чуть ли не до преступленія. Но съ особенною ясностію о томъ же свидѣтельствовало заявленіе Филарета о невозможности допущенія перевода „Эстетическихъ разсужденій“ къ употребленію въ качествѣ учебнаго пособія для студентовъ Академіи, представленное Филаретомъ въ „Комиссію“ 4-го октября 1813 г. вмѣстѣ съ его критическими замѣчаніями на данный переводъ. Возьмемъ для примѣра тѣ два главныхъ положенія, которыя Филаретъ приводилъ противъ допущенія перевода

---

[1]) Полное заглавіе книги: „Эстетическія разсужденія г. Ансильона, члена Королевской Академіи наукъ въ Пруссіи. Переведена съ французскаго языка гг. студентами С.-Петерб. дух. Акад. въ пользу любителей прекраснаго и высокаго, подъ руководствомъ Синодальнаго члена преосв. Ѳеофилакта, архіеп. Рязанскаго“. СПБ. Въ типографіи Іоаннесова, 1813 г. Цензоръ И. Тимковъ.

[2]) „Руков. дѣят. дух. просв., стр. 78—79.

Ансильона въ число учебныхъ пособій для студентовъ Академіи. Во-первыхъ, Филаретъ ссылался на то, что „Эстетическія разсужденія“ не показаны въ спискѣ пособій по классу словесныхъ наукъ [1]). Противъ этого положенія Филарета мы скажемъ, во-первыхъ, что переводъ „Эстетическихъ разсужденій“ и не могъ быть указанъ въ спискѣ пособій по классу словесныхъ наукъ, такъ какъ онъ изданъ былъ уже послѣ того, какъ программа по указанному классу наукъ была составлена; во-вторыхъ, Филаретъ не обратилъ вниманія на то, что по проекту дух. академій „теорію эстетики должно почерпать изъ самыхъ лучшихъ ея источниковъ, а потому профессоръ сего класса долженъ показать студентамъ мнѣнія объ изящномъ первыхъ геніевъ въ семъ родѣ. Показаніе ихъ теорій должно быть почерпаемо изъ самыхъ источниковъ посредствомъ правильныхъ извлеченій, кои профессоръ долженъ раздѣлять съ студентами, заставляя ихъ самихъ упражняться въ сихъ извлеченіяхъ и такимъ образомъ знакомить ихъ съ самыми коренными началами сей науки“ [2]). Въ качествѣ второго основанія противъ допущенія перевода Ансильона къ употребленію въ Академіи Филаретъ выставилъ то, что онъ (переводъ) яко бы зараженъ пантеизмомъ, натурализмомъ и либерализмомъ вообще [3]). Но такое обвиненіе, взводимое Филаретомъ на переводъ Ансильона, было очевидною натяжкою: припомнимъ здѣсь, какъ и Ѳеофилактъ открывалъ пантеизмъ въ проповѣдяхъ Филарета.

Мы не станемъ входить въ разсмотрѣніе замѣчаній Филарета на книгу Ансильона. Насколько они были придирчивы, это яснѣе всего показываетъ отзывъ духовника П. В. Кри-

---

[1]) Христ. Чтен. 1871 г. 2 ч., стр. 996; 2-ое примѣч.

[2]) Проектъ уст. дух. академій „Исторія С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистовича, стр. 201.

[3]) Христ. Чт. 1871 г. 2 ч., стр. 996; 2-ое прим.

ницкаго и оберъ-священника И. С. Державина. Дѣло въ томъ, что когда м. Амвросій и кн. Голицынъ признали замѣчанія Филарета справедливыми и въ засѣданіи „Комиссіи“ отъ 11 октября (1813 г.), устранивъ Ѳеофилакта отъ совѣщаній по этому предмету, опредѣлили считать дѣйствія преосвященнаго „несообразными“, то съ ихъ опредѣленіемъ не согласились два другихъ упомянутыхъ члена, подавшіе отъ себя особыя мнѣнія [1]). Такъ, Криницкій писалъ: „критика должна быть проста и ясна: сего я въ замѣчаніяхъ ректора академіи архим. Филарета не нахожу; а напротивъ того, замѣчанія наполнены то вопросами, сомнѣнію подлежащими, то замѣчаніями софистическими, да и написаны въ противность § 5 проекта уст. дух. академій; о томъ, писать ли замѣчанія, или нѣтъ въ Комиссіи и разсуждаемо не было, и что еще дерзновеннѣе—помянутыя замѣчанія безъ разрѣшенія Комиссіи дух. учил. уже и напечатаны [2]) и даже продаются. Кто бы подумалъ, что учитель истинной богословіи позабылъ сіи святыя нашея вѣры предписанія: всякая душа властемъ предержащимъ да повинуется. Сколько такой примѣръ дурной, вредный и, что всего болѣе, опасный“! Державинъ, между тѣмъ, заявилъ, что „дать неоспоримую достовѣрность замѣчаніямъ о. ректора Академіи Филарета и основать заключеніе свое по единственному содержанію оныхъ, что книга сія заключаетъ въ себѣ пантеизмъ или натурализмъ, не отобравъ отъ издателя сея книги преосв. архіеп. Ѳеофилакта о точности разума выставленныхъ сомнительныхъ пунктовъ объясненія или опроверженія на сдѣланныя о. ректоромъ замѣчанія и безъ существеннѣйшаго, чрезъ сложеніе того и другого, изысканія истины, справедливымъ и съ законами согласнымъ онъ не находитъ“. „Я не могу не присовокупить—писалъ онъ въ заключеніе своего мнѣнія,—что

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 79—80.

[2]) Замѣчанія напечатаны были въ количествѣ 600 экземп. „Русск. Старина“, 1883 г., т. 38, стр. 47—49.

замѣчанія о. ректора академіи Филарета извлечены во многихъ мѣстахъ изъ однихъ словъ безъ соображенія съ связію полнаго смысла, и вообще слабы и неудовлетворительны“ [1]).

Сопоставляя такую малоосновательность критики Филарета на переводъ Ансильона съ его общепризнаннымъ геніальнымъ умомъ и высоконравственнымъ характеромъ, мы должны признать, что этотъ знаменитый святитель дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ противъ Ѳеофилакта не по своей волѣ; онъ могъ такъ поступать только подъ давленіемъ какого-нибудь сильнаго и вліятельнаго для него лица. Мы не ошибемся, кажется, если признаемъ, что такимъ лицомъ былъ именно князь Голицынъ. Только сильный по власти Голицынъ, намѣтившій Ѳеофилакту окончательное паденіе, могъ повліять на Филарета такъ, что онъ рѣшился стать дѣятельнымъ орудіемъ въ исполненіи подобныхъ замысловъ противъ Ѳеофилакта. Это видно уже изъ того вліятельнаго и рѣшающаго значенія, какое имѣлъ голосъ Голицына въ „Комиссіи“ при обсужденіи даннаго дѣла. Мы видѣли, что въ засѣданіи „Комиссій“ отъ 11-го окт. (1813 г.), при обсужденіи дѣла, о переводѣ произошло несогласіе во мнѣніяхъ членовъ: Криницкій и Державинъ были за Ѳеофилакта, а м. Амвросій и Голицынъ противъ. При такомъ равенствѣ голосовъ, повидимому, еще могъ бы быть благопріятный для преосвященнаго исходъ дѣла. Повидимому, Криницкій и Державинъ могли свободно отстаивать свои мнѣнія. Но на дѣлѣ вышло иначе, и именно потому, что противъ Ѳеофилакта былъ враждебно настроенъ могущественный Голицынъ. Криницкій и Державинъ, зная о могуществѣ оберъ-прокурора, не могли съ успѣхомъ ему сопротивляться. Они, напр., настаивали на томъ, чтобы приняты были въ уваженіе представленныя преосвященнымъ „опроверженія“ на критику Филарета, но безъ успѣха: Голицынъ постарался

---

[1]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 80.

испросить Высочайшее повелѣніе, чтобы не допускать къ напечатанію и обсужденію „опроверженія“ обвиняемаго [1]). Мало того, въ довершеніе всего онъ испросилъ Высочайшій указъ, повелѣвавшій Ѳеофилакту отправиться въ свою епархію впредь до особаго распоряженія. Высочайшій указъ подписанъ государемъ 11-го ноября; 2-го декабря оберъ-прокуроръ доносилъ объ этомъ Синоду, а въ половинѣ того же мѣсяца униженный знаменитый іерархъ отправился въ свою епархію [2]). Такъ печально и даже безславно закончилась блестящая нѣкогда петербургская дѣятельность Ѳеофилакта.

Вотъ какъ, говоритъ о Голицынѣ, главномъ виновникѣ паденія Ѳеофилакта, его современникъ Вигель [3]). „Странно было видѣть смирнаго человѣка, сдѣлавшагося жестокимъ гонителемъ за вопросы, которыхъ онъ не умѣлъ ни объяснять, ни даже понимать. А между тѣмъ знаменитѣйшія жертвы падали подъ ударами его. Амвросій, продолжаетъ Вигель, болѣе 20-ти лѣтъ митр. С.-Петербургскій и первенствующій членъ Синода, умѣлъ соединять уступчивость придворнаго человѣка съ достоинствами верховнаго пастыря церкви. Терпѣніе его истощилось, когда онъ увидѣлъ неисчислимыя раны, наносимыя господствующей вѣрѣ, и онъ началъ слегка противодѣйствовать совращеніямъ. Маститая старость его послужила Голицыну предлогомъ къ его удаленію. Для него отдѣлена Новгородская епархія, онъ сосланъ туда и, удрученный лѣтами, вскорѣ угасъ тамъ въ горести. На его мѣсто призванъ былъ архіеп. черниг. Михаилъ, извѣстный своею кротостью.“ Въ числѣ другихъ жертвъ гоненія Голицына, Вигель ясно разумѣлъ и Ѳеофилакта. Изъ историковъ, Богдановичъ [4]), М. Я. Морошкинъ [5]) также

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 80.

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1813 г. № 760; ст. ibid., стр. 81.

[3]) Его записки: ч. VI, глава 3, стр. 36. Изд. Рус. Архива.

[4]) „Ист. царствованія Импер. Александра I-го“. Богдановичъ, т. 6, стр. 89—390, 1871 г.

[5]) „Іезуиты въ Россіи“, Морошкинъ, ч. 2, стр. 30.

характеризуютъ Голицына, какъ человѣка, при добротѣ своей обнаруживавшаго крайнюю нетерпимость къ людямъ, не раздѣлявшимъ его мнѣній.

Впрочемъ, мы не претендуемъ на истинную разгадку причинъ враждебнаго нерасположенія Голицына къ Θеофилакту. Для насъ достаточно было показать, что, благодаря именно Голицыну, Θеофилактъ долженъ былъ сойти съ поприща столичной общецерковной дѣятельности въ сферу провинціальную, болѣе или менѣе удаленную отъ центра политической и церковной русской жизни. Такою сферою для него была сначала Рязань, а затѣмъ Грузія.

Четвертый (послѣдній) періодъ жизни и дѣятельности Ѳеофилакта Русанова (съ конца 1813 до 1821 г. г.).

Дѣятельность Ѳеофилакта въ Рязани послѣ опалы (т. е. съ конца 1813 г.) въ связи съ дѣятельностію его здѣсь до опалы. Забота его о семинаріи. Отношеніе его къ рязанской паствѣ вообще. Назначеніе его экзархомъ въ Грузію. Заботы Ѳеофилакта объ образованіи грузинскаго духовенства. Устроеніе имъ церковнаго управленія въ Грузіи. Миссіонерская дѣятельность Ѳеофилакта. Его душевное настроеніе и самочувствіе во все время пребыванія его въ Грузіи до самой смерти. Обстоятельства, при которыхъ произошла его кончина.

Рязанская епархія считаетъ себя счастливою, созерцая въ спискѣ своихъ архипастырей имя преосв. Ѳеофилакта Русанова. Она и до сихъ поръ сохраняетъ живую память объ этомъ просвѣщенномъ и дѣятельномъ своемъ архипастырѣ. И дѣйствительно, Ѳеофилактъ вполнѣ заслуживаетъ такой памяти со стороны Рязанской епархіи: его просвѣщенная и плодотворная дѣятельность составила, можно сказать, цѣлую эпоху въ жизни этой епархіи.

Ѳеофилактъ еще съ марта мѣсяца 1807 г. занималъ эту каѳедру, хотя, какъ членъ Св. Синода, Комиссіи дух. училищъ и вмѣстѣ профессоръ Академіи, жилъ преимущественно въ Петербургѣ. Послѣ своей опалы (именно съ конца 1813 г.) онъ только съ большимъ усердіемъ продолжалъ въ Рязани то, что уже начато было имъ въ ней прежде, до опалы. Просвѣщенная дѣятельность его въ Рязанской епархіи главнымъ образомъ направлялась къ поднятію

умственнаго и нравственнаго уровня тамошняго духовенства. Ѳеофилактъ желалъ сдѣлать рязанское духовенство по крайней мѣрѣ неотсталымъ сословіемъ. Отсюда предметъ особенныхъ его заботъ въ Рязани такъ же, какъ и въ Калугѣ, была семинарія. Онъ сразу по своемъ назначеніи на Рязанскую каѳедру, еще живя въ Петербургѣ, обратилъ свой участливый взоръ на незавидное положеніе здѣшней семинаріи и энергично принялся за ея улучшеніе. До него семинарія не имѣла даже порядочнаго помѣщенія. Зданіе ея, по словамъ Р—вова, состояло изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ избъ и представляло изъ себя нѣчто въ родѣ деревни. Воспитанники жили въ грязныхъ и душныхъ конурахъ, гдѣ на ряду съ классною мебелью помѣщались рукомойники и лохани [1]). Отсюда Ѳеофилактъ счелъ первымъ долгомъ своимъ позаботиться о построеніи для помѣщенія семинаріи, вмѣсто прежнихъ деревянныхъ ветхихъ избъ, одного обширнаго каменнаго корпуса [2]). Попытки устроить новое помѣщеніе для семинаріи Рязанской были и до Ѳеофилакта, но онѣ не имѣли успѣха. Такъ, еще преосв. рязанскій Симонъ въ 1784 г. ходатайствовалъ предъ Св. Синодомъ о построеніи каменной семинаріи, но ходатайство его было оставлено безъ удовлетворенія: синодскимъ указомъ (отъ 28 марта 1784 г.) предписано было „семинарію оставить нынѣшнюю безъ поврежденія до построенія новой на другомъ мѣстѣ“ [3]).

Благодаря своей энергіи и администраторскому таланту, онъ скоро достигъ того, въ чемъ не успѣлъ его предшественникъ. Прежде всего, онъ съумѣлъ исходатайствовать чрезъ князя Голицына у императора Александра 1-го разрѣшеніе на уступку въ пользу рязанской семинаріи навсегда

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1873 г. кн. 11, стр. 147—148.

[2]) „Истор. Рязанской дух. семинаріи“ (1724—1840 г.) Дмитрія Агицева; стр. 180—161, ср. 55. Рязань. 1887 г.

[3]) Ibid., стр. 54.

мѣста, которое она занимала съ 1753 г. Затѣмъ, онъ позаботился о планѣ для новаго корпуса, выхлопоталъ чрезъ „Комиссію дух. училищ.“ на постройку 80,000 руб., предполагая недостающую сумму восполнить остатками отъ семинарской экономіи и заимствованіемъ 20,000 руб. у Николорадовицкаго монастыря. Наконецъ, въ видахъ успѣшнаго начатія постройки онъ испросилъ въ 1811 г. Высочайшее разрѣшеніе отправиться на три мѣсяца въ Рязань [1]). По пріѣздѣ своемъ въ Рязань (это былъ, кажется, первый пріѣздъ), Ѳеофилактъ немедленно составилъ „строевую комиссію“ и заключилъ съ подрядчикомъ контрактъ, такъ что 22-го мая 1812 г. началась кипучая дѣятельность по постройкѣ. Въ теченіе всего времени постройки онъ обнаруживалъ самое живѣйшее участіе и энергію. Онъ требовалъ, чтобъ строевая комиссія ничего не дѣлала безъ его разрѣшенія; предписалъ доносить ему о постройкѣ чаще и непремѣнно за подписью всѣхъ членовъ; требовалъ аккуратности и строгой отчетливости въ расходахъ; указывалъ средства къ тому, чтобы поскорѣе окончить постройку въ виду близкой реформы семинаріи и т. п. Благодаря такой энергичной заботливости Ѳеофилакта, работа шла такъ успѣшно, что въ концѣ іюля можно было приступить къ покрытію корпуса, и только неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства, вызванныя военными дѣйствіями 1812 г., задержали успѣхъ постройки. Послѣ опалы, живя въ Рязани уже постоянно, Ѳеофилактъ съ гораздо большимъ вниманіемъ могъ относиться къ дѣлу устроенія семинаріи. Въ 1814 г. онъ исходатайствовалъ чрезъ „Комиссію духов. училищъ“ еще 51,710 руб. и обязалъ подрячика Ѳирсова отдѣлать нижній этажъ къ концу августа 1814 г., а всѣ прочія работы непремѣнно окончить къ 1-му сентября [2]).

---

[1]) Цитов. соч. Агнцева, стр. 161.

[2]) Цитов. соч. Агнцева, стр. 163.

Преобразовывая семинарію съ внѣшней стороны, Ѳеофилактъ обращалъ вниманіе и на внутреннюю сторону ея жизни, именно на ея умственное, воспитательнное и экономическое состояніе. Умственное состояніе, въ которомъ Ѳеофилактъ нашелъ рязанскую семинарію, было очень низко и непривлекательно: оно представляло смѣсь схоластики и суевѣрія. Въ Рязани, по словамъ г. Р—вова, до послѣдняго времени сохранился характеристическій разсказъ объ одномъ изъ тогдашнихъ преподавателей—Иринеѣ, какъ о волшебникѣ. Вотъ какъ передаетъ этотъ разсказъ Ростиславовъ: „Однажды, во время прогулки Иринея съ учениками за рѣчкою Трубежомъ, зашла рѣчь о драконахъ со многими головами и многими парами крыльевъ. Нѣкоторые изъ либераловъ начали говорить, что драконовъ никогда и не существовало. Въ это время вся компанія подошла къ песчаному берегу Трубежа. Иринеи концомъ своей трости нарисовалъ на пескѣ дракона съ нѣсколькими головами и прочими его принадлежностями, потомъ наполнилъ свой ротъ водою, вспрыснулъ начерченную фигуру, которая тотчасъ же оживилась, и ужасный драконъ со всѣми своими головами и крыльями явился предъ испуганными учениками. Старецъ, обратившись къ либераламъ, сказалъ: „ну, вотъ вы говорили, что драконовъ никогда не было; видите, что они и теперь есть“. Такъ какъ чудовище начало обнаруживать непріязненныя намѣренія, то Иринеи еще вспрыснулъ его водой, и драконъ исчезъ“ [1]). Поводомъ къ подобнымъ нелѣпымъ легендамъ объ Иринеѣ послужило его пристрастіе къ естественнымъ наукамъ. Отсюда уже можно составить понятіе объ общемъ умственномъ уровнѣ рязанскихъ семинаристовъ и ихъ преподавателей. Естественно, Ѳеофилакту предстояло употребить немало стараній, чтобы сколько возможно выше поднять умственный уровень семинаріи. Въ

[1]) „Вѣстн. Евр.“ 1873 г. кн. 11., ст. 249.

этомъ отношеніи Ѳеофилактъ слѣдовалъ стопамъ одного изъ ближайшихъ своихъ предшественниковъ по рязанской каѳедрѣ—преосв. Симону. Ѳеофилактъ, еще до преобразованія рязанской семинаріи въ 1814—15 гг. заботился, напр., объ обязательномъ изученіи богословами и философами новыхъ языковъ и о лучшей постановкѣ всѣхъ общеобразовательныхъ предметовъ [1]), хотя по результатамъ этихъ заботъ Ѳеофилактъ далеко оставлялъ за собою преосв. Симона. Только при Ѳеофилактѣ успѣшно начали преподавать въ данной семинаріи, напр., географію и исторію. При преосв. Симонѣ эти предметы „сколько возможно въ краткости“ преподавались ученикамъ высшаго класса. Руководствами по нимъ были съ 1785 г. учебники, изданные для народныхъ училищъ. Но Ѳеофилактъ сразу подвинулъ впередъ преподаваніе этихъ предметовъ. Въ 1811 г. онъ прислалъ учителямъ исторіи и географіи двѣ инструкціи и назначилъ руководствомъ по исторіи—Шрекка. Послѣ этого успѣхи учениковъ по географіи и особенно по исторіи были сравнительно съ прежними гораздо лучше [2]). Философія до Ѳеофилакта изучалась въ Рязанской семинаріи по старинному учебнику Баумейстера, при немъ же она начала изучаться по болѣе новымъ сочиненіямъ—Jacobi Bruckeri и Laertii. При немъ же начались преподаваться успѣшнѣе прежняго древніе языки [3]). Еще больше Ѳеофилактъ обращалъ вниманія на учебную часть Рязанской семинаріи послѣ своей опалы. Въ 1814—15 г.г. онъ принималъ живѣйшее участіе въ реформѣ учебной части семинаріи, начавшейся въ силу предписанія „Комиссіи дух. училищъ“ отъ 19 августа 1814 г. [4]). 16-го сентября 1814 г. правленіе докладывало преосв. Ѳео-

---

[1]) Цитов. соч. Агнцева, стр. 120—121.

[2]) Ibid., стр. 129.

[3]) Цит. соч. Агнцева, стр. 116—118.

[4]) Цит. соч. Агнцева, стр. 163.

филакту, что „для преобразованія семинаріи по новому плану необходимо произвести экзаменъ всѣмъ ученикамъ семинаріи отъ философскаго до синтаксическаго класса и сдѣлать разборъ между ними по разрядамъ“. Ѳеофилактъ утвердилъ докладъ и, между прочимъ, самъ экзаменовалъ желавшихъ поступить въ риторику. „По разборѣ учениковъ“, въ присутствіи самого преосвященнаго, 1-го октября 1814 г. былъ совершенъ молебенъ, и затѣмъ началось ученіе въ преобразованной семинаріи [1]).

Не ускользала отъ внимательнаго взора Ѳеофилакта также и нравственно-воспитательная сторона учебнаго дѣла въ Рязанской семинаріи. Ѳеофилактъ засталъ далеко не высокій уровень нравственности рязанскихъ семинаристовъ: послѣдніе проявляли, напр., сильную наклонность къ употребленію спиртныхъ напитковъ, устраивали часто грубые дебоши, участвовали въ кулачныхъ бояхъ, которые тогда были въ обычаѣ, выманывали, похищали вещи, деньги другъ у друга и у постороннихъ лицъ и т. п. [2]). Равно и сами воспитатели—начальствующіе и учащіе—не стояли на высотѣ своего призванія. Отношенія ихъ къ ученикамъ нерѣдко были суровыя и даже жестокія. Наказанія семинаристовъ за пороки и проступки носили почти исключительно характеръ карательный, а не исправительный. Вотъ, напр., какія суровыя наказанія упоминаются въ оффиціальныхъ документахъ Рязанской семинаріи до временъ Ѳеофилакта: заключеніе въ уединенное мѣсто, иногда съ запираніемъ на цѣпи, сѣченіе лозами и даже нещадное наказаніе плетьми подъ звонкомъ при собраніи всѣхъ учениковъ въ страхъ другимъ, отправленіе въ желѣзахъ подъ конвоемъ на черныя семинарскія болѣе тяжелыя работы, исключеніе изъ семинаріи „дѣтинъ непобѣдимой злобы“, даже публичное из-

---

[1]) Цит. соч. Агнцева, стр. 166.

[2]) Цит. соч. Агнцева, стр. 138—146.

гнаніе и, наконецъ, исключеніе изъ духовнаго сословія и отдача въ свѣтскую команду [1]). Не удивительно, что, при такой суровой дисциплинѣ, рязанскіе семинаристы часто дѣлали побѣги домой. Трудно и невыносимо было иному послѣ домашней свободной жизни попасть въ такую невеселую обстановку подъ надзоръ суроваго начальства... И вотъ, несмотря на всѣ ужасы впереди, бѣдственное школьническое положенія вынуждало семинаристовъ забывать эти ужасы и предпринимать для освобожденія себя весьма рискованныя средства. Такая постановка нравственно-воспитательной части въ Рязанской семинаріи не могла быть, конечно, по душѣ гуманному, образованному, преосвящ. Ѳеофилакту. Зная, отчасти изъ собственнаго опыта, отчасти изъ наблюденій надъ семинарской жизнію, какое важное значеніе для развитія въ ученикахъ добропорядочности имѣетъ благородное чувство сознанія собственнаго достоинства, Ѳеофилактъ самъ старался и начальству внушалъ воспитывать въ ученикахъ это благородное чувство. И нужно сказать, владыка успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи весьма много. Ученики высшихъ классовъ довольно ясно стали сознавать свое достоинство, какъ воспитанниковъ средняго учебнаго заведенія и притомъ людей взрослыхъ. Они очень стали дорожить мнѣніемъ о нихъ города, а потому оскорблялись порученіями, унижающими ихъ достоинство. Напр., самъ, любимый и уважаемый воспитанниками до высшей степени, Ѳеофилактъ однажды (въ 1816 г.) распорядился, чтобы семинаристы перенесли отъ столяра шкафы въ семинарскую библіотеку. Они отказались, считая это порученіе унизительнымъ для себя,—и только тогда согласились исполнить волю владыки, когда онъ лично явился сдѣлать имъ внушеніе за ослушаніе, и когда они увидѣли, насколько разгнѣвало его ихъ непо-

[1]) Ibid., стр. 146—147.

виновеніе [1]). Воспитывая подобныя благородныя чувства въ ученикахъ, Ѳеофилактъ старался внушать благородство и самому начальству. Онъ убѣждалъ начальство относиться къ семинаристамъ по мѣрѣ возможности гуманно, и самъ старался собственнымъ примѣромъ показать, насколько важно такое отношеніе въ дѣлѣ воспитанія. Будучи совершенно простъ въ обращеніи со всѣми, Ѳеофилактъ охотно сближался съ учащими и учащимися. Гуманно относясь къ первымъ, онъ былъ особенно привѣтливъ и благоснисходителенъ къ послѣднимъ, чѣмъ и пріобрѣлъ ихъ расположеніе и довѣріе. Ему извѣстны были подробности жизни какъ учениковъ, такъ и учителей; учениковъ почти всѣхъ онъ зналъ по именамъ и фамиліямъ, такъ какъ онъ часто посѣщалъ жилыя и классныя комнаты воспитанниковъ, бесѣдовалъ съ ними и руководилъ въ занятіяхъ. Особенно Ѳеофилактъ любилъ нечаянно являться въ семинарію, чтобы застать учениковъ не приготовленными къ его встрѣчѣ; но тутъ часто измѣнялъ ему находившійся на его клобукѣ брилліантовый крестъ, по блеску котораго ученики иногда издали усматривали идущаго къ нимъ владыку. Нерѣдко владыка самъ наблюдалъ за играми и развлеченіями учениковъ на семинарскомъ дворѣ и въ комнатахъ. По разсказу Ростиславова, Ѳеофилактъ особенно любилъ музыку и пѣніе; онъ часто приходилъ въ комнаты семинаристовъ для того, чтобы принять участіе въ ихъ музыкальныхъ развлеченіяхъ, и былъ настолько простъ, что заставлялъ ихъ играть и пѣть народныя пѣсни. „Однажды“, разсказываетъ Ростиславовъ, „онъ засталъ учениковъ послѣ ужина безъ дѣла, повидимому, унылыми, по крайней мѣрѣ не очень веселыми. „Что это у васъ“, спросилъ онъ, „такъ мертво, не весело? Отчего нѣтъ никакихъ инструментовъ? Вотъ бы теперь поиграли на нихъ и поразвеселѣли“.—„Да намъ запрещаетъ играть

[1]) Вѣстн. Европы, 1873 г., кн. 11, стр. 253.

на инструментахъ отецъ ректоръ",—отвѣчали ему. Разумѣется, на слѣдующій день послѣдовало разрѣшеніе. Чрезъ нѣсколько времени владыка, вновь пришедши въ семинарію, увидалъ на одномъ столѣ гусли. „Вотъ это хорошо, сказалъ онъ: ну, кто умѣетъ играть на нихъ, пусть поиграетъ".—„Да у насъ есть еще, ваше высокопреосвященство, и другіе инструменты",—сказали ученики. „Ну, такъ подавайте все и поиграйте", отвѣчалъ владыка. Тотчасъ же явились скрипка, флейта и пр. Начался концертъ. Семинаристы было затянули монотонныя церковныя мелодіи, но преосвященный, прослушавъ одну или двѣ пьесы, сказалъ: „Ну, да это хорошо въ великій постъ, сыграйте-ка что-нибудь повеселѣе". Тѣ догадались и заиграли русскія народныя пѣсни" [1]). Фактъ этотъ краснорѣчиво говоритъ о томъ, какія теплыя, искреннія отношенія были между преосвященнымъ и воспитанниками. Естественно, что при такомъ отношеніи самого архіерея къ семинаристамъ должны были существенно измѣниться къ лучшему и отношенія къ нимъ непосредственнаго начальства. Принципы суровой дисциплины были почти забыты. Отсюда и пороки учениковъ стали проявляться не въ такой грубой формѣ, какъ прежде, побѣги изъ семинаріи уменьшились значительно, особенно когда Ѳеофилактъ жилъ уже въ Рязани постоянно [2]).

Заслуживаетъ вниманія также заботливость Ѳеофилакта о внѣшнемъ, матеріальномъ положеніи рязанскихъ семинаристовъ. Ѳеофилактъ понималъ, что духовная дѣятельность человѣка можетъ быть тогда только здоровою и успѣшною, когда орудіе ея, тѣло, живетъ въ благопріятныхъ условіяхъ. Отсюда, и въ отношеніи къ семинаристамъ, онъ считалъ нужнымъ заботиться объ удовлетвореніи не только духовныхъ ихъ потребностей, но и тѣлесныхъ.

---

[1]) Вѣстн. Евр. 1873 г., 11 кн., стр. 250—252.

[2]) Цит. соч. Агнцева, стр. 145.

Онъ обращалъ вниманіе на пищу, одежду воспитанниковъ. Пища при немъ была хотя простая, но довольно разнообразная и готовилась въ достаточномъ количествѣ [1]). Особенную же участливость онъ проявлялъ въ отношеніи къ сиротамъ. Послѣднихъ онъ всегда старался, сколько возможно больше, принять на казенное содержаніе [2]). Являясь такимъ энергичнымъ, гуманнымъ и просвѣщеннымъ епархіальнымъ начальникомъ въ отношеніи къ семинаріи, Ѳеофилактъ былъ такимъ и для своей всей вообще рязанской паствы. Послѣ своей опалы онъ особенно сблизился съ своею паствой: и съ духовенствомъ, и съ великосвѣтскимъ обществомъ, и съ простымъ народомъ. Изъ духовенства особенно пользовались благосклонностію Ѳеофилакта умные и образованные; такихъ онъ часто приглашалъ къ себѣ, бесѣдовалъ съ ними, а главное, всегда ихъ назначалъ на болѣе важныя епархіальныя должности. Впрочемъ, его привѣтливое, нисколько не гордое обращеніе, быстрое и умное рѣшеніе дѣлъ, привлекали къ нему всѣхъ безъ исключенія [3]). Ѳеофилактъ любилъ бывать въ рязанскомъ обществѣ; особенно онъ радъ былъ встрѣтиться съ человѣкомъ разговорчивымъ и добросердечнымъ. „Съ многоглаголивыми и добросердечными люблю я проводить время“, писалъ Ѳеофилактъ кн. Голицыну 27 марта 1813 г. [4]). У него самого всегда по праздникамъ бывали многіе рязанскіе горожане. Оживленная бесѣда, которую всегда съ тактомъ могъ поддержать гостепріимный владыка, считалась лучшимъ времяпровожденіемъ для рязанскихъ горожанъ. „Какой бы вы были славный свѣтскій человѣкъ“,—говаривали ему шутя рязанскія свѣтскія дамы [5]).—

---

[1]) Цит. соч. Агнцева, стр. 336.

[2]) Ibid., стр. 168.

[3]) Вѣст. Евр. 1873 г., кн. 12, стр. 622, 605.

[4]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 76.

[5]) Въ дамскомъ обществѣ Ѳеофилактъ былъ особенно любезенъ, хотя безъ предосудительности. Самые злые его враги, старавшіеся очернить его и при

„Не думаю“,—отвѣчалъ обыкновенно Ѳеофилактъ, и при этомъ снималъ клобукъ и показывалъ свою лысую голову. Будучи человѣкомъ прямымъ, онъ не любилъ лести, не скрывалъ своихъ недостатковъ и частенько острилъ надъ своею неблагообразною наружностью, говоря: a rufo, calvo, bleso, Domine, miserere me,—т. е. Господи, помилуй меня отъ рыжаго, плѣшиваго и раскосаго (онъ дѣйствительно имѣлъ эти три недостатка)[1]). Не мало способствовали расположенію рязанцевъ къ любимому архіерею также его проповѣди, которыя онъ особенно часто произносилъ послѣ своей опалы[2]). Но недолго послѣ опалы пришлось Ѳеофилакту прожить съ своею любимою паствой: всего три года съ небольшимъ. Его великій умъ и администраторскія способности скоро оказались нужными для иной, болѣе широкой и видной епархіальной сферы, чѣмъ какою была Рязань. Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 26 февраля 1817 г. онъ былъ переведенъ въ Грузію экзархомъ, „яко извѣстный Синоду по своимъ способностямъ къ приведенію въ должный порядокъ относящагося вообще до управленія по духовной части сход-

---

жизни и послѣ смерти разнородными клеветами, не нападали на него съ этой стороны (Вѣстникъ Европы, 1873 г., 11 кн., страница 234).

[1]) Вѣстн. Европы. 1873 г., кн. 11, стр. 234.

[2]) Ibid., кн. 12, стр. 622. Къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности отыскать рязанскія проповѣди Ѳеофилакта, за исключеніемъ одной, сказанной имъ на случай перваго его прибытія въ Рязань въ 1811 г. на текстъ: „и азъ пришедъ къ вамъ, братіе, не по превосходному словеси или премудрости, возвѣщая вамъ свидѣтельство Божіе“ (1 Кор. 2, 1). Кромѣ того, мы имѣемъ указаніе на содержаніе проповѣди, сказанной Ѳеофилактомъ въ Рязани 3-го мая 1814 г. „по полученіи радостнѣйшихъ извѣстій о занятіи Парижа союзными войсками, о низложеніи Наполеона съ престола и обращеніи французскаго народа къ законному Государю“. Эту проповѣдь Ѳеофилактъ посылалъ, между прочимъ, кн. Голицыну, съ просьбой исходатайствовать у Св. Синода дозволеніе на изданіе ея въ свѣтъ. Но Св. Синодъ, найдя, что это слово якобы походитъ болѣе на собраніе нравственно-политическихъ мнѣній, а меньше на нравственно-духовное ученіе, не далъ разрѣшенія его напечатать и мало того—предписалъ чрезъ Голицына

ственно установленіямъ въ Россіи существующимъ“ [1]). По-видимому, такое полное вниманія и довѣрія назначеніе было для Ѳеофилакта повышеніемъ или, по крайней мѣрѣ, выраженіемъ возвращающейся къ нему прежней милости и расположенія со стороны столичной сферы. Но на самомъ дѣлѣ для него оно было, кажется, новымъ жестокимъ ударомъ, нанесеннымъ, конечно, рукою того же Голицына. Ѳеофилакта назначили, не спросивъ его согласія. Живя въ Рязани, онъ все-таки не терялъ надежды вернуться когда-нибудь въ С.-Петербургъ, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. И вотъ теперь разрушили и эту послѣднюю его надежду. Естественно, что съ болью сердечною онъ долженъ былъ смотрѣть на предстоящій ему путь. Состояніе его души особенно ясно обнаружилось при разставаніи его съ Рязанью. Будучи вообще человѣкомъ твердымъ и умѣющимъ скрывать свои чувства, онъ, когда прощался съ Рязанью, не выдержалъ и зарыдалъ; плакали и рязанцы, провожая его съ городской площади [2]). Какъ смотрѣлъ самъ преосв. Ѳеофилактъ на новое свое назначеніе и вообще на свое положеніе въ послѣднее время,—это видно изъ словъ, сказанныхъ имъ астраханскому архіеп. Гаію, на пути въ Грузію. Поклонившись преосв. Гаію въ ноги, онъ произнесъ: „Ты мой отецъ и пророкъ судьбы моей! Отецъ потому, что постригалъ меня въ монашество; пророкъ потому, что предсказалъ мнѣ санъ святительскій и *настоящее искушеніе*“ [3]). Впрочемъ, если лично для Ѳеофилакта назначеніе его экзархомъ Грузіи не

Ѳеофилакту, чтобы „онъ, преосвященный, въ поученіяхъ своихъ слѣдовалъ пастырскому своему долгу, наполняя оныя истинами, словомъ Божіимъ утвержденными, сообразно правиламъ, въ духовномъ регламентѣ о проповѣдничествѣ напечатаннымъ“ (см. „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 82—83).

[1]) Дѣло Архива Грузино-Имеретин. конторы за № 334. 1817 г.

[2]) Зап. Д. И. Ростиславова. „Русск. Старина“, 1895 г., мартъ, ст. 109.

[3]) Бантышъ-Каменскаго, „Словарь дост. л. рус. земли“. Спб. 1847 г., ст. 322.

было желательнымъ и радостнымъ событіемъ, то для русской церкви оно было какъ разъ кстати.

Русская церковь въ то время была очень озабочена устроеніемъ вошедшей только что въ составъ ея грузинской церкви. Какъ извѣстно, въ 1801 г. Грузія окончательно подчинилась Русскому престолу [1]). Съ этимъ присоединеніемъ и грузинская церковь естественно должна была подчиниться русскому Св. Синоду, сдѣлаться нераздѣльною вѣтвью русской церкви. Отсюда для Св. Синода являлась весьма важная забота—привить возможно скорѣе и удачнѣя новую вѣтвь къ древу русской церкви, чтобы дать ей возможность дѣйствительно жить съ нимъ общею и нераздѣльною жизнію. Конечно, при отдаленности грузинскаго края и его неустроенности во всѣхъ отношеніяхъ, Св. Синодъ могъ осуществить эту заботу только постепенно. Сначала нужно было измѣнить самый характеръ бывшаго дотолѣ управленія грузинской церкви. Во главѣ церковнаго управленія въ Грузіи стоялъ дотолѣ такъ называемый католикосъ. Во время присоединенія Грузіи къ Россіи, католикосомъ былъ Антоній II-ой, сынъ предпослѣдняго царя Карталиніи и Кахетіи Ираклія, числившійся членомъ Св. Синода [2]). Конечно, съ подчиненіемъ грузинской церкви вѣдомству русскаго Св. Синода, положеніе католикоса являлось неумѣстнымъ. Католикосъ, по своему вліятельному положенію въ Грузіи, могъ только препятствовать осуществленію заботъ Св. Синода; отсюда его нужно было совсѣмъ удалить. Такъ дѣйствительно и было сдѣлано. Въ 1809 г. Антоній II-ой былъ отстраненъ отъ управленія, вмѣсто сана католикоса учрежденъ былъ санъ экзарха Грузіи и Имеретіи, соединенный съ

---

[1]) См. манифесты о присоедин. Грузіи 18 января, 1801 г. и о внутреннемъ управленіи въ Грузіи 12 сентября, 1801 г.

[2]) „Исторія Грузин. іерархіи“, изд. 1826. Москва, стр. 20.

званіемъ члена Св. Синода, каковой, въ силу Высочайше утвержденнаго доклада Св. Синода отъ 30-го іюня 1811 г., и получилъ засѣдавшій доселѣ въ Синодѣ грузинскій архіерей Варлаамъ, изъ рода князей Эристовыхъ [1]). Для епархіальнаго управленія при немъ учреждена была дикастерія, преобразованная въ 1814 г. въ Грузино-Имеретинскую контору Св. Синода, съ правами Московской Синодальной конторы, подъ предсѣдательствомъ экзарха [2]). Вмѣсто прежде бывшихъ въ Грузіи 13-ти епархій учреждены были двѣ: одна, подъ названіемъ Мцхетской и Карталинской, была поручена въ управленіе именно экзарху Варлааму, съ присвоеніемъ ему сана митрополита; другая, подъ названіемъ Алавердской и Кахетинской, была поручена въ управленіе Сигнахскому митрополиту Іоанну Бодбелю. Остальныя 11-ть грузинскихъ епархій вошли въ составъ указанныхъ двухъ [3]). На Варлаама были возложены Св. Синодомъ слѣдующія важныя порученія по устроенію духовной части въ Грузіи: 1) учредить духовныя правленія въ городахъ Грузіи; 2) устроить въ Тифлисѣ семинарію и училища; 3) привесть въ ясность и порядокъ церковные доходы и 4) возстановить Осетинскую Комиссію, учрежденную въ 1771 г. для обращенія осетинъ въ христіанскую вѣру и прекратившую свои дѣйствія въ 1792 г. [4]). Но Варлаамъ выполнилъ, да и то не вполнѣ, только третье изъ данныхъ ему порученій. Онъ именно обращалъ всѣ свои заботы на одну хозяйственную часть церковнаго управленія: отбиралъ, напр., отъ дворянъ незаконно ими захваченныя въ свое владѣніе церковныя имѣнія, разводилъ для умноженія церковныхъ доходовъ сады, устроялъ мельницы и т. п. [5]). Что же касается до осталь-

---

[1]) „Истор. груз. іерарх.“, стр. 20.

[2]) Ibid., стр. 21.

[3]) „Истор. груз. іерар.“, стр. 24.

[4]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 89, 92, 94; „исторія груз. іерарх.“, стр. 65, 78.

[5]) „Руков. дѣят. дух. просв.“, стр. 93.

ныхъ важныхъ порученій Св. Синода, то Варлаамъ не былъ даже въ силахъ ихъ выполнить. Такая малодѣятельность Варлаама сильно озабочивала Св. Синодъ. Но, не отстраняя пока Варлаама отъ церковнаго управленія, Св. Синодъ думалъ было улучшить устройство духовныхъ дѣлъ въ Грузіи чрезъ посредство дѣятельнаго Горійскаго епископа Досиѳея, проживавшаго въ то время въ Петербургѣ. Съ этою-то цѣлію Св. Синодъ и послалъ въ 1814 г. Досиѳея въ Грузію, возведши его въ санъ архіепископа, съ наименованіемъ Телавскимъ и Грузино-Кавказскимъ и съ порученіемъ ему завѣдыванія дѣлами бывшей Осетинской комиссіи. Но непригодность также и Досиѳея для осуществленія заботъ Св. Синода по устроенію грузинской церкви скоро сказалась. Правда, Досиѳей сразу возстановилъ Осетинскую комиссію и энергично началъ миссіонерскую дѣятельность въ горахъ кавказскихъ. За то своими первыми же миссіонерскими дѣйствіями онъ возбудилъ противъ себя и мѣстную гражданскую власть и туземныхъ жителей. Главнокомандующій Грузіи генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ рапортомъ отъ 15-го ноября 1816 г. доносилъ Государю, что Досиѳей для обращенія осетинъ въ христіанство употреблялъ далеко не духовныя мѣры, а именно—обѣщалъ осетинамъ свободу, что они никому ни принадлежать, ни платить податей не будутъ, прельщалъ ихъ къ принятію крещенія деньгами, подарками и т. п. Затѣмъ, по тому же донесенію Ермолова, Досиѳей безъ всякой существенной необходимости, ради своихъ личныхъ корыстныхъ расчетовъ, отобралъ въ пользу церкви имѣнія вліятельныхъ князей Эристовыхъ и Мачабеловыхъ, чѣмъ и вызвалъ законныя со стороны тѣхъ князей жалобы [1]). Такое поведеніе Досиѳея окончательно убѣдило Св. Синодъ въ томъ, что церковь грузинская не можетъ быть устроена

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 98—99.

должнымъ образомъ своими туземными пастырями и что для этой цѣли нужно послать туда кого-либо изъ россійскихъ архіереевъ. Поэтому онъ постановилъ: экзарха митр. Варлаама, уволивъ отъ всѣхъ должностей въ Грузіи, вызвать въ С.-Петербургъ для присутствованія въ Синодѣ, архіеп. Досиѳея вызвать для пребыванія въ Москву, а въ Грузію перевесть синодальнаго члена Ѳеофилакта, архіеп. рязанскаго, съ предоставленіемъ ему титула экзарха Св. Синода и митрополита мцхетскаго, тифлисскаго и карталинскаго. Это постановленіе Синода состоялось 26-го февраля 1817 г. Государемъ оно было утверждено 14-го мая съ тою отмѣною, что преосвященный переведенъ съ званіемъ экзарха, безъ присвоенія ему титула митрополита [1]).

Какъ видимъ, Ѳеофилакту предстоялъ далеко не легкій подвигъ. Но слава и честь ему: онъ выполнилъ этотъ подвигъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Своими неусыпными трудами онъ далъ совсѣмъ другой ходъ и направленіе дѣламъ грузинской церкви. Выѣхалъ онъ изъ Рязани къ мѣсту своего новаго служенія 19 іюля 1817 г. [2]). Слишкомъ далекій и утомительный былъ путь для новаго экзарха: по маршруту предполагалось ему проѣхать 1866 верстъ черезъ губерніи Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую, землю войска Донского и Кавказскія области. Мало того, путь былъ и опасенъ. Экзархъ со свитой могъ всегда ожидать нападенія со стороны кавказскихъ хищниковъ; вотъ почему отношеніемъ отъ 14-го іюня 1817 г. къ кавказскому губернатору Ѳеофилактъ просилъ позаботиться о безопасности проѣзда ему и свитѣ [3]). Ко всему прибавлялись еще финансовыя затрудненія: сумма на содержаніе и проѣздъ свиты по примѣрной росписи экзарха равнялась 14725 руб., между тѣмъ рязан-

---

[1]) „Указъ Св. Синода“, 1817 г. за № 1674. Дѣло Архива Грузино-Имеретин. конторы отъ 2 іюня 1817 г., за № 334.

[2]) Ibid.

[3]) „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы отъ 28 іюня 1817 г.

ская казенная палата выразила согласіе на выдачу 7360 руб. Отсюда ему пришлось хлопотать передъ Св. Синодомъ о возвратѣ ему остальныхъ денегъ; по сношенію высшаго духовнаго и свѣтскаго начальства рязанская казенная палата возвратила экзарху требуемое имъ.

Утѣшеніемъ для него въ дорогѣ были взятыя имъ для разныхъ должностей по архіерейскому дому, для образованія пѣвческаго хора, для учрежденія семинаріи и для благолѣпія въ священнослуженіи—духовныя лица и пѣвчіе изъ бывшихъ его епархій Рязанской и Калужской, а также и прочихъ, лежащихъ по пути въ Грузію. По пріѣздѣ въ Тифлисъ 31 августа, Ѳеофилактъ сразу понялъ, что ему не ждать радостей въ новомъ краю [1]). Уже первыя заботы его объ устроеніи своей внѣшней жизни въ Тифлисѣ не обошлись безъ лишеній и затрудненій. Тифлисъ того времени представлялъ неприглядное зрѣлище. Онъ еще не успѣлъ обстроиться послѣ всѣхъ опустошеній, которыя вся вообще Грузія претерпѣла отъ персовъ, турокъ и горцевъ. Дома въ наемъ были почти всѣ безъ крышъ съ одними только земляными потолками, такъ что въ ненастное время во всѣхъ домахъ оказывалась течь въ комнаты, и отъ дождя нужно было спасаться даже въ комнатахъ подъ зонтикомъ. Въ такихъ именно домахъ пришлось помѣститься свитѣ Ѳеофилакта; ему же самому кое-какъ удалось помѣститься въ каменномъ домѣ, имѣвшемъ не болѣе шести комнатъ, но за то, по крайней мѣрѣ, съ черепичною крышей, которая не пропускала сквозь себя дождевой воды [2]). Воздухъ въ Тифлисѣ былъ такъ дуренъ отъ стекающихся всюду нечистотъ, что нельзя было открывать окна. Вообще пребываніе въ немъ тогда было невавидно, а для многихъ и гибельно. Экзархъ, вскорѣ

---

[1]) Дѣло Арх. Груз.-Имер. конторы отъ 3-го сентября 1817 г. за № 364.

[2]) Вѣст. Евр. 1873 г., кн. 12, ст. 624; ср. „Сынъ Отечества“, 1818 г., ч. 43, стр. 46.

по пріѣздѣ, лишился четырехъ человѣкъ изъ своей свиты, а больна была вся свита [1]). При такихъ первыхъ внѣшнихъ невзгодахъ онъ, со свойственною ему энергіей, принялся за выполненіе задачъ, оставленныхъ на его долю экзархомъ Варлаамомъ. Спустя день по пріѣздѣ, а именно 2 сентября— онъ далъ уже предложеніе Грузино-Имеретинской конторѣ о собраніи подробныхъ свѣдѣній по экзархату о епархіяхъ, церквахъ, причтахъ, монастыряхъ, училищахъ, объ архіерейскихъ и церковныхъ крестьянахъ, о доходахъ съ церковныхъ имуществъ и объ имѣніяхъ чужестранныхъ монастырей въ Грузіи. Немедленно Ѳеофилактъ принялся и за насажденіе просвѣщенія въ новомъ краѣ, потребность въ которомъ уже чувствовалась тамошнимъ духовенствомъ, какъ на это даетъ указаніе самъ экзархъ въ своемъ донесеніи Св. Синоду отъ 5-го октября 1817 г. за № 98. По донесенію экзарха, тамошніе священно-служители не чуждались просвѣщенія, желая, чтобъ дѣти ихъ знали русскій языкъ, и чтобы на томъ же языкѣ обучались; это доказывалось тѣмъ, во—1-хъ, что дѣти многихъ находились уже въ приватныхъ пансіонахъ, во—2-хъ, что, по пріѣздѣ экзарха туда, многіе сами просили его открыть тамъ духовныя училища съ обученіемъ на русскомъ языкѣ, обѣщая снабдить дѣтей своихъ какъ пищей и одеждой, такъ и квартирой [2]). Благодаря энергіи Ѳеофилакта, дѣло насажденія русскаго просвѣщенія въ Грузіи началось очень быстро и успѣшно. 1-го октября экзархъ открылъ въ Тифлисѣ духовную семинарію, помѣстивъ ее въ Авлабарскомъ архіерейскомъ домѣ, гдѣ раньше жилъ Досиѳей, еписк. Телавскій. Ректоромъ ея назначилъ прибывшаго съ нимъ инспектора калужской семинаріи, архимандрита Виталія, должности преподавателей, едва

---

[1]) „Сынъ Отечества“, 1818 г., часть 43, стр. 46.

[2]) Дѣло „Архива Грузино-Имеретинской конторы“ за № 43, отъ 8 сент. 1817 г.

ли не всѣ, замѣстилъ рязанскими богословами и философами. Открытая семинарія пока состояла изъ классовъ: словесности, всеобщей исторіи и географіи. Число поступившихъ въ оную учениковъ простиралось въ день открытія до 16-ти человѣкъ. Вмѣстѣ съ семинаріей и подъ управленіемъ одного и того же ректора открыто уѣздное и приходское училища, въ коихъ въ день открытія было до 30-ти учениковъ. Греческій и латинскій языки на первые два года не числились въ ряду учебныхъ предметовъ, въ виду усиленнаго изученія русскаго и грузинскаго языковъ. 11-го октября были открыты въ г. Телавѣ уѣздное и приходское училища, изъ коихъ въ въ 1-мъ насчитывалось сначала 22 уч., во второмъ 35. 17 января 1818 г. такія же училища были открыты въ г. Сигнагѣ, 16-го мая того же года—въ Гори. Изъ сохранившихся въ дѣлахъ Архива Грузино-Имеретинской конторы описаній торжества открытія всѣхъ вышеуказанныхъ духов. учебныхъ заведеній видно, что лучшее грузинское духовенство и населеніе испытывало какую-то особенную радость при видѣ насаждаемыхъ вертоградовъ рус. просвѣщенія, будучи проникнуто сознаніемъ, что всѣмъ этимъ оно обязано просвѣщеннымъ заботамъ императора Александра 1-го и преосвященнаго Θеοθηлакта. Вотъ, напр., съ какимъ лирически-восторженнымъ настроеніемъ описываетъ торжество открытія духов. училища въ Сигнагѣ учитель Иларіонъ Добромысловъ. „Его Высокопреосвященство Сигнагскій митр. Іоаннъ по совершеніи литургіи въ своемъ, на три версты стоящемъ отъ города, монастырѣ св. Нины, самъ изволилъ шествовать съ крестнымъ ходомъ къ дому, назначенному для училища въ г. Сигнагѣ; при входѣ въ оный онъ торжественно былъ встрѣченъ гражданами и по приближеніи къ училищу стоящими въ 2 ряда учениками, на коихъ онъ отечески взирая отъ восторга радости проливалъ слезы благодаренія къ Всевышнему, что Онъ на вечерней зарѣ дней его даровалъ ему счастіе въ покрытой мра-

комъ невѣжества странѣ еще узрѣть начало путей, ведущихъ въ Божій свѣтъ. Въ семъ мѣстѣ былъ совершенъ приличный сему случаю съ водосвятіемъ молебенъ, во время котораго митрополитъ считалъ съ сокрушеннымъ сердцемъ молитву о ниспосланіи Свыше благодати на новонасажденный вертоградъ дух. науки. Послѣ сего Его высокопреосвященство митрополитъ и его благородіе сигнагскій окружной начальникъ за нужное посчитали сдѣлать должное наставленіе, ибо духовенство (разумѣется, большая, некультурная его часть), совсѣмъ никакого не имѣя понятія о просвѣщеніи, съ великимъ принужденіемъ и слезами приводили дѣтей своихъ и благоразумныя, убѣдительныя сихъ двухъ особъ наставленія столь сильно подѣйствовали на сердца предстоящихъ, что они сей день признали самымъ первымъ днемъ въ своей жизни, и съ восторгомъ всѣ единодушно воскликнули: да будетъ благословенъ во вѣкъ сей вожделѣнный и счастливѣйшій день! Да здраствуетъ всероссійскій монархъ Александръ 1-й и да благоденствуетъ Ѳеофилактъ, экзархъ всея Грузіи! И послѣ сего не только духовенство, но даже князья и дворяне непремѣннымъ возгорѣлись желаніемъ представить немедленно въ училище дѣтей своихъ“ [1]).

Не мало способствовало успѣшности насажденія просвѣщенія въ Грузіи признательное вниманіе Ѳеофилакта ко всѣмъ туземнымъ гражданамъ, оказывающимъ ему содѣйствіе и помощь при основаніи и устройствѣ духов. учебныхъ заведеній. Преосвященный экзархъ всегда старался сдѣлать извѣстными государю, Св. Синоду и свѣтскому начальству хлопоты и заботы тѣхъ или другихъ свѣтскихъ лицъ въ дѣлѣ просвѣщенія, добиваясь награжденія для нихъ [2]).

---

[1]) Дѣло „Архива Грузино-Имеретинской конторы“ за № 45, 1817 г.

[2]) „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы“ за № 44, 1817 г.

Положивъ болѣе или менѣе прочное начало образованію грузинскаго духовенства, онъ обратилъ свои заботы на устроеніе церковнаго управленія. Сначала онъ занялся устроеніемъ духовной части въ Карталиніи и Кахетіи, составлявшихъ Грузію въ собственномъ смыслѣ. Онъ слѣдовалъ въ данномъ случаѣ инструкціи „проекта новаго устройства духовной части въ Грузіи,“ имъ же самимъ составленнаго и, по докладу Св. Синода, Высочайше утвержденнаго 28-го декабря 1818 г. [1]). Согласно этой инструкціи, Ѳеофилактъ соединилъ подъ своей властью всѣ доселѣ бывшія въ Грузіи епархіи въ одну съ наименованіемъ Карталинской и Кахетинской; управленіе же Сигнагской епархіею, которая вошла въ составъ Кахетинской и Караталинской, поручилъ тамошнему митрополиту Іоанну Бодбелю по смерть его, изъ уваженія къ лѣтамъ его и къ службѣ, но съ тѣмъ однакожъ, чтобы онъ былъ въ зависимости отъ экзарха. Лишнихъ грузинскихъ архіереевъ, по его ходатайству, отозвали въ Москву съ пансіономъ, для предотвращенія вредныхъ послѣдствій.

„Хотя эта мѣра,“ писалъ по этому поводу св. Синоду экзархъ, „жестока и крута, но въ отношеніи къ общему добру необходима“ [2]). Вскорѣ по пріѣздѣ новый экзархъ обратилъ вниманіе и на приведеніе въ порядокъ церковныхъ доходовъ и имуществъ грузинской церкви. Эта забота доставила ему, какъ и его предшественнику Варлааму, много хлопотъ и огорченій, такъ какъ приходилось то отбирать имѣнія у лицъ незаконно завладѣвшихъ ими, то облагать налогами имѣнія, которыми временные владѣльцы или съемщики пользовались, не платя никакой подати [3]). Для большей успѣшности этого дѣла экзархъ указомъ отъ 8 го

---

[1]) „Дѣло Архива Груз.-Имер. конторы“ за № 548, 1819 г.

[2]) Ibid.

[3]) Рус. Архивъ 1886 г. 3 книга, стр. 335, 336, 436.

октября 1817 г. за № 19 приказалъ учредить въ своей канцеляріи особый столъ для производства дѣлъ по сбору церковныхъ доходовъ и отдѣлилъ дѣла исполнительныя отъ экономическихъ [1]). Въ своемъ предложеніи отъ 2-го сентября того же года Ѳеофилактъ требовалъ отъ конторы немедленнаго доставленія подробныхъ свѣдѣній относительно источниковъ содержанія епархіальныхъ архіереевъ, о количествѣ угодій, крестьянъ, о числѣ приходскихъ домовъ, объ источникахъ содержанія и доходахъ монастырей и т. п. [2]) За этимъ распоряженіемъ по данному вопросу слѣдовали другія, неоднократныя и энергичныя, которыя имѣли результатомъ опредѣленіе экономическаго состоянія грузинской церкви, давшее возможность упорядочить управленіе ея дѣлами и унормировать матеріальное обезпеченіе ея администраціи [3]). Введеніе въ штатное положеніе церквей и священно и церковно-служителей по Грузіи было особенно крупнымъ, имѣющимъ большое историческое значеніе, подвигомъ преосв. Ѳеофилакта. Поводомъ для начала этого дѣла служило слѣдующее обстоятельство. Генералъ-лейтенантъ князь Димитрій Зах. Орбеліановъ отношеніемъ къ экзарху за № 28 отъ 28 ноября 1817 г. заявилъ, что желаетъ въ своемъ помѣстьи построить новую церковь во имя св. Димитрія и жертвуетъ для той церкви, а также и на содержаніе священно и церковно-служителей при ней, землю, вспахиваемую въ одинъ плугъ за 40 дней, садъ, который должны обрабатывать его крестьяне и процентъ съ доходовъ сельскаго магазина. Ѳеофилактъ обрадовался такому доброму желанію и, давши на него полное свое согласіе, донесъ объ этомъ главному свѣтскому начальству, прося оповѣстить этотъ поступокъ по всей Грузіи для примѣра другимъ. Ма-

---

[1]) Дѣло Арх. Груз.-Имер. кон. № 46.

[2]) Дѣло того-же Арх. за № 365, 1817 г.

[3]) Дѣло того-же Архива за № 54, 1818 г. и за № 441.

ло того, донося объ этомъ главноуправляющему А. П. Ермолову, экзархъ убѣдительно просилъ его внушить помѣщикамъ, чтобы они, согласно постановленію еще бывшаго главнокомандующаго въ Грузіи Ив. Вас. Гудовича, отвели въ пользу церквей, состоящихъ въ ихъ помѣстьяхъ, а также и на содержаніе церковной администраціи землю или другія к.-н. угодья; при чемъ предложилъ для осуществленія этого установить чрезъ предводителей дворянства предварительно число дымовъ (крестьянскія селенія) и штатныхъ приходскихъ церквей и причтовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Ѳеофилактъ просилъ Ермолова предписать и тамошней Казенной Экспедиціи, дабы она, опредѣливъ число дымовъ штатныхъ церквей и причтовъ въ казенныхъ селеніяхъ, отвела, по соглашенію съ духовной властью, земли и угодья, говоря, что по церковнымъ селеніямъ онъ самъ сдѣлаетъ тѣ же распоряженія. Ермоловъ отношеніемъ за № 581 отъ 25 марта 1818 г. извѣстилъ, что, за отъѣздомъ на Кавказскую линію, онъ поручаетъ это дѣло и. д. грузинскаго губернатора генералъ-маіору Сталю [1]). Тотъ отношеніемъ за № 1886 отъ 6-го іюня 1818 г. увѣдомилъ экзарха, что сдѣлалъ надлежащія распоряженія Казенной Экспедиціи по казеннымъ селеніямъ и окружнымъ начальникамъ по помѣщичьимъ селеніямъ. При чемъ изъ приложенной при этомъ копіи постановленія Экспедиціи видно, что послѣдняя приняла живое участіе въ данномъ дѣлѣ. Для опредѣленія штатовъ по казеннымъ селеніямъ былъ назначенъ особый чиновникъ. Ѳеофилактъ, съ своей стороны, прикомандировалъ къ этому дѣлу духовнаго депутата. Велась канцелярская переписка, но и дѣло подвигалось скоро, благодаря энергіи, умѣнію и такту экзарха. Наконецъ, отношеніемъ отъ 3-го февраля 1819 г. за № 53 Ѳеофилактъ доносилъ Св. Синоду, что по четыремъ уѣз-

[1]) Дѣло за № 32, отъ 29 ноября 1817 съ добавленіями подъ №№ 33, 34, 35.

дамъ: Телавскому, Сигнагскому, Горійскому и Тифлисскому церкви и причты приведены въ штатное положеніе. По данному сообщенію экзарха, въ указанныхъ уѣздахъ прихожане выразили согласіе давать на содержаніе причтовъ по 1-й кодѣ пшеницы, по полукодѣ ячменя, по тунгѣ вина, отъ 20 до 60 к. деньгами, сверхъ того, съ каждыхъ пяти дымовъ по одному барану, а также право пользоваться пастбищами, огородами и нѣкоторыми доходными мѣстами; при чемъ добровольная плата за требы не уничтожалась. Штатное положеніе церквей опредѣлялось въ однихъ уѣздахъ 80-тью дымами, а въ другихъ до 40 [1]). Изъ донесенія экзарха Св. Синоду за № 450 отъ 18 августа 1819 г. видно, что и по другимъ уѣздамъ было введено штатное положеніе церквей и причтовъ. Это дѣло было, повторяемъ, весьма важной заслугой преосв. Ѳеофилакта предъ Грузинской церковью. Матеріальное благосостояніе духовенства и церквей должно было послѣ этого значительно улучшиться сравнительно съ прежнимъ временемъ. Насколько выхлопотанное Ѳеофилактомъ обезпеченіе грузинскому духовенству было велико, видно изъ того, что имъ довольны были въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій; если же въ послѣдніе годы этого довольства не замѣчалось, то, какъ признается тамошнее духовенство, только потому, что прихожане позднѣйшихъ поколѣній не даютъ того, что давали ихъ предшественники. „Остается желать и требовать“, писалъ Ѳеофилактъ Св. Синоду, „чтобы пастыри обезпеченіе своихъ жизненныхъ потребностей заслуживали бдѣніемъ и молитвами о душѣ пасомыхъ. Если обратить въ деньги все имъ назначенное отъ прихожанъ, то ежегодно доходы Грузинскаго бѣлаго духовенства простираются за 40 тысячъ руб., не считая земляныхъ угодій и платы за требы“.

---

[1]) Ibid.

Самъ Ѳеофилактъ былъ невыразимо радъ осуществленію такого важнаго дѣла и приписывалъ главный успѣхъ не себѣ, по смиренію, а Богу и Ермолову. „О себѣ не похвалюся, писалъ онъ Голицыну, относя весь успѣхъ первоначально къ Подателю всѣхъ благъ, потомъ къ дѣйствіямъ мудраго повелителя въ Грузіи Его Высокопревосходительства А. Петр. Ермолова, который весьма стоитъ того, чтобы Ваше Сіятельство объявили ему спасибо, приличное и моральному и политическому его характеру“ [1])... Св. Синодъ указомъ за № 2642 отъ 22 апрѣля 1819 г. выразилъ за этотъ подвигъ признательность экзарху, съ благословеніемъ на дальнѣйшіе подвиги на благо грузинской церкви. Въ томъ же году еще 1-го февраля Св. Синодъ выразилъ свое вниманіе къ Ѳеофилакту пожалованіемъ ему сана митрополита Карталиніи и Кахетіи [2]).

Не малаго труда также стоило экзарху подчинить дисциплинѣ духовенство Грузіи. Въ видахъ этого онъ прежде всего обратилъ вниманіе на благочинныхъ, которымъ разослалъ составленную имъ самимъ подробную инструкцію, коей они должны были неуклонно слѣдовать; онъ даже вызывалъ всѣхъ благочинныхъ для личной бесѣды и знакомства съ ними [3]). Между тѣмъ препятствій для водворенія дисциплины было много. Грузинское духовенство привыкло вдали отъ начальства жить и дѣйствовать по своему благоусмотрѣнію; но энергія экзарха и здѣсь одержала верхъ: дисциплина была введена, всѣ важнѣйшія священническія вакансіи замѣщены отчасти болѣе или менѣе образованными туземцами, отчасти прибывшими съ Ѳеофилактомъ изъ Рязани и Калуги семинаристами [4]).

---

[1]) Ibid.

[2]) Дѣло Архива Груз.-Имер. конт. за № 16, 1819 г.

[3]) Дѣло за № 48 за 1818 г.

[4]) „Вѣст. Евр.“, 1873 г. кн. 12, стр. 626.

Устроивъ духовную часть въ Грузіи въ собственномъ смыслѣ, Ѳеофилактъ долженъ былъ обратиться съ тою же заботою къ областямъ—Имеретіи, Гуріи и Мингреліи. Эти области упорно отстаивали свою іерархическую независимость и неприкосновенность своихъ имуществъ. Но Ѳеофилактъ рѣшился энергично приняться за преобразованіе духовнаго управленія и въ этихъ областяхъ. Для лучшаго успѣха въ предстоящей дѣятельности экзархъ въ помощь себѣ пригласилъ въ маѣ 1819 г. члена Грузино-Имеретинской конторы, архим. Квабтахевскаго монастыря, Аѳанасія и прокурора Чилаева. Аѳанасія онъ послалъ въ Мингрелію, Чилаева въ Гурію, а самъ отправился въ Имеретію. Но ни Аѳанасій, ни Чилаевъ не имѣли успѣха. Владѣтельные князья Мингреліи и Гуріи отвѣтили, что при всей ихъ готовности не находятъ для себя возможнымъ допустить присланныхъ къ нимъ духовныхъ особъ къ исполненію порученій экзарха; поэтому всякое дѣйствіе по части духовной на Мингрелію и Гурію было поневолѣ пріостановлено Ѳеофилактомъ [1]). Повидимому, такъ же неудачно должно было окончиться дѣло устроенія духовной части и въ Имеретіи, куда отправился самъ Ѳеофилактъ. Имеретія, по своему церковному быту, такъ же, какъ и по своему гражданскому устройству, была слишкомъ далека отъ духовнаго и государственнаго устройства Россіи. Здѣшніе архіереи мало ощущали власть нашего Синода и дѣйствовали очень самостоятельно. Происходя изъ княжескихъ, а иногда даже изъ царскихъ тамошнихъ фамилій, они вели себя истинными магнатами, не дававшими никому и ни въ чемъ отчета. Для нихъ даже богослуженіе было какъ бы дѣломъ чуждымъ; оно предоставлялось низшему духовенству [2]). Отсюда понятно, какъ враждебно должны были имеретинскіе архіереи отнестись къ преобразовател-

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 107.

[2]) „Рук. дѣят. дух. просв.“, стр. 107.

нымъ намѣреніямъ Ѳеофилакта. Еще до прибытія его они дали другъ другу клятву въ томъ, что никто изъ нихъ не согласится быть одному мѣстнымъ архіереемъ (такъ какъ предположено было оставить въ Имеретіи, вмѣсто четырехъ, одну епархію). Прибывши въ Кутаисъ, Ѳеофилактъ старался успокоить ихъ обѣщаніемъ оставить всѣхъ на мѣстахъ, при условіи, если они примутъ тотъ образъ управленія епархіями, какой укажетъ имъ правительство. И дѣло стало какъ бы улаживаться. Ѳеофилактъ получилъ возможность приступить къ описи церковнаго имущества. Въ теченіе трехъ недѣль имъ описаны были округи Кутаисскій и Викинскій [1]). Но скоро обстоятельства измѣнились для Ѳеофилакта къ худшему. Недовольные вводимыми преобразованіями, имеретинскіе князья, а также митрополиты—Досиѳей Кутатель и Евѳимій Генатель взбунтовали противъ него народъ, распространяя вездѣ слухи, что у нихъ хотятъ перемѣнить вѣру, отобрать церковныя имущества, иконы, кресты и забрать архіереевъ и священниковъ. Возбужденная Имеретія требовала, чтобы экзархъ оставилъ ее немедленно. И тотъ, дѣйствительно, долженъ былъ это сдѣлать; ему даже угрожала опасность быть убитымъ. Впрочемъ, энергичныя старанія Ѳеофилакта все-таки не остались безъ успѣха. Его экспедиція имѣла то важное послѣдствіе, что внѣдрила въ мысли имеретинскихъ князей и духовенства убѣжденіе въ неотразимости духовной реформы въ ихъ областяхъ и епархіяхъ и даже прямо намѣтила и подготовила эту реформу. Ѳеофилактъ добился того, что главные зачинщики происшедшаго въ Имеретіи возмущенія—Досиѳей Кутатель и Евѳимій Генатель—были удалены изъ Имеретіи 5-го марта 1820 г., а завѣдываніе духовными дѣлами Имеретіи, согласно его совѣту, поручено было Рачинскому

---

[1]) Вся Имеретія состоитъ изъ четырехъ округовъ—Кутаисскаго, Викинскаго, Шарапанскаго и Рачинскаго (См. „Истор. груз. іерарх.“, стр. 47.

архіеп. Софронію. Этотъ-то Софроній подъ руководствомъ Ѳеофилакта и докончилъ начатое въ Имеретіи устройство духовной части. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ Ѳеофилакту удалось-таки привесть Имеретію въ благоустройство въ отношеніи духовнаго порядка. Внѣ зависимости отъ экзарха остались только Мингрелія и Гурія [1]).

Заслуживаетъ также вниманія и миссіонерская дѣятельность Ѳеофилакта въ Грузіи. Знаменитый экзархъ въ короткое время улучшилъ ходъ миссіонерской осетинской комиссіи, поступившей въ его вѣдѣніе со времени самаго его назначенія въ Грузію. Св. Синодъ, по его предложенію, далъ Комиссіи новую инструкцію, по которой, во избѣжаніе недавней ошибки Досиѳея Телавскаго, дѣло обращенія осетинцевъ предписывалось вести только духовными средствами, не ослабляя ничьей власти и употребляя мірскія средства, только какъ дары любви для однихъ крещеныхъ,— крещеніе преподавать, только удостовѣрившись въ искренности обращенія крещаемыхъ, на проповѣдь являться безъ всякой огласки и конвоя, не какъ посланнымъ отъ правительства, а какъ простымъ странникамъ, желающимъ спасенія людямъ, и считать дѣло своей проповѣди конченнымъ не прежде, какъ обращенные пожелаютъ имѣть у себя церковь и священниковъ [2]). Благодаря такимъ мудрымъ и истинно-христіанскимъ мѣрамъ миссіонерская дѣятельность Осетинской комиссіи при Ѳеофилактѣ увѣнчалась благословеннымъ успѣхомъ.

При архіепископѣ Досиѳеѣ (съ 1814—1817 г.) было окрещено только 6,059 душъ, а при Ѳеофилактѣ (съ сент. 1817 г.) число новообращенныхъ простиралось до 30,340 душъ изъ однихъ осетинъ; кромѣ того обращено было много другихъ горцевъ изъ племенъ, имѣвшихъ болѣе близкія связи

---

[1]) „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 105—111.

[2]) „Ист. груз. іерарх.“, стр. 80—81.

съ Грузіею и поэтому болѣе другихъ подготовленныхъ къ принятію христіанства, такъ что всѣхъ вообще обращенныхъ при Θеофилактѣ насчитывалось свыше 47,100 человѣкъ и еще 130 домовъ удскаго племени [1]). Самыми дѣятельными помощниками его въ дѣлѣ миссіи были протоіерей Николай Самаргановъ и осетинскій дворянинъ Иванъ Ялгудзидзе. Послѣдній, по внушенію экзарха, перевелъ на осетинскій языкъ утреннія и вечернія молитвы, катехизисъ, литургію, послѣдованія крещенія, погребенія и брака. По отпечатаніи эти переводы немедленно были разосланы по осетинскимъ приходамъ, и богослуженіе стало совершаться въ нихъ на осетинскомъ языкѣ [2]).

Какъ видимъ, Грузія представляла весьма богатое и обширное поприще для дѣятельности Θеофилакта на пользу церкви. На такомъ поприщѣ, кажется, можно было ему не только забыть о своей опалѣ, но даже чувствовать себя счастливымъ: здѣсь находили истинное удовлетвореніе его богатыя, жаждущія дѣятельности, силы. Но на самомъ дѣлѣ самочувствіе экзарха въ теченіе всей жизни въ Грузіи было не особенно хорошее. Тоска по Россіи и сознаніе опалы тяжелымъ бременемъ лежали на его сердцѣ. И не было у него возможности разсѣять такія грустныя чувства. Напротивъ, тѣ условія, при которыхъ онъ жилъ и дѣйствовалъ въ Грузіи, только поддерживали его недовольное самочувствіе. Прежде всего Θеофилакту недоставало общества, къ которому всегда тяготѣла его живая натура въ часы досуга; недоставало образованныхъ людей, съ которыми можно было бы подѣлиться мыслями и чувствами, которые могли бы понять и оцѣнить его. Гордая грузинская аристократія, духовная и свѣтская, чуждалась его, да и самъ онъ, не лю-

---

[1]) „Истор. груз. іерар.“, стр. 81—83.
[2]) Ibid., стр. 89.

бившій гордости вообще, не былъ къ ней расположенъ. Съ малообразованнымъ бѣлымъ духовенствомъ у него было мало общаго. Также мало общаго имѣлъ онъ и съ русскимъ свѣтскимъ тифлисскимъ обществомъ, которое состояло почти изъ однихъ военныхъ. Правда, было въ этомъ обществѣ человѣкъ десять, напр., Самойловъ, Мордвиновъ, Поповъ, Николай Никол. Муравьевъ-Карскій [1]), главнокомандующій Грузіи генералъ-лейтенантъ А. П. Ермоловъ (съ 1816 г.)

---

[1]) Генералъ Никол. Ник. Муравьевъ-Карскій, бывшій на Кавказѣ въ 1818—19 гг., въ своихъ воспоминаніяхъ (см. Русск. Архивъ за 1886 г., 3 кн. стр. 289, 293—309, 310—311, 335—336, 436) часто упоминаетъ о Ѳеофилактѣ. Онъ отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ, ученомъ, начитанномъ, способномъ говорить прекрасно, о чемъ бы только ни начинался разговоръ,— показывающемъ вездѣ особенныя познанія. Впервые съ Ѳеофилактомъ Муравьевъ встрѣтился 1-го января 1818 г. на званомъ обѣдѣ у генерала Попова, который праздновалъ именины своего отца. Знаменитый экзархъ, по разсказу Муравьева, „послѣ обѣда заставилъ своихъ пѣвчихъ пѣсни русскія пѣть, самъ показывая мѣру имъ“. Но особенно интересенъ для насъ слѣдующій разсказъ Муравьева, о Ѳеофилактѣ. „1-го мая 1818 г., передаетъ Муравьевъ, я былъ позванъ на обѣдъ ген.-маіоромъ Пестелемъ; онъ давалъ обѣдъ въ казенномъ саду. Вечеромъ Ѳеофилактъ пришелъ прогуливаться въ садъ; я встрѣтилъ его; онъ ласковымъ образомъ упрекалъ меня, что я къ нему не хожу. Онъ вошелъ въ палатку и сѣлъ подлѣ дамъ, посадивъ меня подлѣ себя и началъ разговоръ о поединкахъ. Сообразно съ саномъ своимъ, онъ охулялъ обычай сей. Я и Горчаковъ были совершенно согласны съ тѣмъ мнѣніемъ, что обычай сей остался еще отъ варварскихъ временъ, но что, живя въ обществѣ, надобно сообразоваться съ обычаями онаго и часто принимать меньшее зло для избѣжанія большаго. Наумовъ вступилъ въ споръ, и какъ онъ немного смыслилъ по сей части, то и былъ тотчасъ же огорошенъ; онъ сталъ, наконецъ, опираться на Ѳеофилакта, который, давно слушалъ меня съ улыбкой единомыслія. Чтобы совершенно поразить всѣхъ тѣхъ, которые прибѣгнули подъ крылышко преосвященнаго, я обратился къ нему съ сими словами: „Долго-ли еще будете вы противорѣчить моимъ мнѣніямъ? Вы видите ихъ совершенно согласными съ вашими. Я признаю обычай сей за злой, но на меня сіи господа нападаютъ, сами не зная за что, и потому мнѣ ничего больше дѣлать не осталось, какъ прибѣгнуть подъ покровительство вашего высокопреосвященства. Увѣрьте сихъ господъ, что я правъ; они не хотятъ понять, а я вижу, что вы одинаково мыслите со мной“. Ѳеофилактъ улыбнулся и далъ почувствовать справедливость моихъ словъ“. Этотъ разсказъ весьма мѣтко характеризуетъ свободу и широту нравственно-соціальныхъ воззрѣній Ѳеофилакта.

и др., къ которымъ Ѳеофилактъ изрѣдка ѣздилъ [1]). Вообще же Ѳеофилактъ претерпѣвалъ въ Грузіи мертвящую скуку. Онъ если развлекался, такъ почти только у себя дома, въ своей свитѣ, бесѣдуя и играя съ маленькими пѣвчими, прибывшими съ нимъ изъ Россіи. Къ скукѣ присоединились неблагопріятныя климатическія условія. Невыносимые жары, продолжавшіеся въ Тифлисѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году, приводили нѣсколько тучнаго Ѳеофилакта въ полное изнеможеніе. Чтобы хотя сколько-нибудь облегчить себя въ этомъ отношеніи, онъ любилъ сидѣть въ водѣ,—въ бассейнѣ, находившемся близъ архіерейскаго дома [2]). Претерпѣвая такія внѣшнія невзгоды и внутреннія скорби, Ѳеофилактъ естественно жаждалъ возвращенія въ Россію. Пожалованные ему за подвигъ устроенія духовной части въ Грузіи—санъ митрополита (1-го іюля 1819 г.) и орденъ Владиміра 1-й ст. (1-го іюня 1821 г.) не утѣшили его [3]). Какъ бы предчувствуя скорую свою кончину, онъ въ 1821 г. убѣдительнѣйше просилъ письменно Голицына о томъ, чтобы его перевели въ Россію, но тотъ не внялъ его просьбамъ, ссылаясь на то, что такого экзарха трудно замѣнить кѣмъ-нибудь. Между тѣмъ, въ самомъ дѣлѣ смертный часъ Ѳеофилакта незамѣтно приближался. Еще съ бодрыми, неподломленными, несмотря на трудныя и тяжелыя обстоятельства, силами, экзархъ выѣхалъ въ іюлѣ 1821 г. въ Кахетію для обозрѣнія епархіи. Возвращаясь 10-го іюля прохладнымъ вечеромъ въ одномъ подрясникѣ отъ князя Чавчавадзе въ Бодбійскій Сигнагскій монастырь, онъ простудился, схватилъ горячку и послѣ 9-ти дневной болѣзни скончался 19-го числа въ $5^1/_2$ ч.

---

[1]) Вѣстникъ Европы, 1873 г., кн. 12. стр. 626.

[2]) „Вѣстн. Евр.“, 1873 г., кн. 12, стр. 627.

[3]) Бант.-Каменск. „Слов. дост. Русск. земли“, ч. 5, стр. 322.

по полуночи [1]), а затѣмъ и погребенъ былъ въ томъ же Бодбійскомъ Сигнагскомъ монастырѣ [2]).

Такъ быстро и нежданно внѣ родного, русскаго края, можно сказать, въ неизвѣстности, угасла жизнь знаменитаго русскаго іерарха, нѣкогда блиставшаго великою славою въ нашей сѣверной столицѣ и такъ много потрудившагося на пользу нашей церкви.

Изъ представленнаго нами очерка жизни и дѣятельности Ѳеофилакта Русанова довольно рельефно обрисовывается образъ этого знаменитаго русскаго іерарха. Въ нашемъ сознаніи невольно возстаетъ образъ просвѣщеннаго обще-церковнаго дѣятеля, широкая натура котораго сложилась силою слѣдующихъ трехъ факторовъ: богатыхъ природныхъ его задатковъ, во-первыхъ, благопріятныхъ внѣшнихъ условій начальныхъ годовъ его служебной дѣятельности, во-вторыхъ, и весьма солиднаго образованія, въ-третьихъ.

Знаменитый іерархъ по самому своему темпераменту, природному складу и направленію своихъ богатыхъ духовныхъ силъ, былъ предрасположенъ къ просвѣщенной общественной дѣятельности. Темпераментъ его можно назвать холерическимъ: это была натура въ высшей степени энер-

---

[1]) По словамъ проф. Чистовича, „въ Грузіи русскіе и грузины знали и выражали за достовѣрное, что Ѳеофилактъ былъ отравленъ и называли даже лицо, которое совершило это преступленіе. Обстоятельства смерти его представлялись въ слѣдующемъ видѣ. Послѣ обѣда, 19-го іюля, въ покояхъ и обществѣ митр. Іоанна Бодбеля, съ которымъ былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, Ѳеофилактъ долго сидѣлъ съ митроп. и другими духовными лицами на балконѣ; потомъ пошелъ отдохнуть, сказавши, чтобы они не уходили, и что онъ скоро, вернется къ нимъ. Но время шло, часъ, другой; митроп. послалъ навѣдаться, и Ѳеофилакта нашли мертвымъ“ („Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 112, 1-ое примѣчаніе).

[2]) Дѣло Арх. Св. Синода 1812 г. № 960. Си. „Руков. дѣят. дух. пр осв.“ стр. 111—112; ср. „Вѣст. Евр.“, 1873 г., кн. 12, стр. 629.

гичная, живая, общительная и интересующаяся всѣмъ окружающимъ. Центральное и главное мѣсто въ ней занималъ великій практическій умъ, другія же духовныя силы преосв. Ѳеофилакта—его открытое сердце и энергичная воля, не будучи подавляемы умомъ, склонны были дѣйствовать въ гармоничномъ согласіи съ нимъ, чѣмъ и сообщали ему еще большую живость и энергію. Такая природная предрасположенность знаменитаго іерарха къ просвѣщенной общественной дѣятельности съ теченіемъ времени, благодаря тѣмъ внѣшнимъ счастливымъ условіямъ, въ которыя была поставлена его жизнь въ пору окончательнаго сформированія духовной натуры, а особенно благодаря полученному имъ солидному и широкому образованію, развившись и укрѣпившись въ немъ, стала его основнымъ и господствующимъ духовнымъ настроеніемъ. Какъ мы видѣли, Ѳеафилактъ, скоро по окончаніи духовной школы, занялъ видное общественное положеніе въ С.-Петербургѣ, получивъ возможность жить въ близкомъ соприкосновеніи съ образованными интеллигентными людьми. Естественно, что въ такой сферѣ должны были найти для себя богатую пищу его природные „общественные“ задатки. Особенно была важна эта сфера для него въ томъ отношеніи, что она дала ему благопріятныя условія для развитія и расширенія его ума. Дѣйствительно, въ первые годы своего служенія въ С.-Петербургѣ онъ энергично занимался самообразованіемъ, запасаясь умственной пищей, такъ сказать, на всю свою жизнь. Какъ мы видѣли, онъ, по окончаніи духовной школы, въ которой получилъ хорошее только богословское образованіе, съ увлеченіемъ припялся за изученіе западной литературы (особенно французской) и дѣйствительно скоро пріобрѣлъ богатыя положительныя свѣдѣнія почти во всѣхъ „гуманныхъ“ и общеобразовательныхъ наукахъ, какъ то: исторіи, философіи, эстетикѣ, соціологіи и др. Развивъ и обогативъ та-

кимъ широкимъ образованіемъ свой умъ, Ѳеофилактъ тѣмъ самымъ развилъ и обогатилъ всю вообще свою духовную натуру. Сердце его, подъ вліяніемъ гуманныхъ идей, прониклось самыми благородными и широкими чувствами по отношенію къ людямъ, ставши „гуманнымъ“ въ истинномъ смыслѣ этого слова; оно, такъ сказать, стало дѣйствовать уже не по инстинкту, а по убѣжденіямъ образованнаго ума; симпатіи его уже вращались преимущественно въ области умственныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ же условій у него стала проявляться особая жажда и энергія къ дѣятельности, преимущественно по части просвѣщенія. Развивши и обогативши, такимъ образомъ, всѣ свои духовныя силы, Ѳеофилактъ, естественно, направилъ ихъ по преимуществу къ просвѣщенной церковно-общественной дѣятельности. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, во всѣхъ мѣстахъ своего церковнаго служенія онъ направлялъ свою дѣятельность на заботы по части просвѣщенія и образованія духовнаго сословія.

Что касается до религіозной нравственной стороны его личности, то она характеризуетъ его скорѣе, какъ просто православнаго свѣтскаго человѣка, чѣмъ какъ монаха-аскета, какимъ онъ былъ по своему сану. Мы видѣли, что Ѳеофилактъ любилъ бывать въ свѣтскомъ обществѣ, не чуждъ былъ свѣскихъ развлеченій, не всегда проявлялъ высоту христіанскаго смиренія (напр., въ отношеніяхъ къ м. Платону, Филарету).

Вотъ собственно каковъ былъ общій обликъ Ѳеофилакта Русанова, какъ человѣка и какъ церковнаго дѣятеля.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ _____ 19 г.

25=
009912/790

25 -
Экон/1188
И
35-15
Прош ОБ
6/IX 90 г